

ВНУТРИ

ПРАВДА,
КОТОРАЯ
МОЖЕТ
УБИТЬ

СЕБЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ПЕРЕЛЫГИН
МАКСИМ

18+

Максим Дмитриевич Перелыгин

Внутри себя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65818906

SelfPub; 2021

Аннотация

Что делать, если вы просыпаетесь в неизвестном для вас месте и при этом абсолютно ничего не помните? Верно, попытаться вспомнить, как здесь оказались, как зовут и где живете? Но у вас ничего не выходит. Кто-то постарался, чтобы все ответы, на блуждающие вопросы в голове, остались загадкой. Что скрывается за всем этим ужасом? Кто режиссёр и сценарист игры на выживание? Для того чтобы получить желаемые ответы, необходимо пройти ряд испытаний, и только тогда правда откроется. Только хочется ли узнать эту правду – правду, которая может убить?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	8
3	12
4	14
Глава 2	23
1	23
2	27
3	30
4	34
5	38
6	40
7	43
8	47
9	50
10	56
11	64
Глава 3	67
1	67
2	75
3	77
4	86
Глава 4	103

1	103
2	110
3	120
4	142
5	145
Глава 5	154
1	154
2	163
3	169
4	183
5	192
Эпилог	228

Максим Перелыгин

Внутри себя

Глава 1

1

Темнота. Ох, как же я ненавижу темноту. Одно лишь упоминание об этом слове заставляет меня съёжиться и сжать зубы. Я серьёзно: лучше засуньте меня в ящик с холодными скользкими змеями, чем в пустой, но очень тёмный ящик. И вот перед моими глазами, мать её, темнота. Но наконец-то пробивается небольшой лучик света, слава тебе господи. Точнее, сначала это была маленькая белая точка, но вот она уже превратилась в гигантское пятно. Я открываю глаза – ну, как сказать открываю, скорее разлепляю их, веки словно склеены, так что приходится приложить немало усилий, чтобы свет прогнал эту чёртову темноту.

Есть, получилось, я вырвался из тьмы. Но куда? Вижу что-то белое. Ага, потолок. Уже неплохо, есть какая-то ясность – я на полу. Почему? Не знаю и вдобавок не помню, как на нём оказался. Моей заднице холодно, и это заставляет меня шевельнуться. Но выясняется, что я связан, точнее мои руки

связаны за спиной. Вот это меня уже настораживает. Ничего хорошего это не сулит. Без паники. Пытаюсь привести мысли в порядок, но их нет – ни одной, даже пошлой. Глаза после пробуждения испытывают дискомфорт, видимо в отключке я пролежал весьма долго. Здесь практически темно, не могу понять, откуда идёт свет. Ноги свободны – это хорошо. Надо попытаться встать. Собираюсь с мыслями. Раз, два, три и рывок вверх.

Есть.

Ух ты, голова идёт кругом, словно я с похмелья, нет – с жуткого бодуна. Проходит несколько секунд, и тело устанавливает контакт с разумом. Теперь я нахожусь в сидячем положении, но ясности и понимания происходящего не наступает. Вращаю головой влево, затем вправо и снова влево – какое-то помещение, причём очень тёмное, света мало. Замечаю на потолке несколько люминесцентных ламп, но толку от них не так уж и много. Это место мне явно незнакомо. Пытаюсь вспомнить, как я здесь оказался, но безуспешно. Делаю вывод – я ни хрена не помню.

Предпринимаю попытку встать на ноги. Это действие даётся мне с трудом, так как ноги ватные и слабо подчиняются моей воле. Но всё же мне удаётся принять вертикальное положение. Всё тело начинает шататься и кое-как удаётся удержать равновесие, дабы опять не оказаться на холодном полу. Попытки освободить руки не увенчались успехом – крепко связаны. Теперь осматриваю комнату более подробно: четы-

ре угла, четыре стены, одна дверь и одно окно. Размер комнаты примерно двадцать квадратных метров, а может чуть больше, сейчас это не имеет никакого значения. Предметов здесь минимум: стол, который стоит посередине комнаты. О, есть старый телек, ему, наверное, лет двадцать, не меньше, стоит у одной из стен. Раковина и холодильник размещены около стены напротив телевизора. Ещё в одной стене есть окно, которое наглухо забито. Напротив окна дверь, кажется металлическая и очень массивная. Ведро в ближнем от меня углу. И это всё. Негусто. Это место, конечно, не тянет на пятизвёздочный отель, даже тайская единица выглядит более роскошной. Всё же пытаюсь *собрать мысли в кучу*. Во-первых, как я здесь оказался? Во-вторых, какой мудака связал мне руки и положил на холодный пол? В-третьих, что это за комната? На этом я хотел остановить свой подсчёт неизвестных переменных, но вдруг неожиданно возникла ещё одна. В-четвёртых: кто я?

2

С тех пор как я очнулся, мне ни разу не пришла в голову мысль – кто я?

Я просто этого не помню, а может даже и не знаю. Мне лишь известно, что я мужчина. Накатывает паника, ведь не каждый день просыпаешься безызвестной личностью. Такое ощущение, что всю информацию о тебе просто стёрли, ничего не оставили. Глубоко дышу – надо успокоиться. Для начала необходимо освободить руки. Выгибаю голову через плечо и смотрю, чем они связаны. Ага, толстая верёвка, которую по классификации смело можно отнести к тросам. Теперь надо подумать, как от неё избавиться. Нужно что-то острое. Окидываю взглядом всю комнату, но не нахожу ничего подходящего.

Предпринимаю попытку сделать первый шаг. Немного штормит, в чём причина, пока непонятно. Комната представляет собой прямоугольник с очень слабым освещением, ни одной щели, откуда может проникнуть свет извне. Даже имеющееся окно не пропускает ни лучика света.

– Эй, здесь есть кто-нибудь?! – кричу я во весь голос. – Эй, кто-нибудь слышит меня?! Пожалуйста, помогите! – Принимаю ещё одну попытку, но опять безрезультатно. Я здесь один.

Что это за странная комната? Со связанными руками, ко-

торые пока всё ещё находятся за спиной, иду к столу, прямо над которым расположена одна из ламп на потолке. Металлический стол. На его поверхности есть какая-то надпись. Подхожу к нему с той стороны, где нацарапано одно-единственное слово «ПРИВЕТ».

Чувствую, как по телу начинают бегать мурашки, а по спине текут капли пота. Что это за хрень?! Неужели эту надпись выцарапали специально для меня? Опять накатывает паника, пытаюсь глубоко дышать. Помогает, сердцебиение замедляется, пульс утихает.

– Спокойно, парень, главное, успокойся! – говорю я вслух сам себе.

Продолжаю изучение комнаты, которая в этот миг мне напоминает тёмный ящик, а точнее – гроб. Направляюсь к окну, но оно наглухо забито кусками листового металла. Прислоняю ухо, в надежде уловить хоть какой-нибудь звук, но тщетно, глухо как в танке.

Двигаюсь к двери. «Ого!» – первое, что приходит мне на ум при взгляде на стальное дверное полотно. Кто-то определённо не хочет, чтобы я покинул эту комнату. Дверь выглядит очень мощно, но попытаться взломать всё равно стоит. Вот только надо избавиться от верёвки. Двигаюсь дальше и подхожу к раковине. Обычная, металлическая, с отверстием для слива воды, без смесителя. Рядом с ней стоит холодильник. Чтобы его открыть, придется немного извернуться. Противный скрип, испускаемый дверцей холодильника, вы-

зывает у меня жуткую гримасу на лице. Внутри нет освещения, да он даже и не подключён. В холодильнике несколько полок, но лишь на одной из них стоит какая-то банка с чем-то внутри, а за ней, кажется, ещё одна. На той, что видна, есть наклейка, но из-за того, что свет толком не попадает внутрь, не могу прочесть текст, написанный на поверхности. Закрываю холодильник и понимаю, что с руками за спиной моё изучение этого склепа затрудняется. Пытаюсь просунуть руки под ногами, чтобы вывести руки вперёд, но не получается. Иду дальше вдоль стены, но ничего интересного для себя не нахожу. Подхожу к телевизору и вижу, что он весь покрыт пылью. На его экране через толстый слой пыли виднеется слово «УБИЙЦА».

По моему телу в очередной раз пробегают мурашки. Сердце стучит с такой силой, что вот-вот выскочит наружу. Сначала «ПРИВЕТ», а теперь «УБИЙЦА». Да что такое происходит? Что я сделал и, главное, кому? Отхожу от телевизора, разум словно в тумане, усердно пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но память, как большой чистый лист.

В потрясённом состоянии подхожу к углу, где стоит ведро. Грязное, не пойми с чем ведро, объёмом не меньше двадцати литров, довольно широкое. Пытаюсь сдвинуть его ногой, но понимаю, что оно не поддаётся. Предпринимаю ещё одну попытку, опять безрезультатно. Оно прибито к земле намертво. Опускаюсь на колени, так как вижу на лицевой стороне ведра очередную надпись. Это слово «НОЖ», а под ним

нарисована стрелочка, указывающая вниз, на дно.

– Какого чёрта? – произношу я вслух, не понимая происходящего.

На ведре есть крышка, сталкиваю её. И как только она падает на пол, в нос мне бьёт неопишуемый зловонный запах. Такой резкий, что из глаз начинают идти слёзы. Одновременно с этим я падаю на бок, чтобы как можно быстрее отдалиться от источника дикой вони. Откатываюсь в сторону, жадно загребаю чистый воздух в лёгкие, кашель распирает всю грудную клетку. Лишь через несколько минут мой организм приходит в норму. Встаю на ноги и теперь издали пытаюсь рассмотреть содержимое неподвижной ёмкости. Ведро до краёв наполнено жижей, вонь от которой теперь разнеслась по всей комнате. Дышу через рот, через нос невозможно, лёгкие просто выворачиваются наизнанку. Пытаюсь осмыслить всю эту ситуацию. Как понимаю, внутри жестяного ведра, намертво прибитого к полу, находится дерьмо или, возможно, что ещё похуже. А картинка, приклеенная на ёмкость, вводит меня в невероятный ужас.

– Это то, о чём я думаю? – со стоном вырываются у меня слова.

Неужели на дне это дерьмового ведра лежит нож? От этой мысли у меня сводит желудок, который, как я понимаю, давно уже не встречался ни с чем съедобным.

Чем дольше я смотрел на эту кучу дерьма в жестяной обёртке, тем сильнее покрывался потом. От одной только мысли, что придётся соприкоснуться с «этим», я впадал в истерическое состояние. Оно было просто ужасно на вид, ведро из преисподней. Если существует ад, то люди, попавшие туда в наказание за грешные дела, хлебают это дерьмо ведрами, возможно даже именно этим.

Я пытался успокоиться, привести нервы в порядок, восстановить нормальное сердцебиение и дыхание. Неужели, чтобы развязать руки, мне придётся туда окунуться? Нет, этого я делать не буду. Лучше сдохну в этой вонючей, тёмной и мерзкой комнате.

Но в глубине души я прекрасно понимал, что мой единственный путь к спасению в этот момент лежит на дне ведра.

Не знаю, сколько прошло времени, но, пока я сидел в противоположном углу, уткнувшись носом в колено, стараясь не вдыхать этот тошнотворный запах, меня не покидали мысли о том, что это конец моей жизни. Мне ни за что не выбраться отсюда. Это моя могила – могила неизвестного человека. А самое страшное то, что я даже не знаю, за что меня решили медленно убить или свести с ума. Неужели я настолько плохой человек, что заслуживаю такого наказания? Одиночество и неизвестность – это самое ужасное, с чем может

столкнуться человек на своём пути. Будь здесь кто-нибудь ещё – было бы не так страшно. Или если бы я знал, как меня зовут, кто я.

Философски размышляя, решил закрыть глаза и прислушаться к окружающей обстановке. В темноте – а здесь почти темно, если не считать пару люминесцентных ламп, которые едва светят – органы чувств начинают вести себя по-другому, лидерство обычно забирает слух. Но, находясь здесь, я слышал только собственное дыхание и стук сердца. И больше ничего, абсолютно ничего. Такое ощущение, что меня заперли в каком-то военном бункере глубоко под землёй.

Пол был такой холодный, что приходилось постоянно менять позу. Но со связанными руками за спиной особенно не отдохнёшь. Про то, чтобы поспать, я вообще молчу, хотя в такой ситуации сон мне казался идеальным вариантом. Как же я хотел сомкнуть глаза и погрузиться в мир грёз. Я то и дело клевал носом, но холодный пол и нарастающее чувство голода возвращали меня в реальность. Но по-настоящему меня пробудило не это, а маленькая красная точка, мигающая в углу под потолком.

4

Это красное пятнышко в верхнем углу казалось мне чьим-то глазом, то и дело подмигивающим. Когда я осознал, что это значит, внутри меня всё замерло. Я перестал дышать и шевелиться, кровь застыла в жилах и холодила тело. Это камера видеонаблюдения. Вот что у меня пролетело в голове. Не может быть! За мной кто-то наблюдает. Всё то время, что я здесь нахожусь, а это уже около двух часов после пробуждения, за мной следили. Я как животное в зоопарке, на которое пришли поглазеть.

Поднимаюсь на ноги. В голове полный бардак. Не спеша направляюсь в угол, где красная точка, словно морской маяк, манит к себе одинокое судно. Подхожу вплотную, поднимаю голову и долго смотрю. Проходит около минуты, а может и больше, и вдруг я кричу во весь голос, напугав даже самого себя.

– Какого чёрта здесь происходит?! Эй, там наверху, ответьте мне. Это какая-то шутка?!

Красная точка продолжает мигать, я нервно дышу. Понимаю, что надо успокоиться, но не могу. Напрягаю зрение. Теперь я отчётливо вижу, что в самом уголке размещена маленькая камера, которую в дневное время суток при хорошем освещении можно даже и не заметить.

Я начинаю ходить по кругу, как зверь в запертой клетке.

Благодаря ходьбе удаётся немного успокоиться, но тут же у меня вдруг начинается истерический припадок.

– Я понял! – кричу я, продолжая ходить по комнате кругами. – Это прикол такой, да? Нет-нет, не прикол, это такая передача, где разыгрывают людей. Да? Вот я дурак, как же сразу не догадался.

Мой взор устремляется обратно на камеру.

– Или это какая-то другая передача, дайте подумать. – Я продолжаю ходить кругами, и в моей речи всё больше чувствуются страх и одновременно отчаяние.

– Это, мать вашу, как её... «Звёзды под гипнозом». Точно, я угадал, да? – У меня вырывается истерический смешок. – Ну, где тут у нас ведущий, эй!

Я увеличиваю скорость ходьбы, практически уже бегаю кругами как заводная юла. Но вдруг я останавливаюсь, падаю на колени, и вот уже вместо смеха у меня вырывается плач. Мне страшно. Вы даже не представляете, насколько страшно. Слезы текут рекой, я похож на маленького ребёнка, который потерялся в большом торговом центре и думает, что уже никогда не найдёт свою маму. Слезы и сопли – как же мне стыдно за себя, но по-другому не могу, сейчас не могу. Я хочу выйти отсюда, хочу на свободу, хочу увидеть солнечный свет. Но я понимаю, что это вряд ли произойдёт, потому что это не какое-то там телешоу, это реальность с привкусом смерти.

Я забился в угол как дикое животное, которое привезли

прямоком из джунглей и бросили в запертую комнату. И вот, сидя на корточках, я понимал, что слишком рано сдался. Тот, кто за мной наблюдает, этого только и добивается. Хочет меня сломать. Ему, а может даже им, доставляет большое удовольствие лицезреть мои истерики, слёзы, крики и отчаянное положение.

К тошнотворному запаху я уже привык, и теперь он беспокоит меня намного меньше. А чувство голода, к сожалению, никуда не делось, оно, наоборот, даже усилилось. Но для начала надо избавиться от этой чёртовой верёвки за спиной. Лишь тогда я могу рассчитывать хоть на что-нибудь.

Встав на ноги, я лишь сейчас заметил, что одет в хлопковые штаны и футболку. Спереди на штанах имеются карманы, в которых может лежать что-то, что поможет мне выбраться на свободу. И вспомнил про банки в холодильнике. Возможно, в них еда, а есть я хочу очень сильно.

– Да, парень, ты в такой в глубокой заднице, что даже непонятно, какого она цвета, – произнёс я, направляясь в угол, где стояло ведро. – Твой возможный путь к спасению лежит на дне дерьма.

Медленными шагами я продолжал приближаться к вонючему углу. Дышать становилось труднее, это если учесть, что сверху лежит крышка. Расстояние между мной и тарой, где находился нож, если верить картинке, наклеенной на переднюю часть ведра, составляло не больше метра. Встав возле ведра, я повернул голову в ту сторону, где мне упорно под-

мигивал красный глаз.

– Вот почему оно прибито намертво, да? Хотите получить рейтинговое шоу! Хотите увидеть, как взрослый мужик со связанными руками за спиной копается в куче дерьма. Вы что, с канала MTV?

Всё это я изрёк с лёгкой нездоровой иронией и улыбкой на лице. Наверное, хотел показать моему зрителю, что силен духом. Но в глубине души осознавал, что мой дух размазан, как таракан на кафельном полу после встречи с домашней тапкой. По сути дела, я и есть тот самый беспомощный таракан, просто давят меня не сразу, а потихоньку, наслаждаясь мучительным процессом.

Я посмотрел на ведро, подошёл к нему вплотную. Несмотря на то что в нос ударили невероятные ароматы гниения и много чего ещё, я был настроен решительно. Мне необходимо обыскать дно. Возможно, там и нет никакого ножа, но я обязан проверить. Уверен, он там есть. Это только начало игры. О да, это игра! Кто-то, обладающий больной фантазией, пересмотревший в детстве фильмов ужасов, решил взять на себя роль злодея и помучить человека.

Я больше не смотрел в угол, где находилась камера. Пытался сконцентрироваться на ведре. Если его нельзя перевернуть, значит, я должен туда залезть. Самый лёгкий и простой способ отпал сам собой, так как руки мои были вне игры. Да, это действительно было бы проще всего: быстро опустил руку, пошарил по дну и вытащил заветный предмет.

Но режиссёр и сценарист этой игры хотел увидеть настоящее красочное представление.

После небольшой паузы я перевёл взгляд на свои ноги. Чем они хуже рук, чтобы достать предмет со дна? В принципе ничем, те же пальцы. Всё-таки человек произошёл от обезьяны, а наши ближайшие родственники очень умело пользуются всеми конечностями.

Мои босые ноги, уже испачканные в пыли и грязи, были готовы погрузиться в необъятное море дерьма. Задрать штанину не было возможности, поэтому придётся окунать прямо так. Скинув крышку, я поднял ногу и задержал её в нескольких сантиметрах над коричневой жижей. Повернул голову в сторону камеры и мысленно попытался проникнуть за кулисы. Там сейчас сидит человек и потирает свои потные ладони в предвкушении спектакля. Это только начало, проговаривает он про себя, всё самое интересное впереди. Мне кажется, я читаю его мысли, и с горечью понимаю, что это действительно только начало.

Я вернулся в реальность, моя нога стала медленно опускаться на дно. Первое соприкосновение было самым ужасным. Холодная и вязкая субстанция поглотила мой большой палец, а затем и все остальные пальцы с таким удовольствием, что это трудно описать. Я закрыл глаза. После первого контакта на моём лице появилась такая гримаса, что можно было подумать, что я откусил кислещий лимон. Параллельно этому из моих уст вылетали нечленораздельные зву-

ки, переплетающиеся с бранью, и по ним можно было легко определить, что в данный момент я испытываю настоящий ад. Процесс погружения длился вечность, так мне казалось. Наконец-то моя нога нащупала дно.

Дышать глубоко не получалось, это было просто нереально. Казалось, если проведу тут ещё несколько минут, то потеряю сознание. Поэтому решил, что надо делать всё быстро и забыть о том, в чём именно находится нога. Начинаю водить ступнёй по всей поверхности и вдруг понимаю, что пальцы за что-то зацепились. Первая мысль, промелькнувшая в голове, – я спасён. Зашёл на второй круг. Мне действительно не показалось, там что-то есть. Начал более тщательно ощупывать предмет, размещённый в центре. В этот миг я даже перестал ощущать зловонный запах и стал дышать более ровно. Адреналин просто взорвал меня изнутри, глаза загорелись, на лице появилась улыбка, и даже смешок исчез.

По прошествии нескольких секунд моё радостное настроение резко сошло на нет. Закружилась голова, почувствовал, как холодеет лоб, а спина покрывается ледяными капельками пота. Сердце готово взорваться.

Не может быть. В голове проносились разные мысли, я пытался осознать то, что поведали пальцы ног. Нет, там действительно что-то было. По своей форме похожее на нож, причём не самый маленький. Была лишь крохотная, мать её, проблемка – предмет закреплён на дне.

Когда мозг переварил полученную информацию, моя но-

га, погруженная внутрь, стала упорно пытаться зацепить предмет пальцами и вытащить его. Раз за разом предпринимал попытки, но всегда неудачные. Нож, или что-то другое, было достаточно хорошо закреплено на дне ведра. Меня бросило в жар, затем в холод, и так несколько раз, пока я не понял, что всё это значит.

Я вытащил ногу. Смотреть на неё не было сил: вся покрыта дерьмом, об этом свидетельствовал запах. Самое обыкновенное дерьмо, не исключено, что человеческое. Скорее всего, оно самое. Стоя уже на двух ногах на полу, я пытался сбить остатки человеческих испражнений. Тряс ногой, и частички коричневой субстанции неохотно слетали со штаннины и ступни. Я подошёл к металлическому столу и стал всевозможными способами тереть об него ногу. Как всё это было омерзительно, трудно даже описать словами. Это надо видеть. А ведь кто-то видел, там, по другую сторону камеры видеонаблюдения. Кто-то получал удовольствие, глядя на то, как человек мечется по комнате с говном на ноге, пытаясь её очистить.

Я снова забился в угол, пытаюсь практически не вдыхать отравленный воздух. От меня несло как от бомжа, который забыл, что такое туалетная бумага и душ раз в неделю. Нога, которая не могла похвастаться загаром, приобрела коричневый оттенок. То и дело я переводил взгляд с неё на мигающий огонёк в углу напротив. Прекрасно понимаю, что там ждут от меня следующего шага, а следующий шаг самый

мерзкий. Если не могу достать предмет ни руками, ни ногами, следовательно, остаётся один-единственный вариант. Но как только я думаю об этом, представляю, как моя голова погружается в эту вонючую массу, – тут же тошнит и пустой желудок выворачивается наизнанку. Но другого выхода нет, если хочу развязать руки. Да и в целом оружие мне не мешает.

Перед тем как погрузить лицо в испражнения, попытался вычерпать хоть немного ногой, но это почти не помогло. Не стал оттягивать худшее, решил сделать всё быстро.

Встал на колени перед ведром. Запах, несмотря на то что я пребываю здесь уже давно, всё равно был ужасно отвратителен. Он, наверное, единственное, к чему я никогда не смогу привыкнуть в этой комнате.

По-прежнему дышу ртом.

Закрыл глаза.

Досчитал до трёх.

Выдержал последнюю паузу.

Задержал дыхание.

Перед погружением попытался вспомнить молитву, но, видимо, я не был прилежным христианином.

После контакта с жижей я стремительно направил голову ко дну ведра. За счёт того, что оно было довольно широким, плечи не мешали мне искать свой ключ к спасению.

Описать всё то, что я испытывал в этот момент, просто невозможно. Это действительно был ад, именно так он и вы-

глядит. Время, проведённое там, показалось мне вечностью, хотя я уложился в несколько секунд.

Не открывая глаз, устремился ко дну. Нашупал нужный мне предмет лбом. Теперь предстояло сделать самое тяжёлое – открыть рот и вцепиться в него зубами.

Я это сделал.

Сделал то, что в обычных обстоятельствах не сделал бы ни за какие деньги. Как только мои челюсти сомкнулись на предполагаемом ноже, сделал резкий рывок вверх. Голова взлетела как выпущенное из пушки ядро. Повалился на землю, с волос на лицо стекали остатки дерьма. Часть из них попала в рот, что спровоцировало рвотный процесс. Мой желудок был настолько пуст, что на пол практически ничего не вытекло. Я лежал на боку и глубоко дышал. И вдруг накатили слёзы, я зарыдал как маленькая девочка, которой подарили давно обещанную куклу. Передо мной на полу лежал большой кухонный нож, который так же, как и я, был коричневого цвета. Наступила темнота – я отключился.

Глава 2

1

По-прежнему темнота, но какая-то уже другая, не такая пугающая и жуткая.

Свет.

Сияние становится всё ярче.

Тьма уходит.

Приятно, мне тепло и хорошо. Не знаю, что происходит, но мне это по душе. Исчез страх и всё, что напоминало мне об этой ужасной комнате. Да, я совершенно прав. Я её покинул. Нахожусь где-то в другом месте. Ощущаю под собой мягкую поверхность. Как это здорово лежать на чём-то мягком и упругом одновременно.

Это кровать.

Блаженство.

У меня возникает ощущение, что я напрочь забыл, что такое полноценный сон в нормальной обстановке. Нет больше холодного пола. Роскошная кровать с белоснежным покрывалом, бежевыми подушками, в которых хочется утонуть, и пушистым одеялом.

Я дома.

Точно дома, хотя мне это место мало знакомо, но я уве-

рен, что я дома. Тишина, абсолютная тишина, слышно лишь тиканье часов, но оно такое умиротворяющее, похожее на гипноз. Чем дольше его слушаю, тем больше тело наливается тёплом и проваливается глубоко вниз моего сознания.

Появляется новый звук, не могу понять, что это. Кажется, чей-то голос. Женский. Да. Определённо женский. Такой нежный и ласковый. Слушал бы его вечность. Вместе с ним доносится и запах. Его трудно описать – как будто корзина с фруктами испускает несколько ароматов.

Как же хорошо. Хочу, чтобы этот момент не заканчивался. Не хочу снова возвращаться в ту комнату, где, кроме темноты, холода и тошнотворного запаха, больше нет ничего.

Нет, только не сейчас.

Не надо об этом думать.

Перестань.

Сконцентрируйся на голосе.

Он манит.

Как давно я не слышал другого голоса.

Хочется с кем-то просто поговорить.

Голос приближается, но слова по-прежнему неразборчивые. Приятный аромат усиливается. Вижу размытый силуэт человека, женщины. Лица не видно, словно смотрю на него сквозь матовое стекло.

Приближается.

Что-то говорит, но по-прежнему не слышу что.

Звук смазанный, нечёткий.

Нежность из голоса улетучилась, остался лишь металлический скрежет.

Она чем-то недовольна. Машет передо мной руками.

Кажется, кричит, ругается на меня.

Я её не знаю, точнее, не помню, но что-то мне подсказывает, что мы всё-таки знакомы. Даже очень хорошо знакомы. У нас с ней отношения?

Подруга?

Невеста?

Жена?

Чёрт, я не знаю!

Я по-прежнему лежу на кровати. Из-за того, что она кричит, мне становится дискомфортно. Появляется желание вскочить и убежать далеко.

Не могу встать, её неразборчивый крик – словно молоток, приколачивающий меня к постели острыми гвоздями.

Я её чем-то явно расстроил. Да что там расстроил, просто взбесил. Такое чувство, что она не прочь меня убить или хотя бы сильно покалечить.

Почему я ничего не понимаю?

Что со мной?

Где я?

Это сон?

Голова пуста, в ней нет абсолютно никаких мыслей. Ни одного воспоминания. Пытаюсь пробудить память, но безрезультатно. Зато женщина меня прекрасно знает, это чувству-

ется по атмосфере, которая витает в комнате.

Вдруг она замолкает, начинает уходить, рассеивается как утренний туман.

Силуэт блёкнет.

Перед глазами одно большое белое пятно.

И оно начинает исчезать.

Темнеет.

Только не это.

Темнота.

2

Темнота в моей голове прошла, её прогнал тошнотворный запах. В этой ситуации он сыграл роль нашатырного спирта, привёл меня в сознание в один миг.

Первыми мыслями, пронзившими мою черепную коробку, были «Нет» и ещё раз «Нет». Сделав осознанный вздох, я понял, что по-прежнему нахожусь в этом гробоподобном ящике, называемой комнатой.

Глаза открылись почти сразу. В помещении всё так же светил тусклый свет, мой взгляд был направлен на непонятное пятно в виде собаки. Я схожу с ума, если уже вижу на стене каких-то животных. Спустя мгновение сфокусировал взгляд на предмете, лежавшем практически рядом со мной.

Кухонный нож. Может, и не совсем кухонный, но я почему-то решил, что на кухне он смотрелся бы очень хорошо. Таким ножом домохозяйки обычно разделявают мясо либо рыбу, проще говоря, он режет кости и хрящи с завидной лёгкостью. Даже лёжа на полу, я ощущал его мощь и остроту.

Полежав ещё несколько секунд на холодном полу, я встал, издав при этом крик или что-то наподобие этого. Огляделся – всё без изменений. Сюда никто не входил и уж точно отсюда не выходил. Хотя, разумеется, я могу ошибаться, ведь понятия не имею, сколько пробыл в отключке. Скорее всего, сознание потерял из-за погружения, хоть и недолго, в отходы

человеческой жизнедеятельности.

Последнее беспокоило меня больше всего. Не каждый день приходится хлебнуть дерьма, а занятие это, могу вам сказать, просто отвратительное. Особенно сильно боль ощущалась в левом боку, он горел, словно меня пронзили чем-то острым и оставили это внутри. Наклонился, но ничего торчащего из себя не увидел. Тело слегка затекло, и я сделал несколько разминочных движений, дабы кровь не застаивалась.

Несмотря на всё это, очень хотелось есть. Ох, как я был голоден! Кажется, что после такой тошнотворной процедуры аппетит должен пропасть как минимум на неделю, а может и больше, но нет, жрать хотелось ужасно. Не могу сказать, когда у меня был последний приём пищи, так как этого просто не помню, но мой желудок подсказывал, что очень-очень давно. Даже в рвотной массе не содержалось никакого кусочка, лишь один желудочный сок, перемешанный со слюной и мелкими частицами чего-то вонючего.

Кое-как попытался прогнать мысли о еде и сконцентрировался на своём освобождении, не полном, но хотя бы частичном. Мои руки так и просились на волю.

Подошёл к ножу, который по-прежнему был покрыт коричневыми испражнениями, и попытался с помощью ног его очистить. Сбив самые большие куски, повернулся к ножу спиной, сел на корточки и взял его в руки.

Холодная сталь приятно легла в мои ладони, заставив тело

содрогнуться, а целое стадо мурашек пробежаться от затылка до пяток. Это действительно было приятное ощущение – неполное, но всё же ощущение свободы.

После некоторых нехитрых манипуляций придал холодному, а точнее, ледяному оружию нужное положение, и медленными, но уверенными движениями начал резать свои оковы. Не спеша, вверх-вниз. Кисти рук быстро приноровились к работе в вертикальной плоскости, и спустя минут пятнадцать я был свободен, точнее, освободил свои верхние конечности. В этот момент, как ни странно это прозвучит, я был благодарен своему надсмотрщику за то, что он оставил мне прекрасно заточенный нож. Не какой-нибудь там бойскаутский ножичек с тупым лезвием, а настоящий тесак. Но на этом мои благодарности в адрес этого сумасшедшего ублюдка закончились.

Я сохраню этот нож.

Точно сохраню. И когда я тебя найду, ты ощутишь всю прелесть этого великолепного оружия. Будь уверен, ты точно оценишь его остроту, его плавность и лёгкость в работе. На твоём месте, засранец, я бы уже бежал, потому что в моей головушке зарождаются очень плохие мысли. Но ты сам в этом виноват.

Я выйду отсюда!

Найду тебя!

Убью тебя!

3

Как бы глупо это ни прозвучало, но я впервые ощутил себя свободным, несмотря на то что выхода из комнаты нет, по крайней мере, пока я его не обнаружил. Бледные пакли попеременно с грязью и пылью, исполосованные царапинами вдоль и поперёк, смотрели на меня. Назвать это руками было трудно. Но наконец-то они были на свободе.

Первые минуты руки были непослушны и слабы, пришлось их размять и дать налиться кровью. Как только почувствовал, что кисти функционируют как надо, решил не тратить время впустую. Но кипевшая внутри меня эйфория не позволяла сосредоточиться на плане действий.

Неужели первый раунд остался за мной?

Или я ошибаюсь?

Может, всё идёт по сценарию психопата, запершего меня здесь? Это он захотел, чтобы я освободился.

Я его игрушка.

Его кукла.

Мои сумбурные размышления прервала ужасная боль в левом боку. Теперь я мог осмотреть не только каждый сантиметр комнаты, но прежде всего самого себя. Отличная идея, мысленно сказал я.

Мгновенно опустил руки к поясу и очень осторожно прикоснулся к левому боку. Резкая боль пронзила всё тело, я

упал на колени и закричал как раненое животное, которое вырвалось из лап дикого хищника. Боль была такой сильной, что слёзы покатались из глаз, а мозг разрывался на части.

Стоя на коленях, я понял, что дела мои плохи. Непонятно, почему раньше, когда я первый раз пришёл в себя, ничего такого не почувствовал. Неужели, после того как я достал нож и отключился, кто-то вошёл сюда и сделал со мной что-то?

Нет, не может быть. Сюда явно никто не заходил. Надо думать и действовать здраво. Необходимо выяснить причину адских болей и устранить их, иначе я умру в агонии, а скорее – покончу с собой, дабы избавиться от этих мучений.

Я продолжал стоять на коленях, лицо превратилось в маску мученика. Медленно наклонил голову, устремил взгляд на то место, откуда исходит боль. Через футболку, которая уже потеряла свой истинный белый цвет, ничего не было видно.

Необходимо её снять.

Попытался раздеться обычным методом, но не смог, тело не позволило. Левый бок пронзила огненная стрела. Надо придумать что-то другое.

Нож. Точно, у меня же есть острый нож. Разрезать эту чёртову футболку и осмотреть себя. Вот моя следующая задача.

Мой металлический спаситель лежал на полу возле ног. Подобрал его и крепко сжав в правой руке, медленно поднёс лезвие к воротнику. Аккуратным движением разрезал фут-

болку от шеи до самого нижнего края.

Как же он режет. Даже сейчас я не мог перестать восхищаться остриём клинка.

Теперь футболка напоминала обычную рубашку с коротким рукавом, только без пуговиц. Наклонил голову. Мои глаза упёрлись в оголённый левый бок. В этот миг я снова испытал шок. Сердце стремилось вырваться из груди, дыхание участилось, хотелось завизжать от ужаса, но почему-то не смог, словно в рот мне вставили невидимый кляп. Задрал голову вверх. Глубокий вдох и медленный выдох дались с большим трудом. Пытался успокоить себя, но ничего не получалось. Снова подступили слёзы, а вместе с ними и головокружение. Снова опустил голову, но тут же опять перевёл взгляд на потолок. Я не знал, что делать.

Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох. Несмотря на причиняемую от этих действий боль, я всё равно дышал и дышал. Паника накрыла с головы до ног с такой силой, что сердце в любой момент могло остановиться. Страх сковал меня изнутри, лишая рассудка.

Вдох, и ещё выдох. Боль окружила меня, но главное – не сдаваться ей, быть сильнее всего, что меня сейчас окружает. Надо собраться.

Немного полегчало, хотя адская боль ушла недалеко, маячила на горизонте, намереваясь вернуться в любую секунду.
– Да что же это такое, твою мать! – крикнул я в потолок, в ожидании ответа. Но его не было.

Я снова перевёл взгляд на свой левый бок и ещё раз убедился, что мне это не кажется. На моей бледной коже красовался ужасный медицинский, или как он там правильно называется, хирургический шов. Он был огромный, сантиметров восемь, не меньше.

4

Меня резали.

Моё тело вскрывали. Какая-то гнида вспорола мне брюхо, как кролику. А я ничего не помню.

Вообще ничего!

Как я мог этого не помнить. Да что там не помнить – не почувствовать, как холодная сталь врезается в мою плоть. Видимо, я был под наркозом.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Усиленно напрягаю все извилины, но ничего. Как же такое может быть.

Чёрт!

Снова гляжу на «это». Какой же он большой. Не знаю, но такое ощущение, что он довольно свежий. Может, я врач или когда-то им был?

Страшный.

Не подумайте, что я схожу с ума, но он действительно страшный. Кривой, швы неаккуратные, все разные. Это дело рук непрофессионала. Не какой-то там врач-специалист выполнял операцию, а настоящий дилетант.

Меня терзает лишь одна мысль – зачем? Зачем кому-то понадобилась меня вскрывать, а потом зашивать?

Думай голова. Думай.

Боль не исчезла, но заметно стихла. Это всё, наверное, из-

за выброса в кровь большого количества адреналина или чего ещё. Да и чёрт с ним, главное, боль отступила.

В голове и раньше был полный бардак, а теперь там полный хаос.

– Если у меня есть свежий шов на теле, – решил я поразмышлять вслух, надеясь, что это поможет мне найти правильный ответ или верный план действий, – значит, кто-то с какой-то целью его сделал. Верно? Верно! Но зачем? Хрен его знает!

Мозг готов был разорваться от происходящего в этой грёбаной комнате, но я прекрасно понимал, что надо успокоиться и всё взвесить и оценить. Значит, из меня что-то извлекли. Что?

Я повернул голову в сторону камеры, которая по-прежнему мне подмигивала.

– Скажи, что ты от меня хочешь. Может, мы сможем с тобой договориться? – Прокричал я, глядя прямоком в камеру. – Я не знаю, чего ты от меня хочешь. Что я тебе такого сделал? Объясни мне, пожалуйста, подай мне знак.

Ответа, разумеется, не было. Я перевёл взгляд на свой живот. Медленно дотронулся пальцами до поверхности шва и ощутил боль. Мои анатомические познания были скудны, поэтому я даже не мог сообразить, что находится в левой брюшной полости. Точнее, какой орган. Неужели это обычная кража человеческих органов, или как там правильно называется подобный бизнес.

Нет!

Тогда зачем нужно было макать меня в дерьмо? Да и эти надписи на столе и телевизоре. Нет, это что-то другое. Чья-то больная фантазия вылезла наружу.

Я пытался мысленно собрать воедино всю полученную информацию, но моя голова была словно сито, через которое всё тут же выходит.

Продолжая стоять на коленях, я по-прежнему пытался решить головоломку своего живота. Да, это головоломка, ребус, одним словом – игра. В этой комнате нет ничего случайного, это декорация. Постановка психотеатра, а я в главной роли, только не знаю слов, реплик и сцен.

К глазам снова подкатили слёзы, но я их удержал. Только не сейчас. Надо думать, попытаться вспомнить прошлое. Уверен, что именно в нём кроется тайна происходящего. Неспроста я потерял память, такого не бывает. Меня чем-то накачали, хотели, чтобы я ничего не помнил.

Сон!

Мне снился сон, когда я отключился после доставания ножа. Что там было?!

Так, так, так.

Светлая комната, кровать и какая-то женщина. Лица не помню, оно было размыто или как-то так. Она сердилась на меня, кажется, кричала. Если кричала на меня, значит, мы были знакомы. Естественно, знакомы, это же происходило в комнате, а не где-то на улице. Потом всё пропало.

Уже неплохо. Есть прогресс. Но всё равно пока ничего не ясно. Может, это та самая женщина меня здесь и удерживает, издевается надо мной?

Но зачем?

Я её чем-то обидел. Не позвал на выпускной бал или не подал руку, выходя из машины?

Бред.

Может, это вообще не из реальной жизни. Ладно, оставим это на потом. Надо полностью сосредоточиться на животе. Этот шов неспроста красуется у меня на брюхе.

Думай, чёрт тебя побери.

Не знаю, в который раз я то и дело переводил взгляд с живота на что-нибудь другое – лишь бы куда, но только не смотреть на этот ужас багрового цвета.

Здесь всё неспроста, во всём есть смысл. Раз за разом прокручивал эти слова в голове, с целью найти истину.

Зачем? Зачем? Зачем? Кому-то понадобилось меня резать. Из меня явно ничего не вырезали, потому что я живой, до сих пор хожу, дышу, тело функционирует нормально и тому подобное.

Я снова взглянул на живот, уже в сотый раз, а может и в тысячный, но только сейчас почему-то заметил одну деталь, которая до этого не бросалась в глаза. Неудивительно, что лишь спустя некоторое время, придя в более или менее спокойное состояние, мне удалось прийти к неутешительному выводу.

Швы.

Они были какие-то не такие. Не знаю, как это точно выразить, но сложилось такое впечатление, что в реальной жизни хирургический шов выглядит иначе. Я имею в виду, что если вам делают какую-либо операцию, после которой накладываются швы, они выглядят аккуратно. Маленькие, неброские, почти невидимые, или хотя бы менее заметные. А вот на моём животе красовались настоящие швы, если их мож-

но так назвать. Сомневаюсь, что найдётся хоть один нормальный врач, решившийся оставить на теле своего пациента такое безобразие. Подобная хирургическая работа сгодится для какого-нибудь фильма ужасов или для человека, запертого маньяком и извращенцем в одном лице в зловонной комнате страха, мучения и отчаяния.

А вывод был прост и ужасен одновременно. С самого начала я был уверен, что из меня что-то вырезали, какой-то орган или просто часть тела. Но никогда не смотрел на сложившуюся ситуацию с обратной стороны. А что если на мне сделали разрез с целью спрятать что-то внутри?

Как только подобная мысль пришла в голову, всё тело покрылось ледяными каплями пота.

Мне стало страшно в очередной раз. Какой же я трус! Именно за это я себя ненавижу. Ведь там, по ту сторону камеры, кто-то этого только и ждёт, питается чужим страхом, получает истинное удовольствие от того, что человек умирает, долго и мучительно.

Я его чувствую, так же, как и он меня.

Я точно это знаю. Но не это меня больше всего пугает, а то, что я знаком с этим чудовищем.

Этот гад, демон воплотил, спрятал во мне что-то, поместил предмет прямиком в тело. К такому выводу я пришёл, глядя на хирургические швы. Они были огромны, так и просили, чтобы их разрезали. Свежая нить была готова разорваться сама, представив моим глазам самого себя же, но только в разрезе. Ирония любого инженера – увидеть собственное тело в разрезе.

Бред!

Подобную хрень необходимо выкинуть из башки, сейчас мне нужна ясность и хладнокровность.

– Ты конченный ублюдок, выродок, гореть тебе в аду, тварь! – Из меня просто лился поток брани, мой взор был устремлён прямо в камеру. – Ты находишь это забавным, урод, а? У тебя в башке вместо мозгов гной вонючий. Какого хрена ты делаешь? – Мой крик был похож на вой раненого зверя, понимающего, что шансов выжить у него мало.

– Ты хочешь увидеть, как я разрежу твой шов, и... – Закончить фразу я не смог. Потому что не знал, что будет дальше, что произойдёт после того, как я вскрою себя. Прольётся ли кровь или ударит фонтаном? Да я понятия не имею, что последует дальше. Может, я сразу потеряю сознание, как только увижу себя изнутри. Или же сразу умру от нервного шока, или сердце просто разорвётся на мелкие кусочки.

Неужели это всё происходит со мной наяву, не в каком-то ужасном сне, а в реальной жизни. За что?

Меня била истерика, текли слюни, глаза покраснели от слёз, дикий рёв исходил из моего рта. Я кричал, не понимая собственных слов, но при этом упорно не отводил взгляда от мигающей красной точки. Лишь изредка, буквально на секунду закрывал веки и снова всматривался в маленький круглый объектив. Я хотел получить ответ.

Время шло, а обстановка в комнате не менялась. Я прекрасно понимал, что промедление с моей стороны – это приближение скорой смерти. Надо действовать, бороться за жизнь. Если моё очередное спасение лежит внутри меня, то надо это сделать. Я уже и так прошёл через ад под названием «дерьмовое ведро», хуже этого испытания вряд ли можно придумать.

Да.

Надо вскрыть себя.

Увидеть, что лежит внутри меня, если там действительно что-то есть. А возможно, я потихоньку схожу с ума. Одно из двух, осталось лишь это проверить. Сейчас я даже стал ощущать, что в левом боку находится инородный предмет. Хотя, быть может, это мне кажется. Разыгралось воображение или сработало самовнушение, подпитываемое страхом.

Я не знаю, сколько прошло времени с тех пор как я осознал своё положение, потому что здесь время стоит на месте. В этой комнате реальность отличается от привычной нам.

Лето или зима, день или ночь, минута или час – всё это не работает, не ощущается, этого просто нет. Есть только я, мигающая красная точка и бесконечность.

Нож.

Ждать смысла нет, чем дольше готовишься, тем сложнее совершить это. Только сейчас я начинаю понимать, что до жути боюсь крови и другой подобной хрени. Но выбора нет, я должен узнать, что скрыто внутри меня. Возможно, там очередной ключ к спасению, а может быть там ничего нет. Не исключено, что этот больной тип хочет разыграть меня.

Разыграть?

Вот это я понимаю чувство юмора. Ухохочешься как смешно. Я представляю, как там, по ту сторону камеры, он с наслаждением потирает потные ладони, предвкушая зрелище. Улыбка расплывается по его лицу, и он не в состоянии усидеть на месте. Не знаю, почему, но я думаю, он ведёт себя именно так. Именно так ведут себя душевнобольные люди.

Шоу-у-у-у на-а-а-ачинается!

При контакте с холодной сталью я непроизвольно вздрагиваю. Нет, я себя ещё не режу, пока что просто взял нож в руки. Что будет со мной, когда я... не хочу об этом думать.

Раз, и всё.

Легко сказать. Уже уйму времени сижу с ножом в руке и никак не решаюсь, просто не могу. Не могу заставить свой мозг отдать рукам команду «режь». Решил досчитать до двадцати, и будь что будет.

Один, два, три... восемь, девять... шестнадцать... девятнадцать, двадцать.

Медленно, сантиметр за сантиметром, подношу дрожащую руку с зажатым внутри холодным оружием к животу. Мой взгляд прикован к багровой ране, покрытой отвратительными кровавыми швами. Чем ближе кончик ножа к животу, тем более учащённым становится дыхание. Сердце стучит как воскресный колокол, глаза готовы вылезти из орбит от напряжения. Осталось буквально несколько миллиметров.

Контакт.

На долю секунды я закрыл глаза, но тут же их открыл. Надо всё контролировать, одно неловкое движение, и я труп. Умирать ещё не время.

Аккуратно, как только можно себе это представить, я цепляю первый шов, прилагаю усилие и чувствую, что нить слабеет.

Ещё усилие.

Есть.

Первый шов разошёлся. Было немного больно, но я ждал худшего. Ещё четыре шва. Повторяю те же движения. Кончик ножа залезает под второй шов, усилие, движение вверх.

Есть.

Не свожу глаз с живота. Вижу, как в том месте, где раньше плоть была соединена хирургической нитью, проступила кровь. Накатывает паника. Я умру. Истеку кровью на холодном полу и умру. Очередной глубокий вдох и выдох, но это не помогает, кровотечение усилилось. Что делать? Необходимо дышать нечасто и неглубоко. Беру себя под контроль. Совершаю уже знакомые манипуляции. С какой же лёгкостью лезвие перерезает нить.

Тут же в голову лезет мысль: а что, если нож оказался бы тупым? Наверное, это была бы пытка, причём мучительная, и, скорее всего, я бы сдох. Не от боли или потери крови, а от страха. Нет. Он всё предусмотрел, он хочет, чтобы я справился с этим заданием, хочет, чтобы я узнал, что там лежит. Всё идёт по его сценарию.

И вот последний шов. Мгновение, и последняя нить раскрывает мою брюшную полость. Небольшая струйка крови течёт по коже вниз, в область паха. Я заранее подготовился к

подобному, поэтому перед операцией снял с себя футболку, которая уже была похожа на рубашку, и положил её около себя.

Прикладывать грязную тряпку, пропитанную потом и свежим дерьмом, к открытой ране я побоялся. Было бы глупо погибнуть здесь от заражения крови, поэтому я лишь вытер ею края раны.

Картина, бросившаяся мне в глаза, напомнила сцену из какого-то фильма ужасов, где герой после встречи с маньяком лежит на полу с раной на теле и медленно умирает. Но, в отличие от него, у меня рана несмертельная, я на это надеюсь.

Положил нож на пол возле себя; остриё блестело тёмно-красным. Края раны имели лёгкую опухлость, при каждом выдохе кровь стремилась наружу. Пытался дышать спокойно, как только можно было в такой ситуации.

Продолжая сидеть на коленях, медленно, очень медленно поднёс руку к ране и слегка её раздвинул. Тут же почувствовал боль, но не настолько сильную, чтобы убрать руки. Как только разрез увеличился в ширине, я тут же увидел что-то внутри себя. Сразу распознать, что это такое, не было возможности. Но определённо в моём левом боку находился какой-то предмет. Этот урод и в самом деле сделал из меня почтовый ящик! Необходимо шире раскрыть рану и достать из себя посылку.

Это было нелегко, так как я чувствовал слабость и голо-

вокружение. Надо действовать быстрее, пока не отключился. Раздвинув пальцами правой руки края плоти, левой я аккуратно подцепил уголок торчащего из меня предмета и начал не спеша вытягивать наружу. Время, которое было потрачено на извлечение посылки, показалось мне вечностью. Ко всему ещё было больно, чертовски больно. Я ощущал, как что-то режет меня изнутри, словно кошачьи когти вцепились и не хотят отпускать.

Лицо исказила гримаса ужаса и отвращения. Пот выступил на лбу, солёные капли попадали в глаза, что вызвало неприятное жжение.

Есть.

Вытащил.

Сперва не мог понять, что это. Лишь спустя несколько секунд я осознал, что достал из себя небольшой чёрный полиэтиленовый пакет. В таких обычно отправляют по почте разные посылки.

Ах ты чёртов ублюдок!

– Где мне надо расписаться, что посылка получена? – глядя в камеру, негромко произнёс я. – Почтальон херов.

8

В моих окровавленных руках лежал обычный чёрный пакет, какие регулярно используют люди. Да что люди, я сам такими пользовался, причём часто. Не знаю, как мне удалось это вспомнить.

Моя посылка была небольшого размера, я бы сказал, маленькая и весьма лёгкая. В такой пакет можно положить разве что спичечный коробок, ну от силы два, или что-нибудь подобного размера.

Бок горел огнём, я чувствовал, как внутри всё полыхает, словно туда засунули горячую кочергу и оставили её там. В первый момент после изъятия инородного предмета не знал, чем заняться: собой или посылкой. Ужасно хотелось её вскрыть и узнать, что лежит внутри, но бок при этом словно кричал во весь голос «Помоги мне!».

Я лёг спиной на холодный пол. Необходим хотя бы минутный перерыв.левой рукой слегка прикрыл кровоточащую рану, правой прижал пакет к груди.

– Как же больно! – прохрипел я, зажмурил глаза.

Надо вскрыть пакет, а после займусь собой. Правда, я понятия не имел, как заделать рану, здесь нет ничего подходящего. Именно в этот момент я действительно испугался, что на этом всё кончено. Вряд ли в пакетике лежат средства первой медицинской помощи.

– Соберись! – прокричал я самому себе. – Не время включать девчонку.

Только в положении лёжа я позволил себе глубоко вздохнуть. Это было необходимо. Мозг нуждался в большом количестве кислорода. Ещё пару глубоких вдохов, и будет нормально.

Холод, исходивший от пола, пронизывал меня до костей, но выбора нет. Нащупал нож, который был таким же холодным. Сейчас он показался мне ужасно тяжёлым. Приложил небольшое усилие, и его остриё оказалось на уровне глаз. Теперь нужно аккуратно разрезать пакет и извлечь содержимое.

Приподнял пакет над лицом, и на меня тут же упало несколько капелек собственной крови. Опустил обратно на грудь и как можно тщательней протёр о тело.

Снова поднял нож и чёрный пакет над глазами. Одним ловким движением вспорол брюхо посылки. Положил нож обратно на землю. Пальцами правой руки раздвинул края пакета, наклонил, ожидая, что из него что-то выпадет мне на грудь.

Ничего не происходило. Но я чувствовал, там что-то есть. Засунул два пальца вовнутрь и стал шарить.

Бумага или что-то вроде того – это первое, что пришло мне на ум.

Бумага.

Меня охватило чувство досады. Я ещё не знал, что именно

там лежит, но уже был разочарован. Думал, что там будет что-то полезное. Кого я обманываю, я надеялся, что оттуда выпадет маленький металлический предмет.

Ключ.

Ключ от запертой двери. Я хотел сбежать из этой ужасной комнаты. А вместо ключа там какая-то чёртова бесполезная бумага. На что она мне здесь? Задницу подтереть?!

Наконец-то я извлёк содержимое.

В посылке было два предмета: фотография и пакетик с надписью.

Спине стало ужасно холодно, поэтому я предпринял попытку изменить позу. Пришлось снова всё убрать в пакет. Опершись на локти, принял сидячее положение, что молниеносно отозвалось острой болью в левом боку. Крича и хрипя одновременно, стал ползти к стене. Это действие далось мне с большим трудом, но всё же я добрался до ближайшей стены, где находилась раковина. Упираясь спиной в стену, которая была не такой холодной, как пол, я вновь принялся изучать содержимое чёрного пакета.

Мне на колени упала небольшая фотография, это был снимок, сделанный камерой Polaroid, такие мгновенно печатаются, прямо на месте. Меня охватило какое-то странное чувство, наверное ностальгия. Только по чему именно, по каким моментам? Несмотря на это, я почувствовал, как на лице промелькнула лёгкая улыбка. Но сейчас не до сантиментов, надо выяснить, что это всё значит.

Фотография.

Одна фотография. Цветная. На снимке изображены люди: женщина и две девочки. Женщина находилась в центре снимка, не молодая, но и не старая. Приятная внешность. Длинный и прямой нос, широкие глаза, широкие брови и красные пухлые губы. По её лицу можно понять, что она многое повидала в жизни. Нет, я не хочу сказать, что её лицо было безобразно или что-то типа того. Обычное лицо, как миллионы других, но в нём что-то читалось. Грусть, отчаяние, страх. По ней было видно, что она несчастлива, хотя на снимке всячески пыталась переубедить всех в обратном, но прежде всего саму себя. Но всё же не лицо здесь было важно. Глаза. Недаром говорят, что человеческие глаза – это зеркало души. Так вот, они просто кричали от боли. Это трудно описать словами, на них надо просто один раз взглянуть, и всё станет понятно. Человек страдает, ему сложно жить,

хочет убежать, но не может. Она была одета в красную рубашку и джинсы, кажется, синего цвета. Трудно определить, снимок сделан так, что ниже пояса ничего не видно. На заднем плане висят какие-то картины, но их разглядеть не представляется возможным, потому что камера сфокусировалась на переднем плане – на людях. Но всё же это комната, самая обычная комната, светлая. На снимке много солнечного света. У меня возникает такое ощущение, что я там был. Не знаю, почему, это лишь догадки, не более.

Я долго не мог оторвать взгляд от женщины, которая смотрела на меня с фотографии. Я её не знаю. Хотя правильно будет сказать – не помню. Сейчас я ни в чём не могу быть уверен. Она смотрит на меня так, словно я перед ней в чём-то виноват. Или мне кажется. Скорее всего, это разыгралась моя фантазия. Заточение в одинокой и тёмной комнате не проходит бесследно. Глаза женщины меня заколдовали, так и манят к себе. С трудом перевожу взгляд на девочек, которые стоят по бокам от неё. Маленькие, даже ещё не подростки, но скоро ими станут. Милые девчонки, очень похожие на женщину. Мать и дочери. Определённо, в этом я уверен. Но при чём здесь я?

Неужели я их отец и муж?

Бред.

Не может этого быть. Такое нельзя забыть. Можно забыть своё имя, род деятельности, но только не свою семью. Я, конечно, видел фильмы, где герои после удара головой обо что-

то теряют память и всё забывают. Но это же не кино, это жизнь. Машинально, той же рукой, в которой была зажата фотография, ощупал свою голову. Ушибов нет. Кровотечений тоже, ничего не болит. Значит, головой я не ударился и никто меня по ней не бил. Тогда почему я ничего не помню? Должно быть какое-то логическое объяснение.

Отбросив эти мысли, я снова смотрю на снимок. Девочки выглядят более счастливыми, чем мать. Двойняшки, очень похожи друг на друга, но всё-таки не близнецы. Волосы длинные, чёрные, густые, такие же, как у женщины. Глядя на них, можно понять, как они будут выглядеть, когда вырастут. Удивительная схожесть с женщиной. На их лицах сияют скромные улыбки, видны даже белоснежные зубки и ямочки на щеках. Да и глаза у них живые, чистые и лучезарные. Они так же смотрят на меня, как и женщина, только по-доброму, ну, мне так кажется. В их взгляде нет обиды и ненависти, просто они ещё дети. Дети в таком возрасте ещё незнакомы с подобными чувствами, им больше свойственны положительные эмоции.

Девчонки одеты в одинаковые жёлтые футболки и джинсы, опять же трудно определить, они тоже сфотографированы по пояс.

Кто эти люди?

Вот такой вопрос крутился в голове. Как ни старался прячь память и извилины, ничего из этого не вышло. Я не помню, кто это, но раз мне прислали эту фотографию, зна-

чит, мы знакомы.

Боже, помоги мне, один я точно не справлюсь.

Ещё какое-то время мои пальцы, на которых всё ещё оставалась засохшая кровь, водили по гладкой поверхности снимка. Таким образом я пытался вспомнить, даже закрыл глаза. Безрезультатно.

На время решил отложить фотографию в сторону и заняться изучением второго предмета, находившегося в чёрном пакете. Поначалу, в первые секунды я не понял, что это за маленький белый пакетик. Но сейчас, когда взял его в руки и поднёс к глазам, мне всё стало ясно.

– Ах ты ублюдок, – сорвалось с моих губ, сопровождаемое лёгким смешком. – Ты всё предусмотрел, не хочешь, чтобы я раньше времени сдох. Хочешь, чтобы твоя игрушка ещё помучилась здесь, причинила себе ещё больше страданий.

В руках я держал пакетик, на котором было написано «Галагран». Насколько мне было известно, этот медицинский препарат относится к антисептикам, главной целью которых является уничтожение вредоносных микроорганизмов и снижение болевого синдрома. Говоря другими словами, это штука отлично помогает при открытой кровоточащей ране. А учитывая мои обстоятельства, включающие в себя открытую рану в области живота, это то, что мне не помешает. Больной выродок, смотрящий на меня через объектив камеры, не хочет, чтобы я умер раньше времени. Он целенаправленно меня вскрыл, запихнул внутрь антисептик, чтобы

именно в этот момент я оказал себе первую помощь.

Прекрасно!

Только почему он не подумал добавить ко всему этому замечательному списку иголку и нитку, чтобы я смог себя зашить, а?

Я по-прежнему держал в руках маленький пакетик с антисептиком и параллельно этому рассматривал свою рану на животе. Здесь одним порошком не обойтись, надо зашивать.

Чего-то тут не хватает, я не всё нашёл. Не может быть, чтобы этот гад не позаботился о том, чтобы я себя зашил. Нет, я что-то упустил, проглядел, недопонял.

Я судорожно подобрал чёрный пакет, до сих пор лежавший около меня, и стал тщательно изучать его внутренность. Крутил, вертел, вывернул наизнанку, в итоге разорвал его, но больше ничего не нашёл.

Пусто.

В голове был полный кавардак, боль в левом боку не унималась, и что делать со всем этим, я не знал. Взгляд снова упал на фотографию, покоящуюся на ногах. Свободной левой рукой поднял её, поднёс ближе к глазам и перевернул. На обратной чёрной стороне был рисунок. Незамысловатая картинка нарисована чем-то белым, то ли маркером, то ли чем-то похожим. До меня не сразу дошло, что это. Понадобилось несколько секунд, чтобы мой мозг, который явно умирал от нехватки кислорода, сообразил, что именно изображено на обратной стороне фотографии.

Раковина или что-то типа того.

Что за очередная чертовщина? Что это значит? Этот кусок дерьма решил поиграть со мной в ребус. Я ненавижу ребусы.

Я застыл на месте, кажется, даже перестал дышать.

Зачем он нарисовал на обороте снимка этот малопонятный рисунок? И вдруг меня осенило. В этой комнате тоже есть раковина. Больше того, она очень похожа на ту, что нарисована на обороте фотографии.

Я сидел как раз около неё. По левую сторону от меня находилась раковина, пустая, без смесителя и трубопровода.

Я повернул голову влево, затем посмотрел на снимок и потом на камеру. Красный огонёк по-прежнему подмигивал мне, словно был доволен мною, тем самым выражал своё почтение.

Я хотел встать, но не смог, открытая рана давала о себе знать. Было чертовски больно и холодно, хотелось уснуть и не просыпаться, но я понимал, что делать этого нельзя. Мой взгляд якорем упал на стоявшую около меня раковину и замер. Я до сих пор не могу понять, что это всё значит.

После своего первого пробуждения я не придавал ей никакого значения. Не задал себе вопроса – зачем она здесь. Ведь она пустая, просто часть интерьера, как и всё остальное. Металлический стол, стоящий посреди помещения, поздоровался со мной, перед глазами так и стоит надпись «ПРИВЕТ».

Жуть.

Затем старый телевизор, экран которого покрыт толстым слоем пыли, где отчётливо виднеется слово «УБИЙЦА». От этой надписи жуть увеличивается вдвое. Машинально опустил голову: на ногах по-прежнему лежала фотография. Неужели я их убил или причинил им какой-то вред? Вот что в этот момент пронеслось у меня в голове. Нет, этого не может быть, такое нельзя забыть. Я не маньяк и не педофил. Эта фотография означает что-то ещё. Надо вспомнить. Надо просто гнать подобные мысли, они сейчас не нужны. Думай о чём-нибудь другом, сконцентрируйся на чём-то ещё.

Ну, давай же!

Холодильник.

Отлично.

Он тоже здесь неспроста. Внутри находится какая-то банка. Сейчас, после того, что я здесь уже пережил, боюсь представить, что в ней находится. Явно меня ждёт сюрприз, причём очень большой и неожиданный. Но до этого дело ещё дойдёт, по крайней мере, я на это надеюсь. Сейчас надо сделать что-то со своим животом, в таком положении я долго не продержусь.

Видимо, раковина очередной кусочек мозаики. Но куда его вставить, я пока не могу сообразить. Как она может помочь мне, сидящему на полу со вскрытым брюхом?

Не делая никаких движений, в принципе другое у меня вряд ли получится, в очередной раз окидываю взглядом белую раковину. Ничего не вижу такого, что может мне помочь.

Подключаю к делу левую руку. Хотя поднять руку вверх было весьма болезненным действием, но всё-таки мне удалось. Запускаю руку под раковину – это единственное место, где обзор для меня был закрыт при первом её осмотре. Тогда мне не пришла мысль заглянуть под неё. Окровавленная рука небыстро, но тщательно шарила по задней поверхности кухонного агрегата. Поиски закончились быстро, по сути дела, не успев даже начаться. Предмет, приклеенный то ли скотчем, то ли изолянтной, упёрся в кончики пальцев. На моём лице молниеносно появилась улыбка. Не могу сказать,

что именно она означает, но чувствую, что меня в очередной раз накололи.

Всё просто, опять тот же фокус, что и с ножом. ОН, смотрящий на меня через камеру, не отличается находчивостью. Я был уверен, что подобное не повторяется, ну, по крайней мере в фильмах такого не бывает. Там подобные личности балуют своих жертв чем-то новеньким. Мой псих решил идти по протоптанной дорожке. Хотя стоит сказать ему спасибо, что в этот раз обошлось без кучи дерьма.

Приложил немного усилий, и мне удалось отодрать полоски скотча. Холодный предмет оказался в руке. Это был металлическая штука, тяжёлая – к такому выводу пришло моё сознание, пока рука преодолевала расстояние от раковины до глаз.

Строительный степлер.

– Что за хрень?! – вырвалось из моего рта. – Как это понимать? – Я вёл диалог сам с собой, при этом прекрасно понимал, что по ту сторону камеры меня хорошо слышат, ну, по крайней мере видят мою реакцию.

Это был самый обычный строительный степлер. Мозг в очередной начал бурную работу, пытаюсь расставить всё по нужным местам. Как ни странно, но я достаточно быстро сообразил, зачем эта штуковина находится в комнате.

Ещё одно испытание для меня. У него всё под контролем, а самое главное, это меня больше всего бесит, что всё происходящее здесь идёт строго по его плану. Точнее, по сценар-

рию. Этот грёбанный строительный степлер я нашёл именно тогда, когда должен был. Складывается такое ощущение, что я на подсознательном уровне играю свою роль – роль жертвы, которая беспрекословно выполняет всё, что требует от неё режиссёр. Вот почему я его не нашёл раньше?

А?

Да потому что не должен был, тогда он для меня был бы бесполезен. Но только не сейчас. Сейчас незамысловатый строительный инструмент был моим очередным ключом к спасению.

Я не могу об этом думать.

Боль накатывает откуда-то изнутри. С каждым его ходом моя сила воли ломается, он знает мои слабые места и каждый раз бьёт именно по ним. Сначала тошнотворное ведро с человеческим дерьмом. Я тот человек, который не переносит подобные мерзости. От одного вида, а тем более запаха экскрементов меня выворачивает наизнанку. Поэтому, когда здесь, в этом закрытом полумраке, я обнаружил целое ведро с человеческими испражнениями, то подумал, что моя жизнь на этом закончится. Я до сих пор удивляюсь, как мне удалось пройти это испытание – достать нож зубами со дна тошнотворного ведра. Наверное, это стремление выжить. Когда ты хочешь жить, ты готов на многое, даже на то, что на первый взгляд кажется невозможным.

Я уверен, что он всё знал. Знал мой страх, ударил именно туда. Или у меня паранойя. Нет, я не схожу с ума. Мы

знакомы. Никто не будет мучить незнакомого человека, если только он не сделал ему ничего плохого. Я снова посмотрел на фотографию, затем перевёл взгляд на телевизор, на котором была надпись «УБИЙЦА», и покачал головой.

– Я не убийца, – прокричал я, уставившись в мигающую красную точку. – Я не убийца, – прокричал ещё раз, но уже по слогам. Я почувствовал, как мои глаза наполнились солёной влагой.

– Я никого не убивал, слышишь меня. Никого. – Последнее слово я тоже произнёс по слогам, надеясь, что таким образом мой посыл станет для него понятней.

Слёзы потекли по грязному лицу, где грязь, пыль и кровь превратились в каменистую маску. Пару капель попали на снимок, который по-прежнему лежал у меня на ногах. А с него всё так же смотрели на меня трое незнакомых мне людей.

Очередная слезинка упала с глаз и приземлилась точно в левый бок. Резкая боль привела меня в чувство, вырвала из мира страданий.

Я сконцентрировался на холодном предмете, лежавшем у меня на ногах. Прекрасно понимаю, зачем он здесь. Строительный степлер здесь для того, чтобы я не сдох, как личный пёс.

Всё просто, для него – не для меня. Я не смогу этого сделать, это же ужасно больно. Но выбора у меня нет, уже всё решено, решено тем, кто сидит там, где мигает эта красная

точка.

Больной урод! Хочет опять увидеть человеческие муки, а точнее – мои.

Урод, урод, урод!

Теперь, сидя на полу, опершись спиной на стену, я глазел на свои ноги, где находились уже три предмета: фотография, антисептик и долбаный строительный степлер.

Не набор, а мечта. Именно то, что нужно человеку, закрытому хрен знает где, хрен знает кем и хрен знает для чего. Определённо он хочет меня убить, но не сразу, этот псих всё просчитал, всё до мелочей.

Кто он? Я не знаю. Я до сих пор ничего не вспомнил. Я даже не знаю, сколько прошло времени: час, два, пять часов или целый день. Ощущение, что я здесь уже целую вечность. И этому нет конца.

Ужасно болит живот, да и всё тело в целом. Крови я потерял не так много, лично мне так кажется, хотя могу ошибаться. Слабость по всему телу, болит голова и самое забавное то, что я хочу есть.

Скоро желудок начнёт есть сам себя. Трудно поверить, что человек с открытой глубокой раной думает о еде. Какое-то безумие.

Надо действовать или я так и останусь сидеть в этом положении до конца своих дней, а они уже так близко, что видно невооружённым глазом.

Соберись!

Жалко, что здесь нет воды, рану не мешало бы промыть и протереть края чистой тряпкой.

Размечтался, идиот.

Зубами вскрыл медицинский пакетик с порошком, раскрыл его и заглянул внутрь. Там действительно лежал белый порошок. Надеюсь, он мне поможет.

Занёс над животом, ровно над разрезом. Пару вдохов и выдохов. Сжал зубы – будет больно.

– А-а-а-а-а! – тут же вырвался крик боли. – Твою мать, как же больно, – продолжал вопить я, закрыв при этом глаза, да так сильно, что стали появляться белые пятна.

При контакте антисептика с раной меня словно пронзили гигантским мечом, подожгли изнутри – боль была адская. Хотел высыпать всё сразу, но это оказалось невозможно, мозг заставил убрать руку. Решил небольшими дозами высыпать на те участки, которые ещё не были обработаны.

Последние разы были уже терпимыми, обошёлся без крика, но гримаса боли с лица всё ещё не сходила. Половина операции выполнена. Причём самая лёгкая её часть. Если она мне показалась очень болезненной, то боюсь представить, что будет со мной, когда в дело вступит степлер.

Я тот человек, который не может, не любит и не хочет переносить боль. Не знаю, как правильно это сказать, но я очень боюсь физической боли. Высокий порог чувствительности, как-то так.

Странно то, что подобные вещи я про себя помню. Пом-

ню, чего боюсь и чего не люблю. А вот как меня зовут, сколько мне лет, как я здесь оказался и всё остальное – не помню, и до сих пор не продвинулся в этом направлении ни на миллиметр.

Строительный степлер.

Смотрю на него, и меня парализует. До сих пор не могу понять, как я смог разрезать на себе швы. В обычной жизни я на такое не пошёл бы.

Идиот.

В обычной жизни такого не произойдёт.

Но, видимо, жажда жизни открывает в человеке те двери, которые раньше были наглухо закрыты. И вот снова я стою перед одной из них. Медлить нельзя, кажется, могу потерять сознание в любой момент, слабость то и дело накатывает всё больше. Надо сделать, переступить через себя, надавить страху на горло.

Медленным движением рука взяла инструмент за холодное основание, сжала рукоять степлера. Такое ощущение, что это был пистолет. Видимо, я раньше пользовался пистолетом или револьвером, либо чем-то наподобие. Руки помнят.

С каждой прошедшей секундой ладонь, державшая холодный строительный инструмент, становилась всё влажнее и влажнее. В один момент я подумал, что степлер выскочит из рук в самое неподходящее время. Сжал его сильнее. В очередной раз моё сердце заработало с удвоенной силой, а может даже и с утроенной.

Всё в той же позе, сидя опершись на стенку, собирался с мыслями. Будет больно, очень больно. Порошок, высыпанный на открытую рану, спрятал кроваво-красный цвет, так даже как-то полегчало.

Пора.

Поднёс степлер к краю разреза, прислонил его нижнюю рабочую поверхность к плоти и тут же почувствовал холод, мурашки разом пробежали по всему телу. Досчитал до пяти и нажал на курок.

Невероятная адская боль пронзила не только моё тело, но и разум. Такое ощущение, что электрический ток прошёлся от пяток до макушки.

Металлическая скоба вошла в мясо, как нож в сливочное масло.

– Сука! – закричал я во весь голос. – Сука! – продолжал я вопить нечеловеческим голосом. Где-то глубоко внутри я даже испугался своего голоса. Словно дикий зверь попал в

охотничью ловушку, выбраться из которой не представляется возможным. Отчасти это было недалеко от истины.

Я хотел умереть прямо здесь и сейчас, лишь бы этот кошмар прекратился. Невероятная боль.

Отвёл руку и посмотрел на живот. Блестящая скоба сковала край плоти. Надо продолжать. С моего лица не сходила гримаса боли, а рука со степлером снова коснулась тела.

Глубоко дыша, так что слюни летели во все стороны, через силу нажал на курок. Снова боль прошла моё тело, сознание и душу.

– Прости меня! – закричал я, пытаюсь вымолить прощение за то, чего не знаю. – Прости, пожалуйста, вызови мне «скорую», выпусти меня, – это был крик отчаяния.

Из глаз потекли слёзы, из носа сопли, а изо рта на живот стекали слюни. Я был мерзок, даже не представляю насколько. В этот момент я мог лишь вообразить то, как этот выродок сидит там, по ту сторону экрана, получает истинное удовольствие. В очередной раз я убедился, что именно этого он и добивается – моего мучения.

После второго выстрела металлической скобы я практически был уверен, что потеряю сознание. Я этого хотел, в конкретный момент жаждал этого больше всего. Хотел ничего не чувствовать. Хотел умереть.

Где-то глубоко внутри себя я услышал голос, не знаю, свой или чей-то ещё, но я отчётливо слышал его наставления.

«Не смей сдаваться».

«Тебя ждут».

«Ради них».

Лишь после этого я пришёл в себя, мне как будто вкололи какой-то препарат. Я почувствовал, что смогу довести дело до конца. Это было странное чувство, не знаю, как, но я сам себе помог, или кто-то внутри меня.

Отвёл руку с инструментом дальше по ране и нажал ещё раз, потом ещё раз, ещё и ещё. Последний выстрел показался мне самым болезненным.

Строительный степлер выпал из руки и с грохотом упал на пол. Тело начало наливаться усталостью, слабость пленила голову, руки и ноги. Последним, что я успел увидеть, перед тем как отключиться, был кровавый металлический шов на моём левом боку.

– Я справился, – пробормотал я еле слышно. – Гори в аду, ублюдок.

Тело медленно спустилось по стенке на пол, левая рука легла на только что зашитую рану, словно защищая её от чьего-либо посягательства, и наступила темнота. Как же я ненавижу темноту, но сейчас я был ей искренне рад.

Глава 3

1

Не знаю, мёртвый я или живой, но мне хорошо. Ничего не чувствую, исчезли боль и страх.

Темнота рассеивается. Ещё пару секунд, и она покидает меня навсегда, на смену ей приходит свет. Яркий свет, но и он недолго слепит меня.

Помещение, светлое помещение. Здесь тепло и пахнет домашнему. Мне кажется, что я дома, но не узнаю место. Что это – дом, квартира или что-то ещё? Не знаю, но ощущаю себя как дома. Приятная, уютная обстановка, выглядит очень стильно. Сейчас это называется минимализм, если я не ошибаюсь. Я лежу или даже сижу, одним словом, расслабляюсь на мягком чёрном диване. Боже, какой он классный, словно облако, только угольного цвета. Это не бетонный холодный пол, сидя на котором можно легко заработать геморрой.

Не могу понять, что со мной происходит. Это сон или, наоборот, всё то, что со мной приключилось в чёртовой тёмной комнате и было сном? Хрен его знает. Голова не сообщает, в последнее время это стало нормой. Чёрт! Да что же со мной?

Только сейчас до меня дошло, что я нахожусь на диване

голый, ну не полностью – на мне лишь джинсы и больше ничего. На животе немного волос и что-то наподобие пресса, хотя кого я обманываю, нет там никакого пресса, скорее даже небольшой слой жирка. Такое ощущение, что это не моё тело, но... чёрт, чёрт, чёрт!

Что я здесь делаю и почему наполовину раздет? Очередной вопрос, рвущийся в мою голову, а их там уже достаточно много.

Я снова ничего не помню и, самое главное, – не понимаю.

Моё внимание привлёк звук, доносящийся из соседней комнаты. Похоже, я здесь не один. Когда я последний раз видел человека, общался с кем-то? И опять у меня нет ответа.

Только сейчас приходит осознание того, что это не просто звук – это шумит струя воды, бьющая в пол. Звук доносится из ванной, которая расположена, видимо, прямо в этой комнате. И там явно кто-то есть.

Наступает тишина – выключили воду. Приближаются шаги. Кто-то выходит из ванной комнаты. Дверь открывается, и в комнату влетает горячий пар. Практически ничего не видно. Спустя пару секунд, когда частички испаряющейся воды рассеиваются, передо мной предстаёт обнажённая девушка. Такого поворота событий я никак не ожидал. Я опешил, ждал чего угодно, но только не этого.

Она была прекрасна словно нимфа, появившаяся из ниоткуда. Длинные загорелые ноги кажутся бесконечными, но вот моему взору открывается женское лоно. Не знаю, поче-

му, но в моей голове выскочило именно такое определение. Живот, он идеален: плоский и подтянутый. У меня определённо не такой, мне стало немного стыдно за себя. Но мой взгляд быстро перемещается на самое интересное и интригующее место. Забудьте всё, что я говорил до этого, всё прекрасное здесь. Они так и манят к себе, хочется накинуться на них и укусить, жадно и со страстью. Но не успел я начать восхищаться красивой женской грудью, как меня вдруг передёрнуло.

Лицо.

Нет, оно не страшное. У такого тела не может быть страшного лица. Просто я его не вижу. Правильней сказать, оно размыто или как будто водяной пар рассеялся не полностью, остался лишь в области головы.

Вы когда-нибудь ощущали так называемый эффект дежавю? Я – нет, до этого момента. Такое впечатление, что всё это уже было, но вот когда и где, не помню.

Но больше всего волнует не это ощущение, а лицо девушки.

Почему я его не вижу?

Она приближается ко мне, медленно, как хищник, подбирающийся к своей жертве, чтобы потом нанести молниеносный удар.

Сердце готово выскочить из груди, правда, непонятно отчего: то ли от страха из-за происходящего в этой комнате, то ли от страстного возбуждения.

И вот она уже стоит вплотную около меня, возвышается надо мной. Не знаю, что делать, ощущаю себя прыщавым школьником, который впервые видит голую женщину. Решил ничего не предпринимать, так как даже не знаю, реально ли всё это или мне снится.

Она медленно опускается на колени, положив свои руки на мои бёдра. Жар окутывает меня с ног до головы, но боюсь даже пошевелиться. Не хочу спугнуть всё это, боюсь снова оказаться во мраке плена.

И вот она начинает тереться об меня своим телом. О, боже мой! Не могу подобрать слов, чтобы описать, что испытываю в этот момент. Её тело горячее и мягкое, пахнет ванилью и одурманивает до потери сознания.

Начинает что-то говорить, слов я не понимаю, но голос у неё такой же манящий и соблазнительный. Будь я шпионом, не хотел бы попасть к ней на допрос.

Лица я по-прежнему не вижу, очень хочу разглядеть, но не выходит. Ни с какого ракурса не получается. Её голова уже около моего лица, ещё мгновение, и острый язычок проникает в моё ухо. В этот момент я почти умер от удовольствия. Одновременно с этим её руки начали расстёгивать бляшку ремня на моих джинсах. Это были невероятно нежные прикосновения, движения отточены. Красотка знает своё дело, это точно. Её острый язычок ловко, словно маленькая мышка проникает в свою норку, облизывает моё ухо, нежно покусывая мочку, проникая всё глубже и глубже. Как же хорошо.

Вся кровь, что сейчас есть в моём теле устремилась в одном направлении – в область паха, где член уже готов выскочить наружу и углубиться в её потаённые места.

Но самое странное во всей сложившейся ситуации было то, что при всём этом райском удовольствии, где-то глубоко внутри меня притаилось чувство стыда.

Стыд – это слово пронеслось у меня в голове. Стыд за что? Очередной вопрос в мою копилку.

Мои размышления резко прервали, но причиной этому была не голая нимфа, ласкающая меня с ног до головы. Очередной звук, только в этот раз он был быстрым и мгновенным и послышался слева от меня. До этого момента я не подозревал, что там есть дверь. И звук, который я услышал, был звуком открывающейся двери.

Женщина.

Дверь открыла женщина. И опять не видно лица, оно также искажено, словно размытое полотно художника. Мне кажется, я её знаю. Или нет, не могу точно вспомнить. Видел её, но где и когда?

Вспомнил.

Это женщина, которая на меня недавно кричала. Точно, точно, я лежал на кровати, а она появилась из ниоткуда и начала на меня кричать. Правда, я тогда ничего не понял из сказанных ею слов, но совершенно точно она была расстроена, вернее сказать, была в бешенстве.

Вот и в этот раз она не скупится на эмоции. Кричит и ма-

шет руками, но слов опять не могу разобрать. Громкий гул исходит от неё.

Голая девица, секунду назад ласкавшая меня, тут же отскочила в сторону и машинально прикрыла руками свои обнажённые груди. Не издав ни звука, убежала в ванную комнату, можно подумать, там есть выход. Ну, хотя бы оденется.

Женщина, которая появилась из-за закрытой двери, подошла ко мне вплотную и замахнулась рукой. Я хотел встать, увернуться или хотя бы защититься, но и в этот раз не мог пошевелиться.

Удар, ещё удар. Она била меня руками по лицу и по телу. Как ни странно, но я не чувствовал боли, так слегка осязаемые прикосновения.

Сидя на этом чёрном диване, я не мог понять, что здесь происходит. Какой-то эпизод из мыльной оперы, можно даже сказать, классический сюжет. Получается, я – муж, девица – моя любовница, ну а эта обезумевшая женщина – моя жена. Всё логично и просто. Но беда в том, что я не понимаю, снова и снова не понимаю. Что это всё значит? Сон это или реальность? Сочинённый бред или воспоминание из прошлого. А может, это настоящее?

Я запутался.

Удары по телу и лицу прекратились. В руках держит фотографию. Цветной снимок. На нём изображены люди. Три человека. Кажется, это женщина и девочки по бокам от неё. Я их знаю, по крайней мере, в голове у меня именно такие

ощущения. Машет снимком перед моими глазами и параллельно этому кричит. Ощущаю её брызги слюны на своих губах. Она рвёт и мечет. Неожиданно кидает снимок мне в лицо и разворачивается. Несколько секунд, и она скрывается за той дверью, из которой вышла. Хочу её догнать и выяснить всё, что мне хочется знать. Но не могу, тело как будто приросло к дивану. В целом картина мне ясна, любому была бы ясна. Муж, жена и любовница – любовный треугольник.

Чувствую, как тело становится воздушным и лёгким, ещё миг, и уже не владею им. Картинка блёкнет, тускнеет свет, вновь наступает противная темнота.

Темнота, ничего не вижу. Вокруг слышны непонятные и неразборчивые голоса, словно меня кто-то зовёт по имени, но никак не удаётся разобрать, что он говорит. Это детские голоса: зовут на помощь, хотят, чтобы я помог как можно быстрее. Но я не знаю как. Ничего не вижу и не могу найти своё тело, осталось одно сознание. И вот всё стихло, все звуки пропали, даже собственного дыхания не слышу. Это не что иное, как кошмар, рано или поздно он кончится.

Не знаю, почему, но на меня вдруг накатила тоска, печаль, грусть и боль одновременно. И мне кажется, это связано с этими голосами. Они были мне знакомы, очень знакомы, просто в этот момент я их забыл, но прекрасно чувствовал. Это не чужие голоса, это мои – родные. И они замолчали. Почему? Что всё это значит? Как найти ответы на вопросы? Всё имеет свою логику, но я боюсь узнать ответы.

Мне страшно.

2

У любого хорошего сна есть своя отрицательная черта, главный минус, обратная сторона – рано или поздно он заканчивается. Так и сейчас. Ещё каких-то пару мгновений назад меня ласкала обнажённая красотка с восхитительной грудью, а вот теперь моя задница снова ощущает этот проклятый холодный бетонный пол.

Я хочу умереть. Без шуток. Вы не представляете, как я устал, как измотан игрой этого психа, сидящего где-то там за стеной или хрен знает где ещё. Но он точно там наблюдает, и с каждой минутой ему нравится всё больше и больше. Это адское зрелище его возбуждает. Я уверен, именно возбуждает. Чувствую, как по его коже бегут мурашки от самых пяток и до затылка. Ладонки потеют, он то и дело потирает их. Аппетит приходит во время еды, а он тот ещё голодный ублюдок. Ждёт и не дожждётся, когда утолит свой голод. Большой придурок, чтобы ты сдох так же мучительно, как это я делаю сейчас, находясь в этом бетонном гробу.

С трудом открываю глаза, вернее будет сказать, разлепляю их. Чувство боли накатывает потоком горной реки, стремительно и безжалостно бьёт во все возможные места. Опять в голову лезут мысли о смерти, но тут же приходит противодействие этому – узнать ответы и, разумеется, мстить.

Моё положение ни капельки не изменилось. По-прежнему

сизу на полу, опёршись спиной на стену. В стороне от меня лежит проклятый строительный степлер. Клянусь богом и всеми святыми, если мне удастся выбраться из этого ада, то никогда в жизни больше не прикоснусь к нему. Это было больно, чертовски больно. Не могу даже ни с чем сравнить.

Непередаваемые ощущения, поверьте мне на слово.

Не проверяйте, вам не понравится.

Описать моё состояние – это нечто просто невозможное. Одновременно мне плохо, ужасно и отвратительно. Некоторое время назад я пережил такое, чего, наверное, в обычной, прежней жизни ни за что не выдержал бы. В голове полный бардак, такая неразбериха, что я даже не могу ничего разложить по полочкам, рассортировать мысли, а это просто необходимо, если я хочу выбраться из этого заключения на своих двоих. Надо успокоиться и проанализировать всё, что со мной произошло за последнее время.

Время?

А сколько его прошло, я понятия не имею. Здесь, в этой запертой комнате, оно не идёт, стоит на месте. Но также я прекрасно понимаю, что оно на исходе. Ещё немного, и мне конец. Даже если я не умру физически, то психологически точно. Такое выдержать тяжело. Лично мне явно не по силам.

Итак, начнём с самого начала. Что мы имеем?

Я очнулся на полу в запертой комнате, со связанными руками. Значит, их мне связали либо когда я находился в бессознательном состоянии, но не здесь, либо наоборот. О боже, как всё это сложно, но стоит продолжать дальше. Допустим, меня сюда принесли или даже привезли на каком-нибудь инвалидном кресле. Скинули на пол, связали руки, или,

возможно, руки уже были связаны. После этого некто вышел и закрыл дверь. Осмотреть дверь я толком ещё не успел. На первый взгляд она выглядит массивной, но наличие замочной скважины в глаза не бросилось.

Итак, двигаемся дальше. Я очнулся на полу. Ничего не помню. Из этого следует, что меня чем-то накачали, каким-то препаратом. Возможно, это был сильнодействующий наркотик. Я допускаю, что определённое количество наркотика может заставить человека потерять сознание на какое-то время, но вот так надолго потерять память?! Это уже интересно! Насчёт этого пока нет соображений.

Все приходящие ко мне видения – это наверняка пробуждение этой самой памяти. Женщина, голая девушка, фотография с детьми. Это пазл, который необходимо собрать.

Двигаемся дальше. Если мне ввели что-то, значит, должны остаться следы. Скорее всего, след от укола.

Не меняя положения, я начинаю осмотр своего тела на предмет следа от укола. Первым делом осматриваю руки. Сгиб на локте, если это была внутривенная инъекция. И мои поиски заканчиваются моментально. На левой руке, на сгибе виднеется отчётливый след от иглы. Таким образом, мне сделали укол, и я потерял сознание. Но вот что странно, почему я на это согласился? Не сопротивлялся. А возможно, сопротивлялся, но их было больше, они меня скрутили и насильно держали, пока один из них вводил инъекцию. Но при этом нет никаких следов борьбы – синяков, царапин и то-

му подобного. Интересно, а мог я согласиться на это добровольно? Может быть, меня обманули, ввели в заблуждение. Сказали одно, а на деле оказалось совершенно по-другому. Кажется, чем я больше думаю, тем самым пытаюсь выяснить истину, тем больше возникает вопросов. Но делать нечего, стоит продолжать.

Пусть будет, что некто ввёл мне в кровь препарат и затащил в комнату. Это место явно подготовили для меня. Здесь всё имеет своё значение. Если сперва вся атрибутика показалась декором, то сейчас я начинаю понимать, что здесь нет ничего лишнего, всё нужное, всё задействовано в игре.

Металлический стол, на котором нацарапано слово «ПРИВЕТ». Кто-то со мной здоровается, тем самым хочет меня напугать, хотя страх и так на пределе.

Старый телевизор, на котором также имеется надпись – «УБИЙЦА». Вот это уже куда серьёзнее и опаснее. Зачем это написали? Неужели я действительно кого-то убил и это обыкновенный акт мести? Не хочу об этом думать, так как внутри себя я ощущаю, что это не так. Я не убийца, если я был им, то я это непосредственно почувствовал бы. Нет. Это какая-то ошибка или что-то ещё. Я никого не убивал. Такое не забывается.

Теперь необходимо провести первый промежуточный итог. Кто-то считает меня виновным в смерти своего близкого человека и решил отомстить, заперев меня в тёмной комнате. Предварительно установил камеру наблюдения, чтобы

можно было за мной следить. Но что он хочет увидеть? Как я умру или сойду с ума? Видимо, второе, раз оставил мне острый нож, которым можно легко вскрыть вены и спокойно умереть, оставив весь этот ад в забвении. Но, видимо, ОН уверен, что такого исхода не произойдёт, по крайней мере в ближайшее время. На самом деле такая мысль мне приходила в голову, но тут же уходила. Мне хочется узнать правду, вспомнить всё, ведь именно тогда я смогу понять, за что со мной так. А может, лучше и не стоит? Может, я действительно ужасный человек. Маньяк, задушивший десяток человек и отправивший близким убитых их части тела?

Мрак, такие мысли надо гнать прочь. А что если действительно это так, ну или хотя бы что-то наподобие? Как поступить с собой? Я не знаю. Это страшно. Страшно жить и не знать про себя ничего. Страшно узнать, что ты ужасный человек, убийца и душегуб.

Вернёмся к анализу. Он даёт мне знать, что я убийца, но при этом не убивает меня, а предоставляет возможность побороться за себя. Нож, погребённый на дне ведра, до краёв набитого дерьмом. Дальше шов на теле, внутри которого спрятан пакетик с фотографией. Строительный степлер, прикреплённый к внутренней части раковины. Всё это шансы на спасение, вот только непонятно чего – души или тела. Не знаю, почему, но я начинаю рассуждать так, будто я действительно в чём-то виноват. Трудно объяснить, но возникает некое ощущение, что это расплата. Вряд ли кто-ни-

будь подготовит такой план для невинного человека. Но, возможно, это ошибка, просто одна большая ошибка.

Остальные предметы, находящиеся в комнате, я обследовать не успел, оставим это на ближайшее будущее.

Так, теперь надо разобраться с видениями, они тоже неспроста.

Первое.

Женщина, но не та красотка с роскошным телом, которая ублажала меня, а та, которая это блаженство нарушила. Кто она?

Жена? Сестра? Любовница? В принципе, она может быть кем угодно, но мы с ней определённо знакомы. Даже очень близки, ведь незнакомый или малознакомый человек вряд ли будет влетать в комнату и кричать на меня да лупцевать, причём дважды. Похоже на то, что это моя жена, ну или невеста. В первом моём видении она кричала на меня, когда я сидел один в комнате и ничего такого противоправного не делал, в отличие от второго моего сновидения.

Моя голова туго соображает, в любое мгновение может сломаться, как дешёвая китайская игрушка. Но всё-таки продолжаю рассуждения, несмотря на нарастающую головную боль. Такое чувство, что где-то внутри головы работает сверло, пытающееся добраться до центра мозга. Боже, как я устал. Сделай так, чтобы весь этот ужас в одночасье закончился. Я готов на любое твоё предложение, только бы покинуть это место и перестать ломать себе голову.

Но ждать помощи сейчас точно не от кого, даже от него. Мне кажется, что я нахожусь далеко от того места, где его полномочия имеют действие.

Перестань, мать твою!

Сосредоточься на своей проблеме. Не время думать о Боге и философствовать на эту тему.

Соберись!

– Женщина, женщина, женщина. Думай о ней, – приказываю себе, одновременно пытаюсь избавиться от посторонних мыслей.

Решаю все свои мысли проговаривать вслух, чтобы усилить эффект понимания.

– Итак, есть женщина, с которой я знаком. Не просто знаком, а имею определённые отношения. Допускаю, что это моя жена.

– Уже неплохо. Что дальше? А дальше то, что у нас с этой моей женой не самые лучшие отношения. Это точно. Каждый раз, как я её вижу, или она меня, не знаю как правильно, происходит ссора, которую начинает она. Она просто в бешенстве – кричит на меня и бьёт по лицу. Видимо, я не самый верный муж. Подтверждение тому та самая полуголая красотка. Значит, наш брак на грани краха.

Интересно, кто та нимфа с волшебным язычком? Какая-то знакомая или просто девочка из эскорт-услуг? Не знаю, важно ли это или не особо? На данном этапе, думаю это можно отложить на потом.

– Ладно, теперь перейдём к более реальным вещам, – продолжаю свои рассуждения вслух. Так непривычно слышать свой голос, точнее даже не свой, а вообще какой-либо звук. Не знаю точно, сколько здесь нахожусь, но слышать какие-либо звуки для меня уже нечто дикое и забытое.

– Фотография. Полароидный снимок, зашитый в моём теле. Это прям сюжет из какого-то ужасика. Кто на нём? Первое, что приходит на ум, – это жена и дочери.

Хочу хоть что-то вспомнить насчёт этого, но в голове вместо памяти белый чистый лист. Неужели можно так просто взять и забыть такие вещи, забыть абсолютно всё? Видимо, можно, и моя голова тому прямое подтверждение.

– Снимок, снимок. – Снова пытаюсь сконцентрироваться на конкретном предмете. Мыслить широко сейчас не лучшее время. Мне нужна ясность. – На снимке женщина с двумя девочками. Им лет девять или одиннадцать, не больше.

Двойняшки.

Кто они?

Мои дети?

Но найти сходство со мной тяжело. Хотя как я могу об этом судить без зеркала?

Только сейчас до меня доходит, что я не знаю, как выглядит моё лицо. То есть я имею в виду своё отражение. Здесь, в этой комнате, нет зеркал или предметов, способных отражать.

Невольно подношу руки к лицу и ощупываю его. Руки ка-

жуются неживыми, словно две деревяшки, скребущие холодный камень, неспособные ничего чувствовать и осознать. Кожа на руках грубая и жёсткая. Даёт ли мне это открытие какую—либо дополнительную информацию?

Пока неизвестно.

– Думай, думай, напрягай свои извилины, – приказываю себе, но при этом прекрасно понимаю, что это невыполнимый приказ.

– Кто они? Допускаем, что две девочки на снимке мои дочки. – Опускаю взгляд вниз на ноги, где всё так же лежит снимок. – Кто вы и что я с вами сделал?

Не знаю, с чего вдруг я произнёс такие слова, но они сами родились в голове. Автоматически перевожу взгляд со снимка на красный огонёк.

– Я не мог, слышишь. Не мог! – последние два слова я уже прокричал, даже скорее прорычал.

– Я не мог причинить им вреда. Не мог. Это ошибка. Ты думаешь, что это я в чём-то виноват? Но это не так. Не мог! – В моей голове настоящий хаос.

Я прекрасно понимаю, что я ничего не понимаю, ничего не помню, но почему-то мозг воспроизводит именно такие слова. Буквы сами сплетаются воедино, образуя эти слова: «не мог».

Чувствую, что голова вот-вот расколется словно лесной орех, упавший с высоты на твёрдый камень. Только в отличие от ореха, моя голова пуста и бесполезна.

Решаю переключиться с девочек на женщину.

– А ты кто? – продолжаю диалог с самим собой вслух. – Та, кого я видел во сне? О да, я думаю, это ты!

Даже через снимок я чувствую и ощущаю её тяжёлый и пронзительный взгляд. Но одновременно этот взгляд посылает сигнал о помощи. Знаете, как обречённое раненое животное в последний раз издаёт жалобный стон, перед тем как умереть. Только это глухой сигнал, но его трудно с чем-то спутать. Я это чувствую. Если девочки на снимке улыбаются, то она, наоборот, просит спасти её. Но отчего? От меня?

В очередной раз в голове проносится одна и та же мысль – «я не мог». Не мог никому причинить вреда, просто не мог. Чувствую, что не мог. Но в очередной раз понимаю, что нахожусь здесь неспроста, и моя главная задача, помимо выживания, прийти к истине и узнать всю правду.

Женщина на снимке, скорее всего, эта та же женщина, что и в моих видениях. Уверен в этом, точнее ощущаю это.

Я продолжаю сидеть на полу. На ногах по-прежнему лежит снимок, взгляд от которого не могу отвести. Сколько времени прошло – не знаю, да и зачем знать, здесь это бессмысленно. В этом месте мало что имеет значение, а время тем более. Холод уже не чувствую, по крайней мере так, как раньше. Делаю вывод, что это плохой показатель – только мёртвый человек ничего не чувствует, ну или почти мёртвый. А я уже недалеко от одного и другого состояний.

Интересно, что видит ОН, сидя там, по ту сторону красного огонька. Точнее, кого он видит? Боюсь представить, как я выгляжу со стороны. Сижу на холодном полу, измазанный человеческим дерьмом, с заштопанным брюхом, голодный и ничего не понимающий.

Голодный.

Сколько я уже не ел и не пил? Не знаю, но если судить по урчанию в животе, то очень давно. Ещё мгновение назад я об этом не думал, ведь все мои мысли были направлены на решение головоломки.

Еда.

Где здесь можно раздобыть еду? И вообще, предусмотрено ли это правилами игры. Не исключено, что её здесь нет и режиссёр этой постановки только и ждёт, что я подохну с голода.

Холодильник.

Вспоминаю, что здесь есть чёртов холодильник. При первом осмотре, когда ещё руки были связаны, в глубине него находились какие-то банки или контейнеры. Возможно, в них имеется что-то съедобное. Признаюсь, я был бы очень этому рад, хотя не уверен, что в них есть что-то дельное. После всего, что я здесь уже пережил, вряд ли стоит рассчитывать на что-то хорошее. Ублюдок не преподнесёт мне прият-

ный подарок, а вот что-нибудь гадкое – это да, легко. По этой самой причине не решаюсь оторвать задницу от холодного пола. На самом деле это не главная причина, по которой я ещё не встал.

Швы.

Голову не покидает мысль, что при малейшей физической нагрузке они разойдутся и начнётся кровотечение. Но прекрасно понимаю, если и дальше буду продолжать сидеть, то умру либо от голода, либо от геморроя. Не знаю, что лучше, первое или второе. Да пошёл ты на хер, думаю про себя, и заставляю мыслить себя в ином ключе. Я сделаю всё возможное, чтобы не умереть так быстро. Не хочу преподносить своему палачу хорошие новости.

Бросаю взгляд на холодильник и представляю, что там лежит большой кусок жареного мяса и бутылка «Пепси». Хотя нет, лучше чашка горячего и очень крепкого кофе. Но тут прекрасно осознаю, что там ничего этого нет, тем более горячего кофе, несмотря на то что холодильник выключен. Но что-то там определённо есть.

В который уже раз собираюсь с мыслями и силами, чтобы отдать один очень простой, но одновременно сложный приказ своему телу – «вставай».

Пару глубоких вдохов-выдохов, и пытаюсь встать. Это, конечно, не так просто. Непросто встать, когда ты просидел длительное время в одном положении, да и швы на животе не придадут ни сил, ни уверенности.

Как старая телега, простоявшая не один год в чулане, делаю первые скрипучие движения. Скрип исходит изо рта, чувствую себя рохлей и законченным инвалидом, неспособным к самостоятельной жизни.

– А-а-а-а-а... будь ты проклят! – кричу я, опираясь одной рукой о раковину, а другой о пол.

С большим усилием приподнимаюсь, встав сначала на одно колено, затем на другое. Тут же ощущаю холод бетонного пола.

– О да... геморроя мне уж точно не избежать. – Моё кряхтение разносится по всей комнате. – Но ничего, я это как-нибудь переживу, а вот тебе пиздец. Слышишь меня? Пиздец. – Параллельно этому переносу свой взгляд на красный огонёк, который всё так же мне подмигивает.

Есть.

Я это сделал.

Встал.

Первым делом опускаю голову и осматриваю своё хирургическое творение. Слава богу, ни один из швов не разошёлся. Крови нет, по крайней мере пока не видно, это уже радует.

Моё самочувствие?

Херовое.

Это более точное описание. Другие слова здесь вряд ли подходят. Я словно мешок с гнилой картошкой, пролежавший в холодном погребе не один месяц – грязный и воню-

чий. От истины не так уж далеко.

Этот чёртов белый ящик, в котором обычно хранится еда, находится в паре метров от меня. Но сейчас для меня эти метры превратились в километры. Физически ощущаю, что ноги неподвластны ни телу, ни мозгу. Это две палки, растущие из меня. Многочасовое пребывание в сидячем положении на холодном полу дало о себе знать. Вот уж никогда не думал, что дойти до холодильника для меня будет невыполнимой задачей. Дожил, и сказать за это спасибо стоит тому, кто сейчас находится по ту сторону красного огня. Он точно доволен этим зрелищем.

Несмотря на то что я нахожусь в вертикальном положении, опорой всё-таки служат не ноги, а руки, опирающиеся на раковину.

Взглядом просто пронзаю дверцу холодильника, тем самым пытаюсь придвинуть его хотя бы на пару сантиметров ближе. Увы, это мне неподвластно. Стоит признать, что вся власть здесь находится в других в руках, а я простая марионетка.

Делаю первый шаг. Это не так просто, но ожидал худшего. С трудом, но делаю и второй шаг, затем третий и четвёртый. Опоры больше нет, так что главное сейчас не упасть, так как подняться будет сложно, да и зашитою рану можно легко повредить. Зашивать себя металлическими скобами больше не хочется.

– Главное, не торопись, времени у тебя много, – утешаю

себя простыми словами, хотя прекрасно понимаю, что этого самого времени попросту нет.

Шаг за шагом я приближаюсь к намеченной цели. Последний шаг, и пальцы касаются ручки холодильника. Она такая же холодная, как и всё в этом помещении. Да это и есть одна большая холодильная камера.

Не решаюсь открыть его. Пальцы как будто намертво приклеились к ручке. Она такая холодная, что всё тело бьёт ужасная дрожь, отчего урчание в животе усиливается и ощущается спазм, перетекающий в тошноту. Не знаю, почему, но не могу решиться открыть дверцу холодильника. Хотя кого я обманываю и зачем? Прекрасно я всё знаю и понимаю. Холодильник – это очередной элемент декорации, часть спектакля, что разыгрывается в режиме онлайн на чьих-то глазах. Где-то там, где красный огонёк неумолимо наблюдает за мной, передаёт цифровой сигнал, сидит некто и ждёт не дождётся, когда я начну новый акт его психопьесы. Я буквально чувствую, как ОН говорит, даже кричит: «давай», «открывай», «ну-у-у-у-у-у». При этом ладони его рук потеют от предвкушения и экстаза. ОН-то уже знает, что меня ожидает, знает, что находится там внутри, а я могу лишь гадать, что скрывается за дверцей обычного белого холодильника. А тут гадай или не гадай, а с уверенностью можно сказать, что ничего хорошего меня там не ожидает. Даже не хочу думать, что находится в банке или в банках. В мозгу за доли секунды прокручиваются различные варианты того, что там

может находиться. И поверьте, ни один из множества вариантов меня не удовлетворил и не успокоил. Учитывая всё то, что я уже повстречал здесь, все те подарки и сюрпризы, подготовленные таинственным незнакомцем, могу с уверенностью сказать – это будет что-то новенькое. Я не сомневаюсь – это будет до такой степени противным и тошнотворным, что ведёрко, наполненное до краёв кучей дерьма, покажется мне не таким мерзким.

– Ну что, ты ждёшь не дождёшься, да? – Я пристально смотрю наверх, где красная точка смотрит на меня. – Большой ублюдок подготовил очередной приятенький сюрприз, да?

Чувствую, как сердце начинает стучать всё быстрее, адреналин впрыскивается в кровь. Слабость и боль во всём теле куда-то исчезают, оставляя лишь страх и нервический смешок.

– Ну, давай посмотрим, что там лежит, дружок.

Слово дружок напугало даже меня, потому что было произнесено не моим голосом, словно в меня вселился безумец. А это и неудивительно. Такая обстановка хочешь не хочешь, а оставляет свои следы не только на теле, но и в душе.

– Поехали.

Пальцы рук сжали холодную ручку с такой силой, что она вполне могла сломаться, но вместо этого раздался скрип. Скрип петель, сигнализирующий о том, что нет пути назад. Секунды, потребовавшиеся на то, чтобы распахнуть двер-

цу холодильника, показались мне вечностью. За это время я вообразил множество всяких гадостей, поджидающих меня там.

Открыл.

Как и в прошлый раз разглядеть содержимое холодильника в принципе невозможно из-за тусклого света внутри моей гробницы. Но в отличие от первого открывания, когда у меня были ещё связаны руки, теперь они свободны.

Да, я был прав, там действительно стоят две банки. Одна жестяная, непрозрачная, с какой-то мутной наклейкой, а за ней ещё одна. Стоят на нижней полке, в самой глубине.

С большой неохотой отпустил правую руку, которая до сих пор сжимала ручку дверцы, и вытер ладонь о штаны. От внутреннего напряжения она стала мокрой, словно попала под струю холодной воды. Потребовалось несколько секунд, чтобы ладонь стала сухой, да и то ненадолго.

Я смотрел на содержимое холодильника, а оно смотрело на меня, пытаюсь сказать мне что-то, а может и предупредить. Предупредить о том, что лучше закрыть дверцу, и не приближаться к ней больше. Но нет, пути назад нет, да и не было его никогда. Хуже уже не будет... наверное.

Первая банка стояла так, что наклейка на ней была видна не полностью, поэтому разглядеть её не представлялось никакой возможности. На первый взгляд обычная банка, какие используют для консервации. Такую можно встретить в любом магазине.

Рука, недавно сжимавшая холодную ручку, медленно проникла в пасть белого чудища и направилась к намеченной цели.

Медленно, сантиметр за сантиметром расстояние между кончиками пальцев и банкой сокращалось.

Контакт.

Холодная. Разумеется, холодная, какая же ещё. Здесь всё, мать вашу, холодное.

Металлическая банка с рифлёной поверхностью окатила моё тело дрожью и мурашками, прошедшими целым стадом от шеи до поясницы и утонувшими в бесчувственных ногах.

В этот момент я понял, насколько я ослаб и замёрз. Рука с большим нежеланием схватила цилиндрический объект и направилась в обратном направлении.

За то время, что рука возвращалась, в голове в очередной раз пронеслись сотни вариантов её возможного содержимого. Да, в ней что-то было. Я сразу определил, что она не пустая. Точно не пустая, в ней что-то есть. Это мне напомнило детский праздник. День рождения, когда ты берёшь в руки коробку, завернутую в красивую обёртку и тащишь к себе. Гадаешь, что в ней, оцениваешь её вес, исходя из этого, делаешь выводы, что там может находиться, и наоборот, чего там точно нет. И вот сейчас я испытывал то же самое, только вместо радости и приятного волнения, ощущал страх и ужас.

Глаза опустились вниз, где рука всё так же крепко сжимала металлическую банку. Картинка на банке, она же наклей-

ка, дала мне ясно понять, что я держу в руке... собачий корм.

Да, это был самый обычный собачий корм, который можно найти в любом магазине города. Сердце внутри забилося по-другому – если раньше оно стучало ритмично, то сейчас отплясывало сумасшедшую чечётку. Мои наихудшие опасения остались позади. Честно говоря, я был уверен, что меня поджидает отвратительный и мерзкий подарочек, но на деле оказалось не всё так плохо. Собачий корм – это не худшая подлянка, которую мог организовать больной ублюдок.

На самом деле в первые секунды после понимания того, что именно я держу в руке, я испытывал различные эмоции – всё, которые только может чувствовать человек.

– Собачий корм, серьёзно? – Я не верил своим глазам. – Не дерьмо, а собачий корм. Ты не шутишь? – Я в тысячный раз посмотрел на молчаливого собеседника, закреплённого в углу под потолком.

– Ну, знаешь, если там и в самом деле собачья еда, – я изучал банку так тщательно, что можно было подумать, что в руки мне попал таинственный артефакт, – то ты меня не перестаёшь удивлять, маленький сумасшедший ублюдок. – В моём голосе сквозили сарказм и искренняя радость.

Вот уже минуту, а может и дольше, верчу банку в руках и не могу прийти в себя. Да, мать вашу, я рад. Представляете, я рад. Никогда в жизни не мог подумать, что буду так радоваться банке собачьего корма.

– Признаюсь честно, – взгляд снова плавно переместился

на красную точку, – я ожидал чего-нибудь... а-а-а-а, ну такого... дерьмового!

Аккуратным движением я приоткрыл верхушку крышки, дабы удостовериться, что это не очередная подстава или забавный розыгрыш.

Нет. Не розыгрыш.

Не успел её открыть, как в нос ударила мощная струя знакомого запаха.

Да, именно знакомого. Запах, который стал уже привычным. Но не это меня поразило. А поразило то, что мне он нравится. Во рту тут же скопилось обилие слюны, что говорит о голоде, что мучил меня. Только сейчас я понял, как же голоден.

Открыл тонкую металлическую крышку до конца и откинул её в сторону с мыслью, что она мне может в дальнейшем ещё пригодиться.

Указательный и средний пальцы в одно мгновение погрузились в холодную и вязкую массу коричневого цвета. Быстрым движением извлёк пальцы, служившие в этот момент ложкой, поднёс к носу, чтобы в очередной раз убедиться в своей правоте.

Да. Это съедобная штука, хоть и собачья. Запах божественный, сводивший меня с ума.

Сколько же я не ел? Как долго мой желудок не встречался ни с чем съедобным, если воспринимает собачью жратву как дары небесные. Видимо, очень долго!

Первая порция, попавшая мне в рот, показалась чем-то нереальным. Чем-то таким, от чего внутри стало расплзаться тепло. Чувствовал, как тело наполняется эйфорией. Захотелось кричать, но чувство голода приказывало есть и не отвлекаться.

Мясо, жир и что-то ещё, видимо, хрящи, просто таяли во рту. Мои пальцы только и успевали окунаться вовнутрь и перебираться в рот. Первые куски даже не жевал – жадно глотал. Только когда уже было съедено около половины банки, понял, что необходимо жевать и желательно как можно тщательней. Параллельно с этим вспомнил, что внутри находится ещё одна ёмкость. Я-то про неё уже и забыл. Да что там, я забыл обо всём, когда нос уловил эти божественные ароматы еды.

Вытерев импровизированную ложку о штаны и поставив наполовину опустевшую банку на пол, вновь взялся за дверцу холодильника, которая уже успела захлопнуться.

Если в первый раз я боялся её открыть, то во второй раз сделал это без колебаний. Внутри стояла ещё одна банка. Только в отличие от предыдущей ёмкости, она была стеклянная и прозрачная. Что именно в ней находится, не разобрать. Уверенным движением я схватил её и потянул к себе, пытаюсь представить, что там может быть. Пока увесистая стекляшка преодолевала путь от полки до меня, в голове появилась куча мыслей. Не знаю, почему, но первое, что пришло на ум, – алкоголь. Да не просто алкоголь, а старый добрый

шотландский виски, да похолодней, а лучше – с кубиками льда на дне гранёного стакана. Аж мурашки пробежали по телу от мысли, что там действительно виски.

Но мои мечты быстро превратились в прах, когда стеклянная банка, а точнее колба, приблизилась к глазам. Внутри определённо жидкость, но, помимо неё, там есть ещё что-то, какой-то предмет. Из-за тусклого освещения в моих хоробах трудно разглядеть, что именно находится в колбе. Сделав пару шагов в сторону, где лампы дают максимум освещения, стал разглядывать содержимое.

– Господи, что это такое? – Диалог с самим собой стал для меня нормой. – Не могу понять, что это?

Я действительно не мог понять, пока не повернул колбу на девяносто градусов. Только тогда серые клеточки в мозгу известили моё сознание, что именно я держу в руках. Это был человеческий язык. А точнее, отрезанный человеческий язык, помещённый то ли в спирт, то ли в бальзамический раствор. Я ожидал от себя совершенно другой реакции. Вместо того чтобы откинуть стеклянную колбу в сторону с диким криком и отползти в дальний угол, я смотрел на неё как загипнотизированный, думая лишь о том, чей он, где его хозяин, потому что мой язык при мне.

Этот чужой человеческий орган смотрел на меня так, будто мы с ним знакомы. Что за бред. О чём я? Чем дольше я смотрел на розовое существо, обитавшее в стеклянном сосуде, тем мне становилось хуже. Не успел ничего понять, как

из меня ударил фонтан.

Стошнило.

Весь съеденный собачий корм в один миг очутился на холодном бетонном полу. Живот вновь скрутило чувство голода, но теперь вряд ли мне хоть что-то полезет в рот.

Человеческий язык по-прежнему находился у меня в руках, даже в момент тошнотворного спазма стеклянная ёмкость не выпала и не разбилась. Не знаю, почему, но не было страшно, как, по идее, должно быть, ведь не каждый же день ты держишь в руках человеческий орган. Да не просто орган, а свежесрезанный. Да-да, именно свежий. Края плоти ещё не успели как следует свернуться, что говорит о том, что хирургическая операция была совершена совсем недавно. А возможно, я ошибаюсь. Может быть, дело в растворе, в котором находится язык. Чёрт его разберёт, откуда мне знать.

Аккуратным движением поставил стеклянную колбу на пол, прямо в том месте, где и стоял, – в метре от собачьего корма, недавно побывавшего в моём желудке. Как только руки стали свободны, инстинктивно посмотрел на них, дабы убедиться, что на руках ничего не осталось.

Несмотря на то что язык находился уже на полу, у меня складывалось ощущение, что по-прежнему держу его в руках.

Отвратительно.

От внутреннего напряжения, царящего в эту минуту в голове, ноги сами переносили брненное тело от одной стены к

другой. Я был похож на хомяка в колесе, неутомомно работающего маленькими лапками, которому не суждено куда-либо прийти. Я и есть этот грызун, кручусь на одном месте, а результата никакого. Ничего не вспомнил, лишь непонятные сновидения и подсказки в виде надписей и фотографии.

– Я не знаю, слышишь, не знаю, – продолжил типичный диалог с красным огоньком. – Я не знаю, что ты хочешь от меня.

Ноги несли меня из одного угла в другой, при этом мой взор был устремлён исключительно на пол, где колба с языком неумолимо сверлила мозг.

Всё это неспроста – мысленно раз за разом прокручивал эту фразу в своей голове. Всё неспроста, ты должен понять, разгадать, прийти к истине, найти ответ на всё это дерьмо, происходящее вокруг тебя.

Но как бы я ни старался, не напрягал извилины, если они вообще остались, ничего дельного не получалось. Белый лист, жизнь, которая была и полностью стёрлась с этого листа. Ничего, ни одной буковки или закорючки не сохранилось.

– Окей, давай начнём двигаться в другом направлении, раз в этом нет никакого результата, – в очередной тысячный раз начал конструктивный диалог с собой.

– Ты ничего не помнишь, это понятно. Некто поместил тебя в тёмную и холодную комнату, предварительно стерев абсолютно все воспоминания. Измывается над тобой, застав-

ляет окунуться в дерьмо, причинять себе физическую боль, на худой конец жрать собачью еду. При всём при этом где-то там, – на долю секунды бросил молниеносный взгляд на красную точку и вновь посмотрел на стеклянную ёмкость, – кто-то наблюдает за всем происходящим, но никак не связывается со мной. Хотя опять же стоит отметить, что в этом нет пока необходимости – всё идёт по его сценарию. Но это! – Руки непроизвольно в вопросительном жесте дёрнулись к предмету на полу. – Какое имеет значение, что ОН хочет сказать или на что-то указать. Я НЕ ПО-НИ-МАЮ. – Каждый произнесённый слог одновременно был криком души – бесильной души.

– Чей это язык? Твой? Я был бы очень рад, если б он когда-то принадлежал тебе. – Красный огонёк уже начал меня бесить, особенно его молчание и полное бездействие. – Ну хотя бы погасни или что-нибудь ещё, но только не молчи. Пообщайся со мной, укажи мне верное направление. Ну дай хотя бы малюсенькую подсказку. Неужели тебе нравится такая игра?

Я рухнул на колени, точно заводная игрушка, у которой кончился завод. Подбородок опущен к груди, руки безвольно повисли вдоль тела, голова словно воздушный шар, готовый лопнуть в любую секунду. Всё внутри загорается красным пламенем, желая сжечь дотла и похоронить здесь же, между ведёрком с дерьмом и собственной блевотиной.

Хочется плакать, но понимаю, что слёз нет – высохли. Да

и зачем, всё это бессмысленно. Вся эта игра одно большое бессмысленное действие. Но только не для него. Он всё продумал до мельчайших деталей. Этот язык о чём-то мне говорит, да, говорит. Точно, говорит, хотя уже умер, но что-то говорит. Но что?

Подползаю к тому месту, где ещё пару минут назад с безудержным весельем уплетал за обе щеки собачью пайку. И собачий корм тоже неспроста. Не кошачий, а именно собачий. Никакой другой, именно собачий. Всё это знаки!

Тут меня посещает одна мысль, а что если это язык собаки, той самой, корм которой я только что сожрал. С лёгкой дрожью в руках снова беру стеклянную колбу и подношу к глазам. Но быстро понимаю, что язык не может принадлежать собаке или какому-нибудь животному. Это человеческий язык, в этом нет никаких сомнений.

От самых кончиков пальцев ног вверх к паху, от него дальше в живот, затем в грудную клетку, прямиком в шею, в голосовые связки проникает поток дикой и неуправляемой энергии, вызванной бессилием и непониманием. Именно она заставляет руки крепко сжать банку с содержимым и размахнуться. И вот с диким, животным, нечеловеческим криком, пальцы разжимаются и холодная стеклянная банка с языком летит прямиком в дверь. Раздаётся характерный звук, свидетельствующий о том, что сотни осколков падают на пол. Перед металлической дверью быстро образовалась лужа, в центре которой находится несчастный язык, когда-то принадле-

жавший какому-то человеку.

Не знаю, почему, но мой интерес к алому предмету быстро переключается на другой предмет – дверь. Только сейчас я обратил внимание, что в двери имеется ниша – круглое отверстие, не замеченное мною раньше.

Глава 4

1

Дверь, как я мог забыть о ней? Даже сейчас, сидя напротив этой самой двери, через которую, скорее всего, я сюда и попал, я не мог сообразить, почему ещё раньше, когда руки оказались на свободе, первым делом не изучил потенциальный вход, он же выход.

Дверь, дверь, дверь – в голове, не останавливаясь, проносилось это слово, словно заклинание, которое нельзя забыть. А это действительно заклинание на моё спасение. Если как-то и можно выйти отсюда, то через дверь, я был в этом уверен как никогда.

Если ещё минуту назад внутри меня кипело пламя негодования и раздражение оттого, что я не могу ничего сделать, а самое главное, ни хера не понимаю и не помню, то теперь внутри играла музыка. Я словно герой ужастика, который почти уже отчаялся спастись, но вдруг понимает, что есть один-единственный шанс. В моём случае дверь, металлическая дверь. Всё ещё не двигаясь, пытаюсь вспомнить, что я увидел при первом осмотре, когда запястья рук были туго связаны. Вспоминаю, правда, такое явление в последнее время для меня редкость, но это хоть какая та работа для мозга.

Мощная.

Точно, именно так я и подумал. Мощная.

Действительно, бросая взгляд напрямиком на неё, сейчас понимаю, что мнение невозможно поменять. Она действительно мощная, другое слово очень трудно подобрать. Да это не просто входная дверь, а целая металлоконструкция. Она больше подходит для сейфа, предназначенного оберегать богатство своего хозяина от любого взлома. Может быть, это и в самом деле дверь от сейфа. Но это же бред. Тут же ощущаю, что в мозгу начинает происходить настоящая штормовая атака серых клеточек. Одновременно с этим усиливается сердцебиение, в висках пульсирует с дикой скоростью, даже дышать стало тяжело.

– Этого не может быть, какой, на хрен, сейф, – изо рта вырывается фраза, сопровождаемая лёгким ироническим смешком, который в любую секунду может перерасти в нервный крик. Прекрасно понимаю, что стоит держать себя, да и всю ситуацию, под контролем. Однако это не так легко, как может показаться на первый взгляд.

Я заперт в сейфе.

Вот такая чушь родилась внутри меня, внутри моей пустой головы, которая до сих пор, спустя уже столько времени ничего не вспомнила. Абсолютно ничего, полный ноль.

– Успокойся, пожалуйста, – приказываю плаксивому мальчишке, проснувшемуся внутри меня.

В тысячный раз кидаю быстрый взгляд под потолок, где

всё так же неумолимо горит красный огонёк. Стараюсь не задерживать на нём взгляд, не хочу, чтобы ОН видел мой страх, нарастающий в глубине сознания. Да здесь не только страх, здесь полный букет различных эмоций, разумеется, кроме радостных и позитивных. Радоваться я буду тогда, когда покину этот ад и найду его хозяина. Вот тогда тело внутри нальётся соком счастья и веселья, ну а сейчас надо сконцентрировать остатки понимания на этой чёртовой двери.

Боюсь встать на ноги и подойти к ней. Не знаю, почему, но уверен, что это плохая идея. Под кожей пробегает противный холодок, стоит только мне представить, как я к ней подхожу.

Это паранойя или что-то в этом духе. Конечно же, я понимаю, что это очередное испытание.

В голове мысли летают как рой диких пчёл, не знающих, где их улей. Каждая такая мысль порождает страх и ужас. Но подойти к двери надо, другого варианта нет.

– Что это за отверстие, или что там за ниша? – задаю себе вопрос, тем самым пытаюсь выиграть время.

А было ли оно там раньше?

Или, может, появилось недавно?

А если недавно, то как?

Когда я потерял сознание первый раз?

Или во второй раз?

Неужели сюда кто-то входил?

Для чего оно?

Это и есть ключ?

Все эти вопросы, да и десятки других, хаотично вращались в голове. Действительно как дикие пчёлы: жалят и жалят, одна за другой, безжалостно и со звериной силой. Надо прекратить это, или мозг разлетится вдребезги на мелкие кусочки, как стеклянная колба, которая по-прежнему лежит возле двери.

Где-то из глубины моего тела и сознания появляются силы, заставляющие встать на ноги и сделать первый шаг. За ним второй и так далее. Вот левая ступня аккуратно минует первый осколок, правая медленно обступают ряд мелких стекляшек, кучно расположившихся в небольшой лужице. В нос ударяет резкий запах, правда, не могу понять, чего именно. Скорее всего, химический раствор, служивший защитной оболочкой для языка. Неспешными шажками ловко маневрирую среди сотни других осколков, тщательно выбирая место, куда поставить босую ступню.

Вот уже на расстоянии вытянутой руки стою перед огромной дверью, держащей меня взаперти как минимум уже несколько часов, а может и дней. Присаживаюсь на корточки и с помощью рук убираю мелкие стекляшки, лежащие непосредственно между мной и ею.

– Как тебя открыть, а? – Снова на одну секунду перевожу взгляд на красного циклопа, и понимаю, что ответа не получу.

– Ну хорошо, посмотрим.

Разумеется, меня волнует то самое отверстие, имеющееся в дверном полотне, которое я почему-то раньше не заметил. Но боюсь его изучить, а уж тем более дотронуться до него.

Окидываю внимательным взглядом всю эту гигантскую конструкцию, кажущуюся чудовищем, прибывшим с другой планеты. Она просто нереальных размеров, уверен, толщина около пятнадцати сантиметров. Точно сказать нельзя, но кажется именно такой. На ум приходит швейцарский банк, но эта тёмная гробница мало похожа на денежное хранилище.

Наконец-то решаюсь провести тактильный осмотр. Осторожно касаюсь ладонью гладкой поверхности. Металлическое чудовище невероятно холодное и, кажется, дышит. Второе утверждение – это не что иное, как разыгравшееся воображение, но первое абсолютно точное и правдивое. Провожу рукой вверх докуда дотягиваюсь, затем приподнимаюсь, параллельно этому веду руку ещё выше. Невероятно гладкая и холодная как лёд. Нет замочной скважины, куда можно вставить ключ. Не ощущается никакого дуновения, в ней нет щели или чего-нибудь похожего на это. Понимаю, что с помощью осязания никакую информацию выудить не получится.

Когда я водил ладонью по поверхности двери, то осознанно не касался ниши, расположенной прямо посередине. Ниша, она же обычное отверстие диаметром не больше двадцати пяти миллиметров, выглядела пугающе.

– Что это? – вслух вырвалась стандартная фраза, ставшая здесь обычным делом.

Я смотрел на нишу, как маленький ребёнок, впервые увидевший снег на улице, так же не понимая, что это и что с этим делать. Очередная загадка от моего больного убудка.

Провёл ладонью над отверстием – дуновения ветра нет, значит, оно как минимум глухое. Чувствовал себя археологом, который после долгих лет поисков нашёл неизвестный предмет, ранее не встречавшийся в его жизни.

Конечно, в голову моментально пришла одна гениальная мысль, правда она была из категории «дурацкая». Засунуть палец вовнутрь. Но вспомнив всё, что я уже здесь пережил, пришёл к выводу, что это действительно плохая идея.

Нет, никуда и ничего я совать не буду – одна и та же мысль блуждала в мозгу, стремясь покинуть его, но безуспешно. Боялся представить, что там может быть, ведь неспроста в двери имеется отверстие, размер которого подходит для пальца руки.

Решил заглянуть глазом внутрь чёрной дыры. Может, она и не такая чёрная. Может, там есть свет.

Увы.

После того как глаз приблизился, а затем полностью прильнул к отверстию, стало ясно – это дырка, имеющая только вход. Даже здесь нет никакого выхода.

Но всё-таки для чего-то она здесь есть, но для чего? Могу с определённой уверенностью сказать, что туда надо вставить некий предмет.

– А-а-а-а-а-а-а, – единственное, что вырвалось изо рта. –

Что-то, куда-то, как-то, зачем-то – как меня задолбала вся эта неопределённость.

Отчаяние.

Вот что поселилось внутри меня. Безысходность и непонимание стали соседями моего заточения здесь.

Как же я устал от всего этого бреда. Не знаю, сколько времени прошло с момента моего первого пробуждения. Несколько часов или несколько дней? Даже на этот вопрос нет ответа.

Спать. Хочу спать. Такая хрень сильно утомляет, да и чувство голода вновь пробуждается. Надо поспать, ну или хотя бы прикрыть глаза и дать голове отдохнуть, пусть устаканятся мысли.

Неспешно отошёл от двери к тому месту, где находилась камера. Не хочу, чтобы за мной спящим наблюдали.

Ложиться на холодный бетонный пол было бессмысленно, поэтому присел на корточки, опёршись на стену, которая, кстати, была не теплее пола, обхватил руками колени и опустил голову, касаясь щекой коленной чашечки.

Вот только сейчас стал понимать, что здесь холодно, но жажда сна была куда сильнее. Закрыв глаза, долго ещё пытался понять, что к чему, для чего здесь находится каждый предмет, фотография внутри меня, язык, собачий корм, надписи и это маленькое круглое отверстие. Размышляя над всем этим салатом, не заметил, как уснул.

2

Ещё недавно моё тело находилось в тёмной и промёрзлой комнате, а теперь я стою на кухне. Да, это кухня. Запах жареного мяса резко ударяет в нос, что приводит мозг в восторг. Но есть не хочется, здесь и сейчас не хочется. Это сон, очередное видение. Я это прекрасно понимаю, осознаю, что всё происходящее в этот момент нереально – моё тело по-прежнему находится на полу, там, в неизвестности.

В помещение врывается женщина, замечаю её боковым зрением. Лица опять не видно, но, должно быть, это та самая девушка из предыдущих снов. Она, как всегда, не в духе. Интересно, бывают моменты, когда она не кричит на меня?

Как и в прошлый раз, лицо мутное, словно художник взял ластик и стёр нарисованное выше плеч. Вот как-то так. Уверен, что именно эта женщина, пытающаяся развязать со мной Третью мировую войну, изображена на фотоснимке. Утверждать не могу, но уверен практически на сто процентов, что это она. Слова, произносимые ею, так же, как и лицо, неразборчивы. Шум, треск, шипение – вот что слышу я.

Выходит из кухни, оставляя меня одного, но всё равно слышу её неразборчивый вопль, иду за ней. Открываю дверь кухни, и запах резко меняется. Прихожая. Теперь это аромат не мяса, а собаки. Да, точно собака. Опускаю голову вниз и вижу, что на поводке метрах в трёх от меня около двери,

видимо входной, сидит рыжий пёс. Кобель. Его мужское хозяйство видно даже отсюда. Невольно вспоминаю банку собачьего корма. Ну, привет, хозяин лакомства, валяющегося в этот момент на полке холодильника где-то там, далеко отсюда.

Почему собака на поводке и около двери? Что происходит? И где эта истеричка. А, вот и она. Одетая. На ней красный пуховик, синие джинсы, коричневые ботинки, с торчащим мехом изнутри, и шерстяная шапка.

Она собирается уезжать, но куда и зачем? Оставить меня без ответов и понимания?

Нет, так дело не пойдёт.

Берёт спортивную сумку, которая всё это время тихонько стояла в углу, закидывает лямку на плечо, снимает поводок с ручки, заставляя собаку оторвать свой зад от пола, и открывает дверь.

Поток холодного воздуха бьёт по щекам, заставляя меня поёжиться. Как же холодно! На улице зима, да не просто зима, а настоящий мороз. Градусов двадцать ниже нуля, а может и того хуже. Вместе с потоком ледяного ветра в тёплое помещение влетают крупные хлопья снега, за несколько секунд превращаясь в большие водяные капли на полу.

Незнакомка, одетая по погоде, в отличие от меня, быстрыми движениями покидает тёплый дом. Собака неохотно движется за ней. Ну ещё бы, кому хочется в такую погоду выходить на улицу.

Следую за ней. И вот я уже стою на пороге входной двери и вижу, как эта парочка идёт вперёд, с каждым шагом удаляясь от меня.

Не могу допустить, чтобы она ушла вот так, тем самым оставив меня без правды и желанных ответов. Выхожу за ней.

Холод ужасный. Понимаю, что, в отличие от неё, на мне нет куртки, шапки и зимней обуви – я в домашней одежде. Ну, разумеется, кухня, запах мяса, всё говорит о том, что я спокойно пребывал дома и занимался бытовыми хлопотами. А теперь иду в домашних тапочках за сумасшедшей бабой с собакой в настоящий буран.

Тело скукоживается практически до позы эмбриона, руки обхватывают туловище по максимуму, но ноги сами идут за женщиной. Ещё несколько шагов, и впереди просматривается силуэт машины. Теперь понятно, что происходит, по крайней мере, мне так кажется. Она уезжает, и, судя по размеру сумки, явно не на прогулку с собакой.

Сбегает.

Никак иначе, собрала вещи, взяла собаку, возможно даже эта моя собака, и хочет уехать.

Приближаюсь к машине. Это чёрный внедорожник, прекрасно подходящий для езды в такую погоду и по таким заснеженным дорогам. Двигатель работает. Сама копошится около багажника, кидает сумку и приказывает собаке лезть туда же. Та беспрекословно выполняет команду – это её со-

бака.

Закрывает дверь, а точнее, с силой захлопывает так, что даже бедный пёс прижимает уши к голове и сутулясь сидит, опершись на боковую стенку багажника.

Женщина быстрыми шагами минует меня, открывает дверцу водителя и садится в машину. Мой взгляд непроизвольно переключается с неё на заднюю дверь автомобиля. Там кто-то есть.

Девочка.

А справа от неё ещё одна. Обе одеты в такие же курточки, что и женщина. Это те самые девочки, те, что изображены на снимке. В отличие от женщины, их лица не размыты.

Точно. Я абсолютно уверен, что это именно они, те две улыбающиеся малышки. А это их мать.

Машут мне.

Несмотря на то что идёт сильный снег, я прекрасно вижу, как эти две девчонки машут мне.

Они прощаются со мной, именно так дети машут взрослым людям, когда уезжают.

Машут и что-то говорят. Неслышно, и это неудивительно, кретин.

Не слышу, но разбираю по губам... ПОКА, ПАПА.

В глубине душе я знал это, ещё там, сидя на ледяном полу с фотографией на ногах, откуда на меня смотрели две улыбающиеся девчонки, знал, что эти дети не чужие мне.

Мои малышки. Сердце в груди застучало с такой силой,

что готово было выскочить наружу, в ногах появилась слабость, захотелось упасть на землю и расплакаться, но не от боли или страха, а от радости. Вдруг до меня доходит осознание того, что безликая женщина совершает кражу моих детей, а я, стоя как немощный, спокойно наблюдаю за этим. Неожиданно машина резко трогается и устремляется вперёд. Девчонки, по-прежнему сидящие на заднем сиденье, обернулись и стали махать мне через стекло автомобиля, рядом с ними уныло расположился несчастный пёс.

Надо что-то делать, нельзя, чтобы вот так она увезла моих детей. ОНА? Жена? Ну да, скорее всего. По крайней мере, в этом есть логика. Но сейчас не время для размышлений.

Стоя на месте, я наблюдал, как чёрный внедорожник удаляется от меня, исчезая в белоснежной пучине. Снегопад усилился. Руками в дикой истерике начал ощупывать себя, проверяя на наличие каких-либо предметов.

Есть.

В кармане штанов нащупал предмет, напоминающий ключи. В спешке достаю и убеждаюсь в своей правоте, это действительно ключи, и не от дома, а от автомобиля. На брелке сигнализации имеется фирменный логотип BMW. Внедорожник, увозящий от меня двух детей, был другой марки. Значит, есть ещё машина.

Судорожно начинаю вертеть головой, в поисках нужного автомобиля, но хлопья снега, падающие с неба, не позволяют разглядеть ровным счётом ничего. Нажимаю на кнопку

брелока, где изображена картинка открытого замка.

Есть. Сработал сигнал, но не вижу, где именно припаркован нужный мне автомобиль. Повторяю действие, опять сигнал – теперь вижу. Серый седан BMW стоит справа от меня, и вот уже ощущаю, как ноги несут замершее тело к его двери.

Открываю дверцу, сажусь. Вместе со мной в салон автомобиля проникает снег, постепенно превращаясь в воду, захлопываю дверь. Пробегает мысль пристегнуть ремень безопасности, но понимаю, что малейшее промедление может привести к тому, что чёрный внедорожник скроется от меня. К чёрту ремень.

Спустя несколько секунд правая нога вжимает в пол педаль газа. Гигантские белые мухи сотнями разбиваются о лобовое стекло машины. Дворники работают на полную мощь, но даже они не в состоянии справиться с ненастьем – снег стоит стеной. Еду прямо, BMW несётся уже со скоростью девяносто километров в час, что при таких метеоусловиях небезопасно, но выбора нет, я должен догнать чёрный внедорожник. Около минуты спустя впереди появляется небольшая тёмная точка, с каждой пройденной секундой становясь всё больше и больше. Я сразу узнаю тот самый внедорожник. В отличие от меня, его водитель едет со скоростью не больше сорока километров в час, и это неудивительно – мать заботится о своих детях.

Да, именно мать, я в этом уверен на сто процентов.

Ещё пару секунд, и мой серый BMW садится на хвост чёр-

ному беглецу, который хорошо виден в белой мгле. Не успеваю порадоваться своей победе, как понимаю, что я замечен. Вдруг внедорожник увеличивает скорость и начинает удаляться от меня. Следую за ним. Спидометр показывает девяносто пять километров в час, затем сто, сто десять.

«Что ты делаешь?» – проносится у меня в голове, при этом всё внимание сконцентрировано на вождении. Кажется, непогода не собирается сбавлять свою мощь, а даже, наоборот, усиливает её, намекая на то, что ехать так быстро не лучшая идея. Я это прекрасно понимаю, но не могу остановиться, как и не может этого сделать ОНА. Но зачем она это делает, зачем сбегает, неужели нельзя взять, остановиться и спокойно всё обсудить? Только теперь понимаю, что всё происходящее сейчас нереально, всё это моё очередное видение. В данный момент я нахожусь не в салоне тёплого автомобиля, а на холодном бетонном полу, без единого ответа на мучающие меня вопросы. Я должен получить ответы, если не там – в реальности, то здесь, по другую её сторону. Именно эта мысль и удерживает мою ногу на педали газа. А вот что движет той сумасшедшей, движущейся впереди меня, увозя в неизвестность моих детей, мне непонятно.

Во время нашей гонки понимаю, что мой BMW куда мощнее её тяжеловеса. Ещё пара секунд, и мой передний бампер вплотную приближается к её заднему. Несмотря на валящий сплошной стеной снег, умудряюсь разглядеть печальные и одновременно испуганные глаза собаки, которая так же уны-

ло сидит в багажнике.

Повернув руль влево, выезжаю на встречную полосу, где в один миг догоняю внедорожник. Прекрасно понимаю, что всё, происходящее здесь и сейчас, – всё это не по-настоящему. Эта погоня, снегопад, да даже грустный пёс на полу багажника – игра моего сознания. Я никак не могу повлиять на происходящее. Я – зритель, на глазах которого разыгрывается семейная драма. Нельзя ничего изменить, можно лишь наблюдать и пытаться понять – почему. Почему я заключён в бетонной коробке?

Все размышления разрушаются как карточный домик – затяжной звук клаксона заставляет повернуть голову в сторону дороги. Там несётся машина. Только сейчас понимаю, что еду по встречной полосе. Убираю ногу с педали газа и резким движением дёргаю руль вправо. Едва перестроившись в свой ряд, мимо проносится такой же отчаянный глупец, решивший, что сейчас подходящая пора для езды.

Ещё бы чуть-чуть, и... Не надо о плохом, и так уже всё хуже некуда. Снова предпринимаю попытку поравняться с беглянкой. Трудно объяснить, зачем это делаю, но повторю ещё раз, что сейчас я безвольный зритель, находящийся в чужом теле.

Впереди чисто, лишь белые хлопья несутся навстречу с бешеной скоростью. Наши боковые зеркала выстраиваются в одну линию. Поворачиваю голову вправо, пытаюсь заглянуть в салон через водительское окно.

Водитель внедорожника не сбавляет скорость, а только увеличивает. Я не сдаюсь и снова догоняю, при этом каждую секунду посматриваю вперёд, в поисках встречной машины.

Разглядеть что-либо невероятно тяжело, за окном белая мгла сметает всё на своём пути. Но всё же мне удаётся увидеть. И то, что я увидел, приводит меня в некое замешательство, даже в ужас.

Я увидел лицо женщины, управляющей внедорожником. До этого момента оно было размытым, но не теперь. Я был уверен, что водитель и человек на снимке, это одно и то же лицо.

Но я ошибся. Автомобиль ведёт абсолютно другой человек.

В тот самый миг, когда она повернула голову налево, лицо неожиданно приобрело чёткие черты, наши взгляды сошлись, и тогда я понял, что я ничего не понимаю.

Как же так? Я был уверен, что эта женщина и есть та девушка со снимка. Та девушка, которая приходила в сновидения, которая кричала на меня и была по лицу.

Нет.

Это определённо другое лицо, которое я раньше не видел. Понимаю, что это не обман зрения или подмена иллюзий. Нет, что-то другое, но что, я пока не могу объяснить. Девочки как две капли воды похожи на тех, со снимка, а женщина нет – вот весь вывод.

Незаметно для себя я обнаруживаю, что мой автомобиль

двигается уже не по прямой линии, а начинает смещаться. Что происходит?

Меня заносит. Вот что происходит. Это и неудивительно, учитывая, какая погода за окном и с какой скоростью я еду. Мне не страшно, хотя страх и ужас должны съесть меня изнутри.

Спустя несколько секунд серый BMW разворачивается на девяносто градусов. Автомобиль мне уже неподвластен, пытаюсь затормозить и выровнять его, но безуспешно. Спустя ещё пару секунд вижу, как меня сносит вправо, туда, где своим курсом движется внедорожник.

«Боже мой!» – единственная фраза, пробежавшая у меня в голове перед тем, как серый BMW врезается в параллельно движущийся внедорожник.

Стук металла, скрежет железа, визг тормозов и звук разбивающегося стекла – последнее, что я услышал, перед тем как внедорожник, ехавший на большой скорости, кубарем скатывается в кювет.

Мои девочки...

Белая стена стоит перед глазами. Что со мной происходит?

Я умер?

Было бы неплохо!

Что произошло? Ничего не помню. Всячески пытаюсь осознать хоть что-то, но всё тщетно. Вокруг один белый свет. Надеюсь, это рай.

3

Но вот на смену белому приходит серый, а через мгновение наступает темнота. Снова всё черно.

Веки поднимаются, и тусклый свет бьёт словно кувалда, оглушая и так потрёпанное сознание. Секунд двадцать пытаюсь сообразить, что происходит, кто я, где и тому подобное. Ещё мгновение, и память, а точнее то, что от неё осталось, приходит в обычный режим работы.

Вспоминаю, я уснул. Не знаю, сколько проспал, да и не хочу знать. Был бы не прочь больше никогда не просыпаться. А зачем? Снова стучаться лбом в неизвестность, она же запертая чёртова дверь, открыть которую просто невозможно. Нужно чудо, но где его взять?

Всё так же сижу, прислонившись спиной к холодной стене, ставшей моей кроватью, и ничего не понимаю. Не понимаю, что со мной произошло. В таких условиях мозг стал не просто туго соображать, а жёстко тормозить. Меня словно огрели чем-то тяжёлым по голове, потому что невероятно долго происходит пробуждение ото сна.

Вращаю головой влево, вправо, вверх – и понимаю, что я нахожусь всё в том же месте, где ровным счётом ничего не изменилось. Сюда явно никто не входил.

Заставляю серые клеточки головного мозга включиться на полную мощность и помочь мне найти ответ, спрятанный,

как я понимаю, внутри меня.

Наконец-то туман в голове рассеивается, и я вспоминаю всё то, что произошло там, на снежной дороге.

Я попал в аварию, но я живой. Либо это был кошмарный сон, причём очень реалистичный, либо я пережил некий момент своей неизвестной жизни ещё раз. О боже, прошу тебя, заклинаю всеми святыми, пускай это будет дурной сон.

Внутри всё каменеет, чувствую, как руки и ноги покрываются холодным потом, по спине в сотый раз пробегает дрожь, сопровождаемая мурашками, напоминающими сотню маленьких колючих иголок.

Нет, это не сон. Чувствую, всё, что я пережил некоторое время назад, – правда. Я действительно попал в автомобильную аварию, стал её виновником.

Закрываю глаза и снова оказываюсь на заснеженной дороге, где отчётливо вижу чёрный внедорожник. Вот он трогается, я стою, мой взгляд устремлён на заднее сиденье, откуда мне машут две прекрасные девочки. Они такие красивые, что на глаза наворачиваются слёзы. «Пока, папа», – эта фраза разрывает мой мозг, как пуля, выпущенная из крупнокалиберного оружия.

«Пока, папа». «Пока, папа». «Пока, папа».

– Нет, хватит, хватит, хватит, – кричу я во весь голос. – Я не могу больше так, хва-а-а-а-атит!

Я всё так же сижу около стены, скрючившись на корточках. Хочу встать, но не могу – затекли ноги. Открываю снова

глаза, но детский силуэт по-прежнему стоит перед глазами: «Пока, папа».

Нет, этого не может быть. До сих пор не могу поверить, что всё это взаправду, всё это было на самом деле. Надо успокоиться и всё детально разложить по полочкам, по-другому прийти к истине не получится.

Обхватываю голову двумя руками, делаю круговые движения, растирая лицо и шею. Тише, парень, ты ещё ничего не знаешь, успокойся, дыши, – мысленно отдаю себе приказ.

Поднимаюсь, это действие даётся с трудом. Невидимая стрела пронизывает левую часть живота, что приводит к дикому рёву. Проверяю рану – всё нормально, кровотечения нет, да и воспалительного процесса, кажется, тоже, порошок делает свою работу.

Первые шаги даются с трудом, но необходимо заставить кровь циркулировать по телу, особенно сейчас в ней нуждается голова.

Итак, начнём сначала. В голову так и лезет сцена аварии. Чувствам и эмоциям сейчас не место, требуется холодный котелок.

Я семьянин. У меня есть жена, две дочери и собака. Живу в частном доме, в котором недешёвая обстановка – значит я небедный человек. Есть машина, предположительно даже две – одна моя, другая жены. Отношения с женой напряжённые, так как мы часто ругаемся, вернее – она со мной. Вечно недовольна. Предполагаю, на это есть причина. Голая де-

вица, ласкавшая меня, тому подтверждение. Есть любовница или несколько. Неверный муж, но любящий отец. Почему любящий? Да потому что никогда не забуду те эмоции на сердце, когда машина начала увозить моих дочек от меня. Семья сбегает от меня, жена собирает вещи и уезжает на машине. На улице зима, идёт сильный снег. Бросаюсь вдогонку и провоцирую столкновение.

Перед глазами вновь проносится та сцена. Как сейчас вижу серый BMW, за рулём которого сижу я. Вот я теряю управление, машину заносит, происходит контакт с внедорожником, и тот улетает в кювет. Дальше ничего. Пустота. Белый лист.

Во время всего этого мыслительного анализа я ходил туда-сюда перед дверью, словно заводная игрушка. Останавливаюсь, поворачиваюсь к камере видеонаблюдения и некоторое время долго и упорно смотрю в её красный глазок.

– Это твоя семья была в том внедорожнике или моя? – задаю вопрос, в надежде, что откуда-нибудь придёт ответ.

– Это была моя семья, слышишь – моя! – Брызги слюней вместе со словами срываются с сухих губ и летят в сторону красного циклопа.

– Я ничего не понимаю. Если это моя семья была в том внедорожнике, – при этих словах в голове вновь проносится сцена аварии, сводящая меня с ума, – то какого чёрта тебе от меня надо? – Голос становится надрывистым и глухим.

– Тогда кто, что тебе надо? – И вдруг я вспоминаю факт,

упущенный мной при разборе видения.

Женщина за рулём. Первоначально я думал, что это та же женщина, то есть моя жена, которая снилась мне раньше. Женщина с фотографии. Но когда я выехал на встречную полосу и поравнялся с внедорожником, то в боковом стекле увидел абсолютно другое лицо. Здесь что-то не то. Определённо это, возможно, ключевой момент. Я не ошибаюсь, я уверен, что это были разные лица. За рулём машины была не та женщина, что на снимке. В аварии погибла не она. Тело вздрагивает, словно меня ударил мощнейший заряд тока. Слово «погибла» оказалось тяжелее любого удара кулаком. Почему в голове пронеслось именно оно?

– Нет, нет, нет. Я этого не могу знать. – Превращаюсь в настоящую юлу, вращающуюся на одном месте. Руки обхватывают голову и желают её раздавить. Ногти впиваются в виски. Хочу вытащить из себя, прежде всего из головы, эти мысли – мысли о том, что в той аварии выжил только я один. Не хочу так думать, но мозг упорно посылает эту информацию.

– Нет, никто не погиб, слышишь. Никто! – я похож на человеческий эмбрион: так же скрючен, только не во чреве матери, а на холодном бетонном полу.

Такие мысли меня убивают. Разрывают душу на мелкие кусочки. Они погибли. Погибли по моей вине. Все – женщина, две девочки и собака.

Ещё некоторое время пытаюсь оторвать себе голову, чувствую, что расцарапал кожу на голове до крови. Только так

я мог заставить себя не думать в этом ключе. Я не убийца.

И тут же в глазах появляется телевизор, тот самый, на котором красуется пыльная надпись «УБИЙЦА». Если, когда её обнаружил, я не понимал, к чему она и какое отношение имеет ко мне, то сейчас она не кажется уже такой необоснованной.

Я их убил.

Всех одним махом. Если я не поехал за ними, то все были бы живы, а я не оказался бы запертым чёрт знает где. Вот теперь ситуация немного и прояснилась. Правда постепенно всплывают наружу, но хочу ли я её знать? Это только верхушка грёбаного айсберга. Боюсь узнать, что там за основание.

Не знаю, сколько моё брненное тело просидело на холодном полу около стены, в ожидании чего-либо, но это пошло на пользу. Буря мыслей, атаковавшая голову, после того как я вернулся со снежной дороги, сошла на нет. Находясь здесь, я уже ничем не могу помочь тем троим и собаке. Единственное, что я могу, так это узнать правду. А чтобы её узнать, я должен выбраться отсюда. Моё внимание снова захватила дверь. Мне по-прежнему не давала покоя та ниша в центре двери. Для чего она? Это замочная скважина? Тогда где ключ?

Он где-то здесь, и его надо найти.

Это игра, и смысл её в том, чтобы усложнить мне жизнь, причинить как можно больше боли и страдания. И я уве-

рен, что эта игра ещё не закончилась, а закончится она тогда, когда я приду к правде – вспомню всё. Нередко посещает мысль – а хочу ли я узнать эту правду. Чем дольше здесь пребываю, тем отчётливей понимаю, что правда не такая уж светлая и радостная. Может, лучше оставить всё как есть? Нет. Так ещё тяжелей. Я должен всё узнать и выяснить, кто те люди и что с ними произошло, а самое главное, выяснить, живы ли они.

Ключ, ключ, ключ. Вот моя первоочередная задача, она же миссия. Чувствую себя персонажем компьютерной игры, получившим задание выбраться из запертой комнаты. Кажется, такая игра называется квест.

Здесь есть ключ, просто его надо найти. Уверен, что дырочка в дверном полотне и есть замочная скважина, полюбому же она неспроста там. Да и другой щели нет, которая могла бы служить замком.

Решаю обследовать каждый уголок комнаты. Проверяю все предметы, находящиеся здесь: стол, раковину, телевизор, холодильник. Стол ощупал вдоль и поперёк, но ничего отдалённого похожего на ключ не нашёл. Раковина тоже не дала результата, хотя подумал, что дважды один и тот же предмет не может служить тайником. Это игра – квест. А насколько мне известно, в квесте какой-либо предмет не может больше одного раза быть использован в качестве подсказки или ключа. Именно по этой причине ведро, где всё так же бултыхалось дерьмецо, сразу же было исключено из списка по-

тенциальных тайников.

Холодильник и телевизор тоже ничего не дали. Да в принципе они сыграли свою роль в этой пьесе. Тогда где он, ключ. Здесь не так много предметов, которые ещё не использовались мной в качестве игрового инструмента.

Язык. Банка с языком. Вот что ещё не было вовлечено никоим образом. Внутри всё забурило, придав тем самым надежду на долгожданное спасение. Его же не для эстетической красоты поместили в стеклянную колбу с раствором. Тогда для чего? Думай, чёрт тебя побери, думай.

Неспешно подошёл к месту, где тот самый язык лежал на полу, в окружении сотни стеклянных осколков. Я долго смотрел на него, опустившись на одно колено, и пытался прикинуть, что с ним можно сделать. И чем дольше размышлял над этим, тем больше понимал, что он явно не может быть ключом. Размер отрезанного человеческого органа намного превышал диаметр имеющегося отверстия в двери. Да и главное – как он откроет дверь. Нет, чёртов язык несёт какую-то другую информацию, ту, которая мне пока непонятна.

Всё так же стоя на одном колене, обхватил голову рукой. Что делать, я не знал. Не знаю, как открыть этот металлический кусок говна. Большим и средним пальцами руки надавил на виски, затем стал делать вращательные движения, в надежде на то, что это поможет в поиске нужного элемента. Но вся эта хрень никак не помогала. Чувствовал себя в

ЭТОТ МОМЕНТ СПЯЩИМ ВУЛКАНОМ, КОТОРЫЙ ВОТ-ВОТ ДОЛЖЕН ПРОБУДИТЬСЯ ПОСЛЕ МНОГОВЕКОВОЙ СПЯЧКИ И ВЗОРВАТЬСЯ, НАКРЫВ СВОЕЙ ОГНЕННОЙ ЛАВОЙ ВСЁ ВОКРУГ. ВОТ ЧТО Я ИСПЫТЫВАЛ. ТРУДНО УДЕРЖИВАТЬ РАЗУМ В ПОКОЕ, КОГДА НЕУДАЧА ВЫБИВАЕТ ПОЧВУ ИЗ-ПОД НОГ, А ПОТОМ ЕЩЁ ДАВИТ И ДАВИТ, ПЫТАЯСЬ РАСПЛЮЩИТЬ ТЕБЯ КАК ЖАЛКОГО СЛИЗНЯКА.

МНЕ ХОТЕЛОСЬ ЧТО-НИБУДЬ СЛОМАТЬ, РАЗБИТЬ, А ЛУЧШЕ УДАРИТЬ БОЛЬНОГО УБЛЮДКА, ЗАТЕЯВШЕГО СО МНОЙ ВСЮ ЭТУ КОНЧЕННУЮ ХЕРНЮ, ИЗ КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ ВЫБРАТЬСЯ. Я ВСТАЛ И НАЧАЛ КРУШИТЬ ВСЁ, ЧТО МОЖНО БЫЛО.

СПЕРВА ДОСТАЛОСЬ СТАРЕНЬКОМУ ТЕЛЕВИЗОРУ, НА КОТОРОМ ПОПРЕЖНЕМУ ВИДНЕЛАСЬ НАДПИСЬ «УБИЙЦА».

– Я не убийца, слышишь? Не У-БИЙ-ЦА. – С последним произнесённым словом я свалил его на пол и наслаждался звуком разбивающегося экрана. Затем досталось раковине. Она была такая хлипкая и нетяжёлая, что с ударом ноги легко поменяла своё положение, оказавшись практически на полу. На десерт я оставил холодильник, который был завален на боковую сторону с таким удовольствием, что это трудно описать. Затем я закричал как разъярённое раненое животное, разрывая на себе последние остатки рубашки. И вот, стоя полуголый, в одних белых штанах, со временем ставших цвета грязи, я напоследок пнул полупустую банку с кормом, которая всё так же стояла на полу. Она отлетела в сторону словно футбольный мяч, ударилась о ближайшую стену, разбросав последние остатки дарованной мне еды, и

мирно улеглась на полу.

Моё безумство проходило небыстро, но за эти несколько минут, а может даже и секунд, я почувствовал некое облегчение. Вся злость, обида и ярость вырвались наружу, тем самым позволив телу и разуму очиститься.

Стоит сказать, что если голова и была отчищена, то вот тело нет. Наверное, удар ногой по раковине не дался просто так. Тёплая струйка стекала по левой стороне живота. Видимо, один из швов не выдержал моего буйного поведения. Но сейчас меня это мало интересовало. А вот что действительно меня заинтересовало, так это банка с кормом. Когда пущенный мной, как футбольный мяч, снаряд ударился о стенку, то при его приземлении я услышал характерный металлический удар. Можно было подумать, что это был звук, изданный банкой, но слух подсказывал, что такой звук она издать не могла. Да и произошёл он до того, как банка упала на пол. Я сделал молниеносный вывод, что на дне банки, как и в случае с ведром, что-то спрятано. Значит, теория о том, что желанный ключ от двери находится именно здесь – внутри помещения, оказалась верна. Хотя рано делать такое заключение, мало ли что там выпало из банки, может быть это вообще и не ключ, а что-нибудь ещё.

Если секунду назад во мне царил настоящий ураган, то сейчас наступил полнейший штиль, лишь громко стучащее сердце свидетельствовало об обратном. В голове тут же пронеслось множество вариантов, что за предмет это мог быть.

По звуку можно точно сказать, что он металлический, а самое главное, размер небольшой. Опять подумал о ключе, о таком, что висит у каждого на связке. Но пущенный взгляд на дверь, где красовалась та самая нестандартная замочная скважина, заставил не радоваться раньше времени – уж слишком мал предмет, чтобы быть заветным ключом.

Крадушимися шагами, как будто лежащий предмет мог сбежать от меня, стоит мне только повернуться в его сторону, я направился к нему. Нас разделяло каких-то пару шагов, но даже отсюда было трудно разглядеть, что это. Когда дистанция сократилась до одного шага, мне всё же удалось идентифицировать предмет.

Кольцо.

По крайней мере, форма именно кольца.

Но не просто кольцо, а кольцо, завёрнутое в бумагу. Каждый раз, когда, находясь здесь, мне удаётся найти что-нибудь новое, моё сердцебиение и пульс уходят в дикий пляс, остановить который удаётся не сразу.

Я снова опустился на одно колено, при этом опять проигнорировал болевое ощущение в левом боку – сейчас было не до этого. Остатки собачьего корма не давали полностью разглядеть находку. Аккуратно сняв кусочки еды для животных, я стал разглядывать неизвестный мне предмет.

Внимание привлекло не само кольцо, а его обёртка. На бумажке, служившей конвертом, были какие-то надписи. Вытерев пальцы каждой руки о свои грязные штаны, я стал по-

тихоньку разворачивать импровизированную посылку. Боясь порвать бумажку или как-то навредить ей, незаметно для себя задержал дыхание. Лёгкими движениями развернул, затем полностью расправил и повернул нужной стороной, чтобы прочитать написанное. Бумажка размером не больше фантика от конфеты. Да, там было послание, скорее всего, адресованное мне.

В это мгновение со стороны могло показаться, что я археолог, пробирающийся к гробнице в богом забытом месте не одну неделю и наконец-то нашедший то, за чем сюда пришёл. Сперва я не понял, что там написано, так как текст был нацарапан от руки, а почерк у отправителя оказался далеко не самым красивым. Но вот рисунок я разобрал быстро.

Чёрными чернилами была изображена правая человеческая кисть. На первый взгляд ничего необычного, если не считать того факта, что на нарисованной руке отсутствовал один палец – безымянный. В тот момент мой мозг не расставил всё по своим местам, лишь спустя некоторое время я понял, что всё это значит. А понял тогда, когда смог разобрать текстовое послание.

«НУ ЧТО, ТЫ ГОТОВ ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ ИЛИ ЛУЧШЕ СДОХНЕШЬ?»

Я множество раз переводил взгляд с надписи на рисунок, пытаюсь понять, какого хера здесь происходит, и что это, мать вашу, значит.

Спустя некоторое время я пристально уставился на метал-

лическую дверь, вернее сказать, на маленькое отверстие в центре неё. В этот момент мне снова захотелось разрыдаться, потому что прекрасно понимал, чего больной ублюдок хочет от меня.

В горле появился комок из колючих иголок, не дававший ни вздохнуть и ни выдохнуть. Внутри тела поселился самый что ни есть страх. Страх такой силы, что в одно мгновение он мог перерасти в неконтролируемую панику, но она мне сейчас была ни к чему. Хватит паниковать, я уже устал от этого. Страхом делу не поможешь, как и слезами, что готовы были вот-вот потечь бурным потоком. Мне хватило сил и самоконтроля не допустить этого. Нет никакого желания лишний раз показывать загадочному телезрителю свою слабость.

Я пытался делать всё возможное, чтобы оставаться спокойным, да и был ли у меня иной вариант. Конечно, можно было завалиться на пол, истерично бить кулаками о холодный бетон и кричать во всю глотку о вселенской несправедливости, о том, что я ни в чём не виноват, что это какая-то ошибка, огромное недоразумение и тому подобное. Только металлическая дверь от всех этих манипуляций не распахнётся на раз, два, три.

Я по-прежнему стоял на том же месте и держал послание, написанное моим мучителем, осознавая, что другого выхода выбраться отсюда просто нет. Снова поднёс написанный текст к глазам и прочитал одно единственное предложение: «НУ ЧТО, ТЫ ГОТОВ ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ ИЛИ ЛУЧШЕ

СДОХНЕШЬ?»

Конечно, я больше всего на свете хотел открыть этот грёбаный кусок металлического говна, но не таким способом. Рисунок, изображённый на клочке бумажки, навечно впечатался в мозг. Кисть руки, на которой вместо пяти пальцев присутствуют четыре – безымянного нет, на его месте пусто-та.

Вот, значит, как открывается дверь – всё очень легко и просто. Нужен мой отпечаток пальца. Можно было прямо сейчас броситься к двери и попробовать дотянуться до заветного сканера, скрытого внутри ниши. Но уверен на сто процентов, да даже на тысячу, что глубина отверстия слишком велика. Я, конечно, проверю это, разумеется, это будет логично, но сейчас печальный взгляд моих глаз был направлен на правую руку. Только сейчас, разглядывая её так детально и жадно, я заметил, что у основания безымянного пальца виднеется след от кольца. Белая полоска кожи говорит о том, что когда-то там было кольцо, видимо, то самое, которое хранилось на дне банки собачьего корма.

Если раньше у меня ещё возникали сомнения насчёт того, была ли у меня семья, то теперь они полностью развеяны. Только что с нею стало – вот что не выходило из моей головы. Снова вспомнилась авария из последнего сна. Скорее всего, это не сон, а воспоминания о недавнем прошлом, полностью мной забытом. Сознание раз за разом выдаёт крошечные порции воспоминаний, с целью воссоздания произо-

шедшей трагедии.

Трагедия.

Какое нехорошее слово.

Отвратное.

Режет слух, заставляя содрогаться всеми мышцами тела.

А именно она и произошла – роковая трагедия на снежной дороге, главным виновником которой стал я.

Что произошло дальше, после того как чёрный внедорожник перевернулся? Все погибли или кто-то остался в живых? На эти вопросы у меня нет ответа. Но даже если все, кто находился в автомобиле, погибли, то кто-то всё-таки решил вершить извращённое правосудие. Кто-то посчитал, что обычного наказания, вынесенного по закону, мало для меня.

Но кто?

Неужели весь этот нечеловеческий ужас учиняет мне та женщина с фотографии? Ведь во внедорожнике за рулём сидела точно не она – там было другое лицо, абсолютно другое.

У меня множество вопросов, а ответа, как обычно, нет ни одного. Возможно, ещё не пришло время для всей правды. Там – я окинул быстрым взглядом красный огонёк под потолком – считают, что я к ней ещё не готов, не прошёл все наказания. Не знаю, сколько их ещё осталось, но грядущее мне казалось просто невыполнимым. Отрезать себе палец – это выше моих сил. Залезть с головой в кучу дерьма это одно. Даже разрезать имеющиеся швы на теле и скрепить их обратно степлером тоже куда ещё не шло, хотя и это было чер-

товски больно. Но лишить себя пальца – это невыполнимая миссия. Лучше я здесь умру от голода и жажды, но отрезать себе заживо палец не буду. Ни за что. Да я просто не смогу.

Время неумолимо шло, минуя меня как большую преграду, уходя в неизвестность. Единственное, что нельзя вернуть в нашей жизни, так это время. Не получится отмотать назад и исправить ранее сделанное. Если такое было бы возможно, то я непременно воспользовался таким шансом. Вернуться назад и сделать так, чтобы не оказаться здесь, не сидеть в тёмном углу, словно напуганное дикое животное, впервые попавшее в зоопарк. Не думать о том, как выбраться отсюда, перестать ежесекундно прокручивать сцену автомобильной аварии, виновником которой оказался я. Не думать о двух прекрасных детских личиках, машущих тебе крохотными ручками и говорящих слово «папа». Не сидеть и не пялиться на большой нож, понимая при этом, что с помощью него можно выбраться отсюда, но для этого надо сотворить нечто нереальное, то, что сильнее меня. Жизнь – это время, идущее строго вперёд, без возможности вернуться назад. И вот, находясь здесь, в этом тёмном и холодном склепе, без единого воспоминания в голове, понимаешь, что жизнь стёрта полностью. Время непросто прошло мимо меня, а исчезло раз и навсегда. Вот оно было, а вот его нет. Была жизнь, и пропала. Было счастье, а вот его и нет. Тогда в чём смысл моего существования? Узнать правду? А стоит ли? Если раньше я хотел этого, то сейчас по прошествии некоторого вре-

мении уже сомневаюсь. Подобные мысли, роящиеся в голове, разрывают меня в мелкие клочья. Вот смотрю на этот нож и думаю: «Раз, и всё». Весь этот ужас закончится, а ты просто уснёшь в луже тёплой и вязкой жидкости. Конечно, такие мысли я гоню прочь, но не из-за того, что боюсь умереть. Причина в другом – страх. Страшно умереть, не зная, за что. Я могу строить различные версии, придумывать или додумывать разнообразные сценарии, но так и не узнаю, за что, а главное, КТО решил меня замучить до смерти. Я сделаю всё, чтобы узнать ответ, пусть даже этот ответ будет невероятно страшен, но я хочу посмотреть в глаза тому человеку, который в данную минуту сидит там и наблюдает за мной.

– Сиди не сиди, а дверка сама не отворится, – неожиданно для себя произнёс эти слова вслух.

Ватные ноги по-прежнему не очень хорошо слушались меня, но всё-таки выполнили приказ и подошли к стальной двери. Недолго думая, вставил указательный палец в отверстие, но выяснилось, что он туда не проходит. Лишь мизинец и безымянный проходили, но ни тот ни другой ничего не нащупали. Предполагаю, что сканер находится глубже. Он всё продумал, всё до мельчайших деталей. Открыть дверь можно только отпечатком безымянного пальца, если рисунок на бумажке не врёт.

Большой кухонный нож до сих пор лежал на том месте, где я им последний раз пользовался, – у раковины. Снова, уже в третий раз приходится обращаться к нему за помощью.

Отойдя от двери, я направился к нему неуверенными шажками. Преодолевая это расстояние, мысленно пытался представить, как это сделать. Но не мог. К этой операции нельзя подготовиться, надо делать без лишних размышлений.

Выкинув всё ненужное из головы, дрожащими руками взял холодную сталь и опустился на колени. Это движение отозвалось резкой болью в левом боку, но подумал, что мгновение спустя эта самая боль покажется мне лёгким недомоганием.

Решиться на такой поступок куда сложнее, чем может показаться. Да и если вы нормальный человек – здравомыслящий, то только одна мысль о том, что вам необходимо будет отрезать себе палец, должна ввести в настоящий шок, вызвав при этом настоящий страх и ужас. Но на самом деле сложность состоит не в том, чтобы осмыслить это всё, сложно совершить то самое одно движение. И вот, стоя на коленях, держа в левой руке отточенный нож, правой ощупываешь холодную поверхность, в поисках ровного места, и понимаешь, что сделать этого не можешь, – это выше твоего понимания, сильнее твоей воли.

Но разве сейчас у меня есть выход? Есть ли разница, умереть с десятью пальцами или девятью? Я думаю, нет. Но вот попробовать остаться в живых с девятью пальцами точно стоит. Пусть это ужасно страшно, но выбора мне не оставили, за меня уже всё решили.

Перед тем как отсечь палец, я позаботился о жгутах для остановки крови. Предполагаю, её будет очень много. Не наличие крови меня пугает больше всего, а реакция тела. Кто знает, как оно отреагирует на такую операцию без наркоза или какого-нибудь обезболивающего. Самое страшное в такой ситуации – это поддаться шоку и потерять контроль над собой, что, скорее всего, приведёт к быстрой смерти. Поэтому самое главное, не терять сознание, не поддаваться панике. Хотя кого я обманываю. От одной только мысли меня уже тошнит и бросает в дикую дрожь.

Ну, хватит. Весь этот рой мыслей, бурлящих в данную минуту в голове, не может стать моим союзником. Надо думать о том, как выбраться отсюда, о том, что за металлической дверью лежит путь к свободе, а главное – скрывается правда. Поэтому я готов. Я должен узнать, кто стоит за всем этим ужасом.

Правая рука плотно лежит на холодном полу, в такую минуту бетонная поверхность кажется ещё холодней. Дышать полной грудью не удаётся, страх накатил с такой силой, что и вздохнуть практически нет возможности. Левая рука крепко сжимает острую сталь. Мгновение спустя сталь соприкоснулась с поверхностью кожи. Оказывается, отрезать безымянный палец не так-то просто. Помимо того, что это ужасно страшно, так это ещё и неудобно.

Но вот нашёл наиболее подходящее для этого положение. Я готов. Но каждый раз, когда я отдаю приказ «давай»,

внутри меня срабатывает блок, он же, наверное, инстинкт самосохранения. Это может показаться бредом, но именно сейчас для самосохранения мне стоит переступить через преграду.

Единственное, что я запомнил в следующее мгновение, так это мой дикий вопль. Я закричал как сумасшедший и в этот момент надавил холодную сталь с такой силой, что палец, на котором виднелась белая полоска от загара, отскочил от руки, как игрушечный.

Невероятный букет из боли и ненависти накрыл меня с ног до головы. В эти секунды, а может и минуты, я потерялся не только во времени и пространстве, но и во всём остальном, где только можно было потерять самоконтроль.

Огненное пламя накрыло правую кисть. На том месте, где ещё секунду назад был палец, уже вовсю бурлил алый вулкан. Кровь хлынула резкой струёй, а затем била фонтаном, образовав красную лужу на полу вокруг меня.

Главное, не потерять сознание, именно такое заклинание я твердил про себя, хотя сопротивляться этому было невозможно.

Я впервые в жизни увидел, как кровь не просто течёт, а выстреливает кровавыми стрелами. Вся кисть горела. Больше всего на свете сейчас хотелось остудить всю ту боль, что прилипла к руке. Но вряд ли нашёлся бы источник, способный погасить этот пожар.

Не поддаваясь панике, я сделал глубокий вдох-выдох, за-

держал дыхание и намотал на открытую кровавую рану заранее подготовленный жгут. В качестве жгута выступали мои штаны.

Совершенно голый, находясь в предобморочном состоянии, я крутил лоскут ткани до тех пор, пока красный цвет не перестал пробиваться наружу.

Всё тело дрожало, меня бил озноб. Дыхание сбивчивое. Я туго соображал, но при всём при этом справился с поставленной задачей. Раненую кисть зажал под мышкой и встал с колен. Голова кружилась, словно я слез с карусели. В данную минуту мне больше всего хотелось сесть и опереться на стену.

Полностью обнажённый, запачканный собственной кровью, доковылял до ближайшей стены. И вот, сидя на полу я не ощущал ни его холода, ни его жёсткости. Наверное, благодаря ледяному бетону сознание пришло немного в норму, а рука, полыхающая словно в огне, стала понемногу остывать, хотя мне казалось, что этот пожар уже никогда не удастся погасить.

Сидя на корточках, я устремил взгляд на дверь. Но сейчас я не был готов встать, взять свой новоприобретённый ключ и пойти открывать её. Мне было страшно и жарко. Впервые за то время, что я нахожусь в этой комнате, я сгорал от жары. Хотелось содрать кожу и кубарем кататься по бетонному покрытию. Конечно, это был шок, вызванный адской болью, но в те самые минуты мозг отказывался воспринимать

реальность.

Не знаю, как и когда, но глаза налились горячим свинцом и медленно закрылись. Я пытался этому сопротивляться, но это была такая сила, что, как ни старайся, но ты всё равно проиграешь. Да, честно говоря, я был и не против. Не против покинуть реальный мир, где всё казалось красным и огненным, и перенестись куда-нибудь в другое место, туда, где холодно.

Снег.

На лицо падали крупные хлопья снега. Они сыпались одни за другими, мгновенно тая на лице. Перед глазами стояло серое небо. Только сейчас до меня дошло, что я лежу не на бетонном полу, а на земле, но такой же холодной.

Повсюду царила полнейшая тишина, хотя я понимал, что вокруг меня какая-то суета, но что именно происходит, осмыслить не мог.

Какие-то невидимые силы подняли меня с земли, и вот я уже сижу. Вращаю головой и вижу нечто невообразимое. Чёрный внедорожник лежит на крыше в кювете. Его внешний вид говорит о том, что автомобиль совершил не один и не два полных переворота, прежде чем оказаться вверх тормашками.

«Что же я наделал», – фраза, сверлящая моё сознание, проникла в самые недра и не собиралась отпускать меня. Я сидел на снегу и меня терзал лишь один вопрос: «ЖИВЫ?»

Живы ли те, кто находился внутри внедорожника. Водитель-женщина, две маленькие девочки и собака. Я этого не знал, но и выяснить не мог. Хотя я и был в сознании, но, видимо, и моя машина пострадала, а вместе с ней и я сам. Не мог толком ничем пошевелить, лишь глаза блуждали в разные стороны, пока пытался выяснить, что же тут, чёрт возь-

ми, произошло. А произошла обычная автомобильная авария в ненастную погоду. Классический сценарий. Вот только в главной роли злодея оказалась моя персона.

Ко мне подходят люди, что-то спрашивают, но я их совсем не понимаю. Они издают непонятные звуки, разобрать которые нет возможности, да и желания. А желаю я лишь одного – увидеть пассажиров чёрного внедорожника целыми и невредимыми.

Вдруг ощущаю резкий и сильный удар по спине, затем ещё один. Следом удары сыплются на голову, шею и лицо.

Что происходит? Кто их наносит?

Поворачиваю голову в сторону, откуда они исходят. Какой-то человек, а правильнее будет сказать, какая-то женщина стоит около меня и всю одаряет отменной порцией хлёстких пощёчин и тычков.

Эти удары мне знакомы, их уже трудно спутать с другими. Те же руки, те же негативные эмоции и то же размытое лицо я уже встречал раньше – в первых в своих видениях. Эта та сумасшедшая женщина, что была в спальне, когда застучала меня с сисястой красоткой. Что она здесь делает? Как оказалась? Где она была до этого? Эти и другие вопросы рождаются в голове один за другим. Сплошные вопросы и снова ни одного ответа. Да и как его получить, если я ничего не могу разобрать из того, что она говорит – кричит.

Если бы не люди, а судя по всему, это были врачи, оперативно прибывшие на место автокатастрофы, то она забила

бы меня до смерти. Её кое-как оторвали от меня и удалили на должное расстояние, откуда я уже не видел и не слышал её вопли.

Вот я уже лежу на носилках и меня куда-то несут. Затаскивают в карету «скорой помощи», на которой ярко мигают проблесковые маячки. Начинают медленно закрывать дверь, но в этот миг моя голова поворачивается в сторону, и я вижу, как люди копошатся возле перевернутого чёрного внедорожника. За тот миг, пока закрывалась дверь машины «скорой помощи», я пережил, наверное, самое тяжёлое эмоциональное потрясение. Детское тело погрузили в чёрный мешок и застегнули наглухо. После этого дверь громко захлопнулась и наступила темнота.

Долгое время я не видел ничего, лишь сплошная чернота маячила перед глазами. Но вот начали проявляться некие картинки: лица, фрагменты разбитой машины. Всё было одним большим мимолётным мерцанием, которое раз за разом повторялось. Среди происходившего безумия я всегда чётко выглядывал силуэт двух маленьких девочек, сидящих на заднем сиденье автомобиля и машущих мне ручками.

«Папа».

Снова читается немое слово, произносимое этими двумя ангелочками. Я хочу дотронуться до них, но не могу, не получается. Не чувствую ни ног, ни рук, сплошь одна темнота и яркие вспышки, видимо, моей прошлой жизни. Жизни, которой больше нет. Чёрный мешок на молнии застёгивается, а в нём я отчётливо вижу тельце ангелочка.

Что же я наделал?

Чернота сменилась тусклым светом. Сквозь тяжёлые веки пробивался реальность. Всё та же комната с дверью и другим деталями интерьера. Здесь нет времени, поэтому даже не пытаюсь понять, сколько длился мой сон. Боль не утихла, скорее всего, именно она прервала моё странствование по ту сторону реальности. Правая кисть всё так же горит, хотя уровень полыхания немного утих. Выпускаю её из-под мышки и подношу к лицу. Картина не для слабонервных – лос-

куты штанов, имитирующие жгуты, полностью окрасились в красный цвет. Насколько могу судить, кровь всё же удалось остановить, хотя на сто процентов не уверен, да и проверять это нет никакого желания.

Обстановка вокруг меня по-прежнему ни капельки не изменилась. Все вещи лежат на своих местах. Значит, сюда никто не входил. Каждый раз спрашиваю себя, зачем я задаюсь таким вопросом. Кого я здесь ожидаю увидеть? Ответа, как обычно, нет. Просто мне хочется знать, что я здесь не один. Тем более сейчас, когда мне больно и страшно. Физическая боль не так пугает меня, как душевная. Всё не могу забыть лица девочек с фотографии. Кстати, где фотография? Кручу головой по сторонам. Вот она лежит на полу возле раковины.

С тяжёлым вздохом и всхлипом поднимаюсь на ноги, бреду к раковине. Нагибаюсь, что также даётся мне не без страдальческих усилий. И вот фотография, уже слегка потрёпанная, оказывается в здоровой руке. Детские личики за время пребывания здесь стали мне уже родными. Даже эта женщина, взгляд которой всё так же просит о помощи, стала частичкой моего бытия. Я их не помню и не знаю, но ощущаю, что эти три человека мне не чужие. Несмотря на все видения и сны, я это прекрасно знал.

Гляжу в детские глаза, и в голове, словно вспышка, отображается злобная картина дня – снег, перевернутая машина, чёрный мешок и маленькое тельце в нём. Я трясую головой, пытаюсь выгнать прочь всю жуть, творящуюся в моём

разуме. Не хочу, чтобы сейчас такие запечатлённые мозгом кадры съедали меня изнутри. Это слишком больно. Вот она, настоящая боль, а не отрезанный палец. Без пальца можно жить долго и счастливо, а вот с чувством вины и без своих любимых и близких людей – нет.

После проведённой операции чувствую, что голова сообщает плохо, не могу полностью на чём-то сконцентрироваться. Не исключаю, что это последствия потери определённого количества крови, а в придачу к этому голод, жажда, дикая усталость и полное моральное опустошение. Наборчик что надо, как раз чтобы мгновенно умереть, так и не узнав всей правды.

Хотел бы посмотреть на себя со стороны. Интересно, что ОН там видит через объектив миниатюрной камеры. Даже боюсь представить. Голый, окровавленный, истощённый человек стоит посреди мрака и пытается понять, что ему делать дальше. Даже хорошо, что я не могу это лицезреть, меня, наверное, вырвало бы от такой картины.

А дальше действительно надо что-то делать. Игра на выживание продолжается. Наверняка всё идёт по идеально спланированному сценарию. Спектакль, где актёр, сам того не зная, выполняет все написанные режиссёром сцены. Лишь одного я не могу понять – какую цель преследует режиссёр? Чего он хочет? Хочет моей долгой и мучительной смерти или всё-таки желает, чтобы я пришёл к поставленной цели. По ходу дела пока всё идёт ко второму варианту. Не

хочу сейчас на этом заикливаться, потому что всё равно не разгадаю его планов и намерений насчёт меня.

Где мой палец? Неожиданно в мозг пробивается мысль, приводя мои чувства в порядок. Мне нужен мой отрезанный палец. Теперь это уже не часть моего тела, а часть кровавой игры. Одним движением палец превратился в ключ. По крайней мере, я так думаю, а правильной будет сказать, – очень сильно на это надеюсь. Я не переживу, если история с отсечением плоти всего-навсего шуточка-прибауточка. Такие мысли гоню прочь. Он так не поступит, потому что здесь всё имеет свой определённый смысл.

– Палец, палец, палец, – еле слышно произношу заветное слово как заклинание. – Где ты, чёрт тебя побери?

Первое время не могу найти, просто не вижу его. Меня накрывает лёгкая паническая атака, которая с каждой последующей секундой превращается в настоящий штурм. Оглядываюсь везде, иду вдоль каждой стены, но его нигде нет. Что за чертовщина здесь происходит? – мысленно кричу я, чувствуя, как лоб покрывается испариной, а на голой спине появляются мурашки и волосы становятся дыбом.

Этого просто не может быть, он должен быть где-то здесь. Он никуда не мог пропасть, чисто физически этого не могло произойти. Сюда явно никто не входил, я в этом уверен. Или всё-таки входил и забрал его?

– Нет, нет, нет. Успокойся, парень, дыши, – умоляю себя успокоиться, так как чувствую, что открытая рана на руке

начинает активизироваться, а вот это мне сейчас вообще не нужно.

– Он где-то здесь, – по-прежнему выступаю в роли психолога для самого себя. – Он где-то здесь, просто ты его не видишь, ведь здесь довольно-таки темно.

Как заводная детская игрушка хаотично блуждаю по мраку в поисках частички себя. Наконец-то что-то замечаю возле ножа. Нож лежит неровно на полу, под ним есть предмет. Подхожу к нему и аккуратно отодвигаю его в сторону.

– Слава богу, – спасительный выдох выталкивает эту пару слов. – Вот ты где.

Палец на месте, просто он спрятался под лезвием тесака, который уже больше чем наполовину окрасился в алый цвет.

Я в очередной раз делаю болезненный наклон и подбираю здоровой рукой предмет, ранее принадлежавший мне. Ну а теперь это возможный ключ к моему спасению.

Не могу поверить, что ещё некоторое время назад это было частью меня, а теперь холодит кожу. Тепло уже вышло, оставив лишь безжизненную ледяную массу.словно это не мой палец. Так непривычно смотреть на него с другого ракурса. Когда-то на него надели обручальное кольцо со словами «Люблю тебя», ну или что-то наподобие этого. А теперь некто заставил меня отрезать его, а вместе с ним и те клятвенные слова. словно хотели отрезать больше, чем просто часть тела, хотели отрезать кусочек души, символ вечной любви. Возможно, поставленная цель достигнута и моя

жизнь уже никогда не станет прежней. Но сейчас не самое подходящее время для сантиментов и романтической лирики. Время действовать, идти напролом и не бояться, неважно, что там ожидает за прямоугольным куском железа. Я готов на всё, буквально на всё.

Холод настолько проник внутрь меня, что порой я его уже не ощущаю. А эта самая пора тянется уже не один час. Голый и весь перепачканный собственной кровью и дерьмом, с зашитым строительным инструментом брюхом и перемотанной штанами рукой, тяжёлыми шагами шаркаю к двери.

Какие у меня мысли в голове? Трудно сказать, потому что сейчас они похожи на школьников, для которых только что прозвучал последний звонок, означающий начало летних каникул, а там походи поймай хоть одного. В голове полнейший хаос и неразбериха, но что делать, я знаю.

Доковыляв до могучей двери, опускаюсь со стоном на колени. Секунду-другую перевожу дыхание и раскрываю сжатый кулак, где томится мой «золотой ключик». Даже боюсь представить, что будет со мной, если дверь возьми да и не откройся. Чувствую, как по лицу пробегает ироническая улыбка, но тут же исчезает. Аккуратным движением беру отрезанный палец так, чтобы подушечка смотрела вперёд. Подношу к отверстию в двери и медленно вставляю внутрь. Чувствую себя хирургом, делающим первый надрез, боясь допустить ошибку. Наблюдаю, как первая фаланга утопает в нише, затем следующая, и вот пальчик уже полностью погру-

жен в замочную скважину. Время останавливается, а вместе с ним и моё сердце. Оно не бьётся, замерло. Перестаю дышать, да и вообще боюсь пошевелиться и издать лишний звук. Всё моё внимание сосредоточено на большом куске металла. Секунды кажутся вечностью, словно нажали на паузу, и картинка на экране замерла.

Щелчок.

Тут же по телу пробежала дрожь, десятки тысяч иголок ударили одновременно, тем самым выведя меня из ступора. Неужели прозвучал щелчок или мне показалось? Да нет, чёрт возьми, точно был щелчок, свидетельствующий о том, что замочный механизм открыт.

Ноги и руки будто обвязаны неподъёмными гирями, потому что не могу пошевелиться. Боюсь сделать шаг или двинуть рукой, а вдруг мне стоит только пошевелиться, и снова произойдёт щелчок.

Принимаю вертикальное положение, боль не чувствуется, уровень адреналина в крови такой высокий, что смело можно отрезать ещё пару пальцев. Взгляд устремлён на ручку двери. Дрожащей рукой тянусь к ней, дотрагиваюсь до неё, холод обжигает ладонь, но в этом есть что-то приятное. Замираю на месте, предвкушаю знаменательное для себя событие. Всё никак не решаюсь потянуть дверь на себя и стою так несколько секунд. Глубоко вздыхаю и параллельно с выдохом тяну её на себя.

Сопrotивления нет. Дверное полотно следует за моей ру-

кой. Не верю своим глазам. Дверь открывается, и тут же чувствую, как в комнату проникает посторонний запах. Только сейчас понимаю, что уже давно не вдыхал ничего другого, кроме вони человеческого дерьма, пота, крови и собачьего корма. Этот поток воздуха показался мне волшебным, ни на что не похожим. Никогда не думал, что буду радоваться другому запаху, как маленький ребёнок, получивший на день рождения заветный подарок. Это не просто запах, это запах свободы. Голова идёт кругом. Ноги слабеют. Не решаюсь отпустить ручку двери, так как не хочется упасть на пол и при этом удариться о бетонный пол головой. Только не сейчас.

Когда дверь открывается полностью, в лицо меня ударяет мощнейшая волна воздуха. Нет, это не свежий воздух, но в данный момент он мне кажется лучшим на свете.

Невольно закрываю глаза и делаю такой глубокий вдох, что брюшная полость горит огнём, но я не обращаю на это внимания. Я наслаждаюсь свободой. На глаза наворачиваются слёзы. Хочется рыдать.

Первая эмоциональная волна проходит, а вместе с ней уходит и эйфория. Рано радоваться, впереди по-прежнему маячит неизвестность.

Дверь полностью распахнута, и я смотрю вперёд. За дверью темнота. Ничего нельзя разглядеть, но всё-таки кажется, там что-то есть. Какой-то коридор или что-то похожее на него. Жаль, нет фонаря, сейчас бы он пригодился.

Оглядываюсь назад, смотрю наверх, где всё так же упрямо

светит красный огонёк. Пристально смотрю на него и мысленно посылаю свою ярость и обещание убить того, кто за всем этим стоит. Кто бы это ни был, он умрёт, уж я об этом позабочусь. Прежде чем покинуть своё пристанище и отправиться покорять неизвестный мир, решаю забрать всё то, что мне может понадобиться. В первую очередь нож. Иду к нему и беру его в здоровую руку. Осматриваюсь дальше. Замечаю обручальное кольцо, но не знаю, хочу ли я его брать. Лучше взять. Самая главная вещь, которую я хочу взять собой – это полароидный снимок. Взяв в здоровую руку все предметы, иду к выходу, по пути надеваю кольцо на палец, так как карманов нет, как, в принципе, и одежды. Пересекаю дверной проём и оказываюсь в другой локации игры на выживание. Новый уровень начинается. Всё движется по намеченному сценарию, уверен в этом. ОН всё контролирует.

Глава 5

1

Совершенно голый иду в неизвестность. Темнота и мрак поглощают меня. Мелкими шажками продвигаюсь вперёд, боясь наткнуться на что-нибудь, или хуже того – споткнуться и упасть. Я и так уже похож на разбитое корыто, поэтому ещё один лишний удар может меня окончательно сломать. Одновременно испытываю страх и радость. Страх, само собой, присутствует, да и в принципе никогда и не оставлял меня. С первых секунд пробуждения он стал моей тенью, частью меня. Страх так глубоко проник в сознание, что кажется, будто выгнать его оттуда уже никогда не получится. В эту минуту он действует как раковая опухоль, стремительно уничтожающая всё живое внутри меня. Всем телом ощущаю мелкую дрожь, которая временами стучит огромными африканскими шаманскими барабанами. А вот радость приютилась аккуратно возле страха. Конечно, я рад – рад тому, что смог покинуть импровизированную камеру пыток. Если честно, то моей радости нет предела. Просто сейчас она так сильно напугана, что не готова взять бразды правления в свои руки. Но всё равно я ощущаю некую свободу, хотя прекрасно понимаю, что это условная свобода. До настоящего освобожде-

ния я ещё не добрался, а может и не доберусь никогда.

Здесь абсолютная темнота. Я уже прошёл несколько метров, но такое ощущение, что уже пару километров. Оглядываясь назад, вижу вдалеке утопающий во мраке тусклый свет, исходящий из дверного проёма.

– Ни за что туда не вернусь, – шёпотом говорю я, вытирая лоб.

Лучше умереть прямо здесь и сейчас, чем снова оказаться в пыточной, где то и дело на тебя смотрит красный циклоп. Ни шагу назад, только вперёд, и неважно, что меня там поджидает, наверняка мало чего хорошего. Здесь нет хорошего, только не для меня. Видимо, я этого не заслужил и некто пытается вдолбить мне это в голову. Если какое-то время назад я этого не понимал, то сейчас мне об этом просто кричат в ухо. Куда я иду?

Коридор весьма узкий, тоже бетонный, по крайней мере пол точно сделан из бетона. Здесь также холодно. От тёплой кофты, штанов и шерстяных носков я, конечно, не отказался бы. С каждым шагом тело слабеет, оно истощённо и обескровлено. Начал потихоньку болеть живот, видимо порошок прекращает своё действие. Стоит мне поставить левую ногу на землю, как в левый бок бьёт мощная огненная молния. И такая молния ударяет с каждым пройденным метром. Не знаю, сколько прошёл, но, наверное, метров пятьдесят. Не видя ничего, трудно сориентироваться. Не исключено, что я прошёл не больше десятка-другого, а может и хуже того –

брожу по кругу. Отсутствие хоть какого-либо источника света очень сильно деморализует и сбивает с толку, невозможно здраво мыслить и ориентироваться в пространстве.

Больше не могу идти, левый бок горит нестерпимым огнём, словно во мне воспламенилась целая бочка горючего топлива. А вот, наверно, и моя смерть. Радость так и не успела пожить, придётся её похоронить тут же.

Опустился на колени и положил нож на землю. Здоровой рукой, в которой по-прежнему находится снимок, трогаю левый бок. Он горячий, как будто там, под кожей, и в самом деле разгорается настоящий пожар. Что делать, я не знаю. То ли завалиться на холодный пол животом и ждать, пока я умру, то ли продолжать свой путь. Конечно, мне хочется выбрать второй вариант, но он такой тяжёлый. Боль в левом боку словно якорь, упорно препятствующий дальнейшему продвижению.

– Сука, как же больно! – прокашливаю я, пытаюсь при этом не впасть в панику.

Надо идти вперёд, встать и идти вперёд, умереть всегда успею. Не ради этого же я окунался в ведро с дерьмом, вскрывал себе брюхо и заживо отрезал палец. Не ради того, чтобы подохнуть как дворовый пёс, которого сбила машина, когда тот решил по-быстрому перебежать оживлённую автотрассу. Я всё это делал ради них, ради тех, кто изображён на снимке. Нащупал снимок и поднёс к глазам – ничего не видно, абсолютно ничего. Где же я? Какой-то бункер, что ли?

Да какая разница. Мне захотелось посмотреть на ангелочков, только они могут заставить меня подняться и двигаться вперёд. Но чёртова темнота не даёт мне это сделать.

Закрываю глаза, хотя здесь этого можно было и не делать. Но всё-таки закрываю. Тут же передо мной появляется всё та же зловещая картина – снег, перевернутая машина и чёрный мешок с детским телом внутри.

– Я иду к вам, милые мои, – шепчу я в никуда, всё так же стоя на коленях. – Иду к вам!

Возможно, я уже начинаю бредить и не способен отдавать отчёт всему, что говорю и вижу. Предсмертная агония бредёт где-то возле меня, пытаюсь обхватить и увести в свой плен. Но я нахожу в себе силы и встаю, убирая её горячие руки с плеч.

Потом, но не сейчас.

Хочу правду.

Умру чуть позже.

Позже.

Ужасно больно, но иного выхода у меня нет. Мои ангелочки заставляют меня преодолеть этот болевой барьер.

Встал.

В жизни не испытывал такой адской боли, но надо идти. Идти вперёд, несмотря ни на что. Пребывать в незнании ещё больнее. Физические муки ничто по сравнению с болью, поселившейся в груди, возле сердца, что раз за разом наливается кровью, когда перед глазами встаёт та ужасная карти-

на на снежной дороге. Хуже всего отойти в мир иной, так и не узнав, что же произошло на самом деле. Нет, я, конечно, начинаю понимать, что к чему и какая роль отведена мне в этом кошмаре, но всё-таки хочется знать наверняка. Может, всё, что я видел во снах, – это вымысел, неправда. Может, я это не я. Вот поэтому, чтобы разобраться во всём этом хаосе, мне просто необходимо не умереть здесь – на холодном полу, где темнота пленит, с ног до головы окутывая своими чарами.

То, что мне удалось встать, уже можно считать маленькой победой, да что там победой – настоящим чудом. А ещё чудом называются две девочки. Начинаю ощущать, что мысли в голове приобретают странный привкус, если так можно выразиться, но, несмотря на это, отчётливо понимаю, что я люблю малышей, улыбающихся на снимке. Снимок?! На мгновение подумал, что потерял его. Нет, вот он – крепко сжат в руке. Этот квадратный кусочек стёртой памяти последнее, что я выпущу из своих рук. Я умру с ним, прижимая его к левой части груди, где ещё бьётся сердце. Но если я не потороплюсь, то не исключено, что это самое сердце встанет раз и навсегда и ничто уже его не заведёт, а самое главное никто.

Прочь, прочь, прочь все тёмные и гнетущие мой разум мысли. Только вперёд. Я уже не понимаю, где перед, а где зад. Всё смешалось: низ, верх, лево, право. Куда идти? Накатывает паника. Сейчас я похож на юлу, которая вращается

на одном месте, не зная куда податься.

Стена, а вот и другая стена. Теперь осталось определить-ся, откуда я пришёл, с какой стороны. Жаль будет, если я вернусь назад – в место, где несколько раз почти не умер.

Звук. Где-то недалеко от меня что-то прозвучало, я что-то слышал. Нормального человека это должно было напугать до смерти, учитывая тот факт, что здесь абсолютная темнота. Но, в отличие от нормального человека, меня это радует, внушает мне надежду на спасение. Источник загадочного звука может означать многое. Возможно, я здесь уже не один. Но как это выяснить, когда ничего не видно, даже своей руки, вплотную поднесённой к глазам. А может, мне это показалось. Может, это слуховая галлюцинация. Мозг решил подшутить надо мной, так сказать, перед кончиной поиграть со мной, чтобы умирать было не так грустно.

Опять звук. Нет, это точно не шуточки головушки, это реальные звуки. Здесь, что-то или кто-то есть.

– Эй, кто здесь?! – кричу я в никуда, в надежде получить ответ. – Здесь есть кто-нибудь?

Но, разумеется, ответа я не дожидаясь.

Резко дёргаюсь. Чувствую, как около моей ноги что-то пронеслось.

– Кто здесь? – не сдаюсь в своих попытках получить ответ.

Покажись, будь мужчиной, а не гондоном. – На что я рассчитываю, оскорбляя своего потенциального захватчика.

Писк.

Теперь я могу расшифровать звук. Это писк. Мышь или крыса. Не могу точно сказать, какая из этих тварей издаёт писк, но определённо это грызун. Если здесь есть грызун, то это значит... А что это значит? Надо собраться и проанализировать новые данные.

Крыса или мышь. Если здесь есть живое существо, то значит, должен быть и выход, ну или что-нибудь наподобие. Они же сюда как-то попали, а самое главное – откуда-то.

Снова писк. Не думал, что наступит такое время, когда буду искренне рад услышать писк мелкой твари. Сейчас он кажется божественной музыкой, хором поющих мальчишек-зайчиков.

Надо идти на звук грызуна. Возможно, он меня куда-нибудь да выведет, по крайней мере, я на это сильно надеюсь.

Огненная боль по-прежнему даёт о себе знать, но, преодолевая эту гадину, переставляю ногу за ногой, в том направлении, откуда идёт звук. Главное, чтобы я не вышел на их гнездо, где стану лёгкой добычей. Раненый и плохо пахнущий, что ещё может быть лучше для стаи голодных крыс. О чём я думаю, чёрт меня побери.

– Соберись, твою мать, сейчас не самое подходящее время, чтобы сходить с ума.

Шаг за шагом иду вперёд, а не исключено, что и назад. Но учитывая тот факт, что раньше я не слышал крысиного визга, надеюсь, что двигаюсь в верном направлении.

Прошёл около тридцати шагов, и мой путь всё так же оста-

вался прямым, ни одного поворота и изгиба. Тоннель?

Не успел начать размышлять о том, где я пребываю, как вдруг впереди меня появилась маленькая жёлтая точка.

Свет.

Первое, что подумалось мне, – галлюцинации. Очевидно, этому было логическое объяснение в виде болевого шока, физического истощения, подкреплённого голодом и жаждой, психологического упадка. Это только малая часть того, что может спровоцировать галлюцинации.

Находясь здесь, в полнейшей темноте, трудно понять, действительно ли впереди маячит реальный лучик света или это обман зрения. Есть только один вариант проверить эту теорию – идти на свет.

Это открытие приободрило меня, в ногах вдруг почувствовалась сила, боль в левом боку уменьшилась, словно на него вылили чан с ледяной водой, да и в целом сознание очистилось от осевшего на нём отчаяния и бессилия.

Передвигая ногами, словно младенец, который только-только научился ходить и неуверенной походкой движется в выставленные мамой ручки, я шёл к жёлтой точке света. С каждым пройденным метром точка постепенно превращалось в размытое пятно. Даже сейчас, когда я уже сделал достаточное количество шагов, было трудно разобрать, что это. Но в одном я был уверен, это не игры моего воображения, нет, разум не обманывает меня. Это реальность. После долгого пребывания там, в этой чёртовой комнате, где

имеющийся источник света трудно было назвать таковым, да и здесь, где он вообще отсутствует, представленный моему взору свет казался чем-то необыкновенным ярким и тёплым. Я, словно мотылёк, порхающий на раненых крылышках, упорно двигаюсь туда, где, возможно, обрету покой, как душевный, так и физический. Признаюсь честно, я уже готов умереть. Нет, это не пустые слова. Я так устал, что хочется, чтобы весь этот кошмар закончился. В глубине души я понимаю, что вряд ли когда-нибудь выберусь отсюда живым, но вот умереть со спокойной душой и чистым сердцем всё ещё могу. Именно за этим я иду вперёд, к манящему жёлтому пятнышку.

Преодолев немыслимое для меня расстояние, я достиг той отметки, когда мог рассуждать о том, что вижу. Это и в самом деле был какой-то тоннель. Догадки, оказались правильными. Всё это время я находился в тоннеле или бункере, короче говоря, в месте, где нет естественного источника света. Не исключаю такой вариант, что это место расположено глубоко под землёй. От таких мыслей тело содрогнулось, холодная дрожь пробежала от головы, растворившись в пальцах ног.

—

Да уж, оказывается, меня уже похоронили, – вырвалось у меня фраза, от которой страх и ужас вновь подступили, встав где-то за спиной, готовые в любую минуту накинуться на меня.

2

Источник света находился за поворотом. Прямая линия, по которой я всё время шёл, наконец-то изогнулась. Тёмный тоннель, где до этого момента не было видно абсолютно ничего, поворачивал вправо на девяносто градусов. Вот именно оттуда и исходил свет. Сразу же вспомнились городские легенды, гласящие, что по всей планете глубоко под землёй есть множество неисследованных тоннелей, которые до сих пор остаются загадкой для человечества. За многие столетия ни одному из путешественников так и не удалось найти такой подземный тоннель. А те, кому всё-таки посчастливилось отыскать в него вход, уже никогда оттуда не возвращались. Если верить легендам, в такие тоннели можно только войти, но нельзя выйти.

Очень надеюсь, что я нахожусь не в одном из таких подземных тоннелей, хотя в голову невольно просачиваются подобные мысли. А если это и в самом деле так, то выхода мне не видать, как своего правого безымянного пальца. Вот она, чёрная, а в моём случае тёмная ирония судьбы. С другой стороны, эти ваши городские легенды – одна большая чушь. Не знаю, про какие там говорится тоннели, но этот явно создал человек. Бетонный пол не мог появиться сам, как и искусственное освещение, да и сама чёртова комната. Так что, если и в самом деле существуют на Земле такие места, это не

одно из них, а творение человеческой твари.

– Поворот не туда, – произнёс я с лёгкой улыбкой на лице. Вспомнился один фильм, где главные герои свернули не туда и дальше происходил кровавый ужас. Надеюсь, это не тот поворот, где меня поджидает отвратная участь.

Свет, исходивший из-за угла, был для меня словно маяк. Я корабль, который после долгого плавания в безмерном море наконец-то прибыл в пункт назначения.

Страшно ли мне?

Ещё как. Трудно описать эмоции и ощущения, царящие внутри меня. С одной стороны, я так долго ждал его, этого самого света, но с другой – неизвестность пугает меня до чёртиков.

Ноги приросли к земле, как сваи, вбитые глубоко в землю. Не желали двигаться. Что меня там ждёт? Кто меня там ждёт?

Свет был желтоватый, нельзя сказать, что такой уж яркий, но после долгого пребывания в полнейшей темноте он казался вспышкой солнца, ударившей в глаза.

По моим предположениям, за поворотом тоннель продолжался. Видимо, источник света, она же лампочка или лампа, был расположен в глубине.

Когда ты не можешь сделать и шагу назад, то шагнуть вперёд – это всего лишь вопрос времени. Вот и моё время пришло. До поворота оставалось всего каких-то пару десятков метров, а страх и волнение накатывали огромными волна-

ми. И чем больше расстояние до поворота сокращалось, тем сильнее волны накрывали меня с головой.

Последние шаги дались с трудом, но дело не в физической боли, а в душевном терзании. Конечно, я хочу узнать, что там скрывается, но раз за разом, стоит мне хоть на долю секунды закрыть глаза, как передо мной встаёт одна и та же картина: снег, девочка, мешок. Это самое страшное, что может произойти. Только сейчас я понимаю, какой я трус. Я боюсь признать, принять роль детоубийцы, да и неважно, случайно это было или преднамеренно. Результат уже не исправить.

Закрыв глаза, я делаю ещё пару шагов вперёд. Не хочу раньше времени увидеть то, что меня может шокировать, потрясти или просто убить. Переступив невидимую чётку, разделяющую тьму и свет, всем телом почувствовал тепло. Мурашки снова взяли свой старт и привычной тропой пробежали вдоль израненного тела.

Стоя всё так же, правой стороной лица к источнику света, ловил одновременно приятные и обжигающие волны, исходящие оттуда, куда я боюсь посмотреть.

Собрав всю волю в кулак, я наконец-то открыл глаза. Чёрные мошки запрыгали в диком танце, заставляя меня лишние секунды простоять на месте, тем самым позволив глазам привыкнуть к новым ощущениям.

Не двигаясь, я повернул голову направо и увидел длинный коридор. Мне кажется, он ничем не отличался от того, откуда я только что вышел. Разница состояла лишь в источнике

света. Такой же пол, такие же стены и... Минутку. Все же отличия есть.

На одной из стен была надпись, точнее надписи, но состоявшие из одного и того же слова.

«Папочка».

Сердце сжалось до размера маленького зёрнышка, а потом резко разжалось. В руках всё так же находился снимок с детскими личиками. Медленно поднёс его к глазам. С него на меня по-прежнему смотрели два ангела и до сих пор неизвестная мне женщина. Я то и дело переводил взгляд с фотографии на надписи, которыми была исписана вся стена, и пытался понять, что это значит.

Обвинение или мольба о помощи?

Не знаю, что хуже.

Вплотную подошёл к стене и внимательно посмотрел на надписи. Они были выцарапаны. Чем-то острым.

Ножом?

Нож, так же, как и снимок, находился в здоровой руке. Я аккуратно приблизил его остриё к началу надписи и провёл по каждой букве.

Неужели всё написанное здесь было сделано этим самым кухонным тесаком, который после подкинули мне? Что это значит?

– Чем дальше, тем дерьмовее, – снова произнёс я мысль, блуждающую в голове. – Но отступать уже некуда. – Посмотрев последний раз на нож и надписи, я двинулся вперёд. Ту-

да, откуда светило жёлтое облачко.

Те надписи, что остались позади меня, были не просто выцарапаны на стене, они служили ещё одним напоминанием о том, что я совершил. Боже мой, что же со мной происходит, точнее с моим сознанием? Я уже виню себя и съедаю изнутри за то деяние, которого не помню, да и, возможно, не совершал. Нельзя исключать и такой вариант, при котором всё, что я видел в своих бредовых снах, это не что иное, как ложные воспоминания. А что если у меня нет ни жены, ни детей и ни в какую аварию я не попал, а тем более не становился её виновником и убийцей в одном лице. Всё может быть, но внутренний голос вот уже некоторое время тихо нащёптывает мне обратное. И я ему почему-то верю. Не знаю, почему, но, идя по бетонному коридору, с каждым шагом верю всё сильнее.

Новый виток тоннеля, куда я завернул, был длинным, конца не видно. Кто-то хотел меня далеко упрятать. Тут кричи не кричи, а никто и не услышит.

Как же хочется есть, а пить ещё больше. Постепенно мысли о воде начинали брать верх над всеми другими, обитующими в голове. Только сейчас понял, что с момента первого пробуждения ни разу не пил.

Размышления о голоде и жажде были прерваны новым поворотом нескончаемого, на первый взгляд, тоннеля. В этот раз изгиб на девяносто градусов уходил влево. Из-за поворота виднелся красный свет, словно предупреждающий пут-

ника об опасности. Сначала жёлтый – будь внимателен, а теперь красный – приготовься.

Красный свет в подобных местах может сигнализировать о чём угодно, но, скорее всего, предупреждает о входе в какое-нибудь помещение, куда доступ дозволен не всем.

Я замер на месте, пытаюсь оценить возникшую ситуацию. Очень надеюсь, что за новым поворотом нет очередного длинного пути в никуда, так как ещё один такой марш-бросок я не осилю. Вся область живота горит, ноги болят, особенно это касается подошв ступней, на которых, как я предполагаю, уже появились кровоточащие раны.

– Господи, прошу тебя, пусть там будет дверь, за которой я найду все необходимые ответы. Ну хоть сейчас стань на мою сторону, ну помоги мне, услышь мои мольбы. Посмотри, на кого я похож. Разве я выгляжу как нормальный человек? – Своеобразная и только что сочинённая молитва сорвалась с моих уст как автоматная очередь.

Если Господь не услышит меня и там окажется очередной длинный коридор, то я упаду прямо на этом месте и буду ждать смерть. Ибо двигаться вперёд уже просто нет сил. Я живой труп, зомби, передвигающийся сам не зная куда и зачем.

Вдохнув поглубже и сжав фотографию в кулаке, где также находился нож, двинулся вперёд. Дойдя до поворота, медленно повернулся налево и был приятно удивлён.

Дверь.

Металлическая дверь, над которой висела красная лампочка, излучавшая тот самый свет. На двери был номер «1». Что означает эта цифра, я понятия не имел, да и не хотел знать. Очередная загадка уже не влезала в мою черепную коробку. Больше всего мне хотелось заглянуть внутрь, узнать, что хранит за собой дверь под номером «1».

Собираться с мыслями было глупо, поэтому незамедлительно двинулся на свет. Возможно, красный свет был последним сигналом о том, что у меня ещё есть шанс оставить всё как есть. Ну, так сказать, последнее предупреждение, перед тем как я решу открыть свой ящик Пандоры.

Отступить не было никакого желания. А вместе с тем и сил. Большой нож мне всё время мешал, поэтому кое-как взял его в раненую руку, а здоровой по-прежнему сжимал снимок. Прикосновение к ручке двери показалось чем-то новым, не испытываемым ранее ощущением. Толкнув дверь от себя, почувствовал отсутствие сопротивления – дверь не заперта. Больше всего я боялся обратного, что опять потребуется палец, а может и ещё что похуже – вся рука. Слава богу, если он вообще есть, в этом забытом месте, замка на двери не было.

За распахнутой дверью была очередная тьма. Но сделал

первые шаги вперёд, и вдруг загорелось электричество. Лампы со свето-шумовыми датчиками были для меня в диковинку. Свет был такой яркий, что пришлось закрыть глаза рукой. словно солнце спустилось под землю и хотело ослепить меня. Жаль, что подземное солнце не грело, потому что я ужасно замёрз. Ходить абсолютно голым по подвалам, знаете, занятие не из лучших. Но стоит признать, что такая проблема, как холод, волновала меня меньше всего.

Ещё один коридор-лабиринт ждал меня. Он был тоже прямой, но не такой длинный. Первые секунды пребывания в новой локации ушли на привыкание глаз к яркому освещению. Лишь по истечению этого времени я разглядел, что в конце освещённого коридора лежит большой чёрный предмет.

Не знаю, почему, но внутри меня всё сжалось. Большой чёрный предмет напугал моё сознание так, что хотелось забиться в ближайший угол и не выходить оттуда никогда.

Большой чёрный предмет. Даже отсюда, издалека, я мог различить, что конкретно это было. Большим и чёрным предметом, лежавшим на полу, был мешок. Да, тот самый мешок, ну, точнее, точно такой же, какой я уже видел на снежной дороге.

Настал тот момент, которого я боялся больше всего. Это момент, когда сон превращается в явь. Делая каждый шаг по холодному полу, я молился, чтобы всё, что я лицезрел там, в параллельном мире, не настигло меня здесь. От судьбы не

уйдёшь, она достанет тебя в любом месте – хоть в космосе, хоть в аду у дьявола на вилах.

Около минуты я стоял неподвижно, боясь пошевелиться. Неужели я ждал, что чёрный мешок подаст мне знак: всё в порядке, расслабься, это не то, что ты думаешь? Какой же в голове бардак, полнейший хаос, подпитываемый абсолютным страхом.

К чёрту. Пошло всё на хер.

С этими только что родившимися в голове мыслями я двинулся к чёрному пятну на полу.

Когда я уже почти приблизился к мешку, мне показалось, что он шевельнулся.

Вот на нём растёгивается молния и из него потихоньку так, не спеша, мало-помалу появляется человек. Это маленькая девочка, лица её не видно, оно спрятано за густыми волосами, а сама голова опущена на грудь. Девочка вытягивает свои маленькие ручонки вперёд и зовёт меня к себе.

Я встряхиваю головой и понимаю, что схожу с ума. Разумеется, чёрный мешок так же лежит на полу и ждёт моих действий. Шаг, ещё шаг, и вот я смотрю на него сверху вниз.

Трупный мешок, ну или как он там правильно называется. Неважно. Сейчас важно другое. Видно, что он не пустой. Внутри что-то есть. Что-то большое, объёмное.

Медленно дотрагиваюсь до него ногой, думая, что если пихну его ногой, то это решит все проблемы.

Дебил.

Дебил не дебил, но я прекрасно ощутил, что там действительно что-то есть. Воображение подсказывает мне, что это тело. Человек. В душе появляется некое чувство расслабленности. Предполагаю, оно вызвано тем, что, судя по мешку, это тело не ребёнка.

Опускаюсь на колени, кладу нож на землю возле себя, по другую сторону проделываю то же самое со снимком. Несмотря на холод в коридоре, ладошки взмокли так, будто бы здесь настоящая сауна.

Страх и волнение берут меня в плен и заставляют схватить застёжку молнии на мешке. Спротивляться не получается, и поэтому я выполняю приказ разума.

Аккуратным, нежным движением веду молнию вниз. Страшно до ужаса, сердце готово выскочить из груди и спрятаться в этот самый мешок. Здесь звук, издаваемый молнией, кажется настоящей пулемётной очередью.

Есть. Готово. Осталось лишь раздвинуть края и узнать, что мой мучитель приготовил для меня, какой очередной сюрприз меня ждёт. Даже не буду гадать, всё равно не угадаю.

Раздвигаю края мешка и не верю своим глазам. Сначала подумал, что это глюк, очередная зрительная галлюцинация. Но понимаю, что это не так. Внутри голое тело. Женское тело. Это не ребёнок, это взрослая женщина с пышной грудью и плоским животом.

Я ожидал увидеть в этом импровизированном гробу что

угодно, но точно не это. Молодая обнажённая женщина невероятной красоты лежит в мешке для трупа. Её кожа уже стала бледной, чуть ли не прозрачной. Несмотря на смерть, наступившую уже несколько дней назад, выглядит она потрясающе. Да, она даже лежит красиво, элегантно и грациозно. Словно она не мёртвая, а просто спит, как спящая красавица. Но если для пробуждения сказочной героини нужен был принц и поцелуй, то в данный момент ей не поможет ни первое ни второе.

Молодая красотка, которая наверняка могла вскружить голову кому угодно, каким-то образом оказалась в подвале, завёрнутая в трупный мешок. Да уж, очередной вопрос, на который нет ответа отправляется в мою копилку.

Её глаза закрыты, но даже через сомкнутые веки я ощущаю их магнетизм. Как жаль, что такое очаровательное создание покинуло мир живых так рано. Сколько ей на вид? Ну, лет двадцать с небольшим, максимум двадцать пять. Длинноволосая блондинка, пышные и аппетитные губы, миниатюрный носик и потрясающая грудь. На первый взгляд может показаться искусственной, но всё-таки я склоняюсь к варианту «натуральная». О чём я думаю, о сиськах? Нашёл время, болван. Но любоваться ими нельзя, как и всей девушкой в целом.

Открывать полностью мешок я не стал, посчитал это неправильным по отношению к девушке. Пускай она и мёртвая, но всё же заслуживает достойного обращения.

Я поднялся на ноги и здоровой рукой потёр лицо и голову, а затем и всё тело – чтобы не замёрзнуть здесь раньше времени. От трупа не шёл зловонный запах. Возможно, она умерла не так давно или низкая температура воздуха замедляет естественный процесс разложения.

Что это всё значит? Кто она? Кто и зачем её убил?

И самый главный вопрос: какова её роль во всём этом сумасшедшем бреде?

Одни вопросы и ни одного ответа. Лишь догадки, на которых далеко не уедешь. Но я уверен в одном: юная особа как-то связана со мной, ну или с тем, что произошло на снежной дороге. Стоя в вертикальном положении около мешка, я пристально посмотрел на неё и попытался вспомнить лицо женщины, управлявшей чёрным внедорожником. Нет, это другое лицо. То было обычным, не таким красивым, да и не таким молодым.

Надо думать. Здесь должна быть какая-то логика. Всё, что меня окружало в подземелье, было неспроста.

Думай, думай, думай.

Неожиданно меня осенило. Чертоги памяти, хранящие воспоминания, выловили один интересный факт.

Грудь. Эти сиськи мне знакомы. Да-да знакомы. Тело из статического положения приходит в динамику. Накатывает непонятное чувство. Чувство, когда ты знаешь слово, но не можешь его назвать, оно вертится у тебя на языке, но всё никак не вспомнится. Так вот, сейчас именно такое ощущение.

Я не знаю, где видел эту роскошную грудь, но уверен в одном – я её щупал, целовал, ласкал, кусал и трогал.

Можно забыть всё что угодно, начиная с того, на какой ты планете, и заканчивая собственным именем, но забыть такую грудь просто нереально.

В голове ударяет молния, заставляя холодок пройтись по телу, оставляя после себя мурашки и взъерошенные волоски на теле. Я вспомнил, где видел эту грудь, точнее её хозяйку.

Комната, чёрный диван, я полуголый в одних джинсах. Шум в ванной, из которой появляется голая женщина. Я перевожу взгляд на тело в мешке, и хотя тогда я не смог разглядеть лицо, но грудь я запомнил точно, особенно эту маленькую родинку вблизи левого соска. Мёртвая красотка только что телепортировалась из моего сна в реальность. Правда, уже не в том агрегатном состоянии, но во всей красе.

Надо попытаться успокоиться, хотя сделать это невероятно тяжело. Адреналин впрыснут в кровь, сейчас я похож на льва в клетке, бесцельно расхаживающего туда-сюда.

– Что это всё значит? Думай, чёрт возьми. Успокойся и проанализируй всю полученную информацию, пускай её не так много, но она всё же есть.

Если верить воспоминаниям, а, как я теперь понимаю, это не обычные сны, это вспышки моей реальной жизни, клочки большого пазла, то эта леди была моей любовницей. Я прекрасно помню, как она вышла голая из ванной и начала ублажать меня. Помню, как её острый язычок гулял по мое-

му голому телу, отправляя меня в космос. Что было потом?

Нам помешали. Вошла женщина, она кричала и размахивала руками, после чего красотка сбежала, оставив меня один на один с неизвестной мне персоной. Предполагаю, это была моя жена – брачное кольцо тому подтверждение, мать моих детей. Дети! Две девочки-близняшки. Я автоматически перевёл взгляд на тот участок земли, где мирно покоился снимок полароида. Два ангелочка всё так же смотрели на меня, улыбаясь и радуясь жизни.

Но что мне это даёт?

Да, я был женат, имел двух детей. Как и большинство женатых мужчин, имел в своём арсенале любовницу, да не просто любовницу, а барышню голливудской красоты. Жена застучала нас, стала кричать, бить меня. Классическая ситуация. Но при чём здесь авария на дороге? Незнакомая мне женщина сажает девочек в машину и уезжает. Я бросаюсь в погоню и становлюсь виновником автокатастрофы. Кто выжил и умер, мне неизвестно, хотя я помню детское тело в чёрном мешке для трупов. Ещё помню, что та же женщина появилась на месте аварии и начала бить меня, потом меня погрузили в карету «скорой помощи», и на этом всё.

Неужели некто после всего произошедшего похитил меня, засунул хрен знает куда и запер? Заставил меня пройти череду жёстких испытаний и добраться сюда. А вдобавок к этому убил мою любовницу.

Бред, бред, бред.

Боковым зрением я заметил движение на полу, не просто на полу, а в чёрном мешке, где неподвижно лежало тело. Оно шевельнулось.

Я перевёл взгляд на труп и увидел, что у девушки открылся рот, там виднелась запёкшаяся кровь. Только сейчас мне пришёл в голову вопрос, который до этого времени даже и не маячил на горизонте. Как она умерла?

Ставлю все свои пальцы на кон, что эта молодая особа покинула мир не по естественной причине, определённо этому поспособствовали. Но кто? Рискну предположить, что это тот же человек, который упрятал меня сюда.

Чем я больше анализирую происходящее, тем больше возникает вопросов.

Превозмогая боль, опускаюсь на колени возле тела. Не знаю, по какой причине вдруг открылся рот, но сейчас это не имеет значения. А вот что действительно имеет значение, так это то, что находится внутри рта.

Вот, стоя на коленях, я пытаюсь разглядеть, чем вызвано появление крови в полости рта. Через мгновение все внутренние органы разом содрогаются, заставляя меня отдёргнуться от мёртвой женщины.

У неё нет языка.

Никогда не мог подумать, что человек без языка будет выглядеть так устрашающе. Ко всему прочему, засохшая кровь у основания языка делает это зрелище ещё противнее.

– Тебе отрезали язык, – шепчу я, при этом перевожу

взгляд на правую руку, где ещё недавно было пять пальцев.

Уж точно это сделала не она сама. А главное, запёкшаяся кровь, скорее всего, говорит о том, что отсечение языка происходило тогда, когда девушка была ещё жива. Какой ужас. Не могу даже представить, что эта миловидная особа чувствовала, когда её заживо резали. На фоне этого моя пытка кажется более гуманной.

– Но за что и зачем тебе отрезали язык? – Мне хочется с кем-нибудь поговорить, поэтому приходится вести монолог.

Но не успеваю я сказать следующую фразу, как в очередной раз меня накрывает паническая атака. Холод с удвоенной силой ударяет по обнажённому телу.

– Язык в стеклянной колбе, стоявший там, в холодильнике, был твой.

Сейчас наступает момент, когда элементы мозаики начинают складываться в единое целое, но, по правде говоря, картинка эта всё равно какая-то размытая, непонятная мне.

– Получается следующее. Я женатый человек, у которого есть дети, на стороне кувыркаюсь с сексапильной красоткой. Кто-то отрезает язык этой самой красотке, а затем её убивает. Так, что ещё, – вслух проговариваю всю информацию, полученную за проведённое здесь время. Главное, ничего не упустить.

Предположительно, я становлюсь виновником дорожно-транспортного происшествия, в ходе которого погибают люди – водитель, он же неизвестный мне водитель, и две де-

вочки, которые изображены на фотоснимке. Так, что ещё? – Мозг работает на полную мощь, необходимо выжать из него максимум информации. – Женщина, видимо, моя жена. Застукала меня с любовницей и через какое-то время решила от меня уйти. Почему я так думаю? А потому что она собрала вещи, погрузила всё в машину, забрала детей и уехала. Потом произошла авария. Так, это я уже говорил.

Мыслить логически невероятно тяжело, много факторов мешают этому, но всё же мне удалось более-менее прояснить ситуацию, из-за которой я сюда попал. Правда, остаётся много неизвестных переменных. Например, женщина – водитель. Могу с уверенностью сказать, что на фотоснимке изображена не она. Тогда кто она? Сестра или просто знакомая? И осталась ли она жива? Другой немаловажный вопрос заключается в том, где та женщина, которая предположительно является моей женой. Помимо того, что она застучала меня с любовницей, она не раз кричала на меня и била меня. Предполагаю, именно она была на месте аварии, где снова меня лупила.

Если теперь сложить все имеющиеся элементы головоломки, то получается вот что. Моя психованная жена, узнав, что я изменяю ей с молодой и красивой девушкой, закатывает мне скандал, после чего собирает вещи, забирает детей, просит кого-то отвезти их куда-то. Узнав про аварию, прибывает на место, видит перевернутый внедорожник, мешки для трупов, а возможно, и сами тела. А я при всём при этом

не пострадал. Она решает мне отомстить. Да не просто отомстить, а активирует в себе больного психопата. Моя жена, которую теперь можно именовать именно больным психопатом, похищает меня вместе с любовницей и помещает в подземный бункер или куда ещё поглубже. Уже находясь в этом месте, накачивает меня наркотиками или чем-то ещё и упрятывает в камеру, где она заранее подготовила ряд испытаний. А вот девушку решила сразу убить, в отличие от меня. Правда, перед этим зачем-то отрезала ей язык, поместила в банку с раствором и поставила в мой холодильник. Позволила мне выбраться из комнаты и прийти сюда, где я и обнаружил тело девушки без языка.

Чувствую, что в любой момент голова лопнет как воздушный шарик, потому что такой бред, только что изложенный мной, не может быть правдой. Это полная ерунда. Да это даже не тянет на сценарий плохого фильма. Логика отсутствует. Ну как, скажите, обычная женщина, мать двоих детей, смогла бы провернуть такое, ну как? Да никак, это просто невозможно. Тогда кто? Другой член семьи или муж той женщины, которая была за рулём внедорожника?

– Боже, помоги мне или я сойду с ума. – Я опустился на колени, воздел руки, прося у всевышнего помощи. – Дай мне ответ.

Как всегда, ответа нет. В голове снова всплыл вопрос, возникший ещё некоторое время назад: как умерла девушка? На первый взгляд этого не определить. На теле попросту нет от-

крытых ран, от которых она могла умереть. Решаюсь открыть молнию трупного мешка, чтобы убедиться, что и в нижней части нет никаких серьёзных травм.

Одно лёгкое движение, и вот уже голая девушка, имени которой я так и не вспомнил, лежит передо мной во всей красе. Ни одной раны, ни одной царапины или синяка. Такое ощущение, что она действительно спит, и лишь неестественно бледный цвет её кожи говорит об обратном.

Шаря по ней взглядом, вдруг натываюсь на маленькую точку на сгиба локтя. Приближаю лицо вплотную к руке и отчётливо вижу, что на коже есть след от укола или инъекции. У меня такой же, но мой был не смертельный, а вот её, по всей видимости, напротив – смертельный. Других причин смерти я просто не видел. Да и важно ли это сейчас? Не думаю.

Что делать дальше?

До моего сознания только сейчас доходит, что впереди коридор продолжается. Этого я и не заметил прежде. Разумеется, всё моё внимание было приковано к чёрному мешку, который на фоне жёлтого освещения был ярким пятном. Не знаю, почему ОН оставил здесь тело, да и, главное, зачем, если я ничего не помню. Если хотел меня напугать, то у него это вышло. Лицезреть мёртвое тело, да и ещё когда у него отрезан язык, знаете, удовольствие далеко не из приятных.

Делать здесь больше нечего, необходимо двигаться дальше. Возможно, впереди меня ожидают ещё сюрпризы. Как я

уже понял, здесь без них никак, и это ещё не всё. Уверен, что главный сюрприз ОН, а может и ОНА, подготовил мне в конце моего квеста на выживание.

Взяв в руки своё скромное обмундирование, я поплёлся дальше, оставляя тело за спиной. За то время, что я был возле трупа, анализируя всю полученную информацию, моё физическое состояние ухудшилось. Слабость в ногах стала ещё ощутимее, боль в брюшной полости загорелась с новой силой, рука ныла, появилось чувство онемения. В придачу ко всему этому появилась тошнота и головокружение. Проще говоря, смерть дышала мне в затылок, только и ждала, когда я сдамся, упаду на землю, закрою глаза и раскину руки в стороны, чтобы она могла меня обнять. Признаюсь честно, чем дольше я иду, тем сильнее мне этого хочется. Хочется взять, упасть и заснуть долгим сном, где, возможно, меня ждёт прекрасное чувство. Вдруг я окажусь в том же месте, где и мои два ангелочка. Почему мои два ангелочка? Я уже давно заметил, что говорю, мыслю и рассуждаю о них именно так: два ангелочка. Может, я их и не помню, но чувствую, что нас связывает некая невидимая нить. Мы с ними одно целое, по крайней мере, были одним целым. Возможно, сейчас наступило такое время, когда мы на разных берегах, мост между которыми уже не построишь. Но именно это чувство – чувство любви толкает меня вперёд, не даёт мне сдаться и умереть. С первого момента, когда я поднёс фотоснимок к глазам, я понял, что это не чужие мне люди. Если сперва я вся-

чески пытался этому противиться, то сейчас принимаю это. И принимаю тот факт, что я стал причиной громадной трагедии. Скажу больше: возможно, всё, что я, находясь здесь, переживаю, я считаю заслуженным. Если раньше я сильно возмущался и противился всем попыткам, то сейчас мыслю в ином ключе. Любовь движет мной. Я хочу получить ответы на все вопросы. Правда и только правда меня интересует. Я умру, в этом нет никакого секрета. Только я хочу умереть свободным, с лёгкой душой, со знанием того, что я совершил или, наоборот, не совершил. Я жажду прощения – не от себя, от того, кто находится по ту сторону баррикады.

Волоча ноги, мусоля многочисленные мысли, перекладывая их с одного места на другое и обратно, я не заметил, как добрался к концу длинного тоннеля. Подняв голову, долго и упорно смотрел вперёд, туда, где царил полный хаос.

– Какого чёрта, – единственное, что я мог произнести, когда понял, что вижу перед собой.

Лестница, ведущая наверх, где имелась очередная дверь. Но не этот факт вызвал моё удивление и страх одновременно.

Надпись на двери.

Вот что поистине было зловещим и пугающим. На металлической двери с вентилем посередине, как на корабле или подводной лодке, была надпись. Красно-красными буквами, с подтёками под каждой, было отчётливо написано: «НЕ ВХОДИ, ЭТО ТЕБЯ УБЬЁТ».

А внизу под дверью, на возвышающемся порожке, лежал знакомый мне предмет. Чёрный револьвер. Почему знакомый? Я его уже видел в одном из снов. Не помню, в каком именно, но помню одно: он принадлежал мне. Smith & Wesson Model 36 – револьвер небольшого размера, аккуратной формы, который легко ложится в руку.

От одного взгляда на этот чёрный предмет мне стало дурно. Тошнота подступила к горлу, а ноги стали словно вата, хотя и до этого они уже были не тверже хлебного мякиша, того и гляди упаду.

Даже боюсь представить, что всё это может значить. Пугающая надпись, возможно, выведенная кровью. Не буду вдаваться в раздумья, кому она может принадлежать. К чёрту. Не могу определить для себя, что именно меня больше страшит – красные буквы на стене, не сулящие ничего хорошего, или чёрный револьвер. Интересно, в нём есть патроны? Получить ответ на этот вопрос очень просто, но куда сложнее переступить порог двери. А что если там находится человек, который убьёт любого, кто туда войдёт. Да что за очередной бред лезет в башку!

Как же меня всё это достало. Голова готова взорваться, разлетевшись на тысячи мелких кусочков. Такая полная неопределённость, как эта, просто сводит с ума. Сплошь одни загадки, вопросы и при этом ни одного толкового ответа или разъяснения. Вот и сейчас, стоя перед подозрительной дверью, опять возникает хрень, покрытая мраком и тайной.

Что это за декорации и нагнетание тягостной атмосферы? Хочу, чтобы весь этот кошмар, длящийся уже не один час, день, а может и неделю, закончился. И неважно, какой ждёт меня конец. Я устал. Я хочу освободиться от груза неизвестности.

За то время, что я стоял и пялился на дверь, ведущую куда-то, ноги пустили корни в землю, так как сделать первые шаги не удалось. Я чуть не рухнул, благо удержался. Не исключаю, что после падения уже не встал бы.

Ничтожное расстояние в пару метров показалось мне целым путешествием. Ноги, как и всё тело, рьяно протестовали против физической нагрузки. Я их прекрасно понимаю, хочется завалиться и лежать на одном месте, пока не наступит вечный покой.

Но всё же я сумел переубедить тело, и вот перед ногами расположился револьвер на порожке. Нагнувшись и прикоснувшись к рукоятке оружия, я молниеносно ощутил его холод и тяжесть. Он показался таким тяжёлым, что чуть не перевесил меня вперёд, и уже за пять минут я дважды был близок к падению. Как же я ослаб и истощал, что даже револьвер весом около пятисот грамм кажется неподъёмным грузом.

Используя лишь здоровую руку, я откинул барабан и проверил имеющийся внутри боезапас. От увиденного на лице застыла улыбка. В глубине души я ожидал именно такого исхода. Один патрон. Лишь одно единственное отверстие не просвечивалось. Один патрон. Интересно, для кого он пред-

назначен? Неужели для меня? В связи с этим появляется очередной тысячный вопрос. Зачем кому-то похищать меня, пытаться и заставить в конце концов застрелиться. Нет, задумка этого манёвра в чём-то ещё. Пока что этот ход конём мне непонятен, но думаю, что когда я открою дверь и попаду внутрь, то, возможно, кое-что прояснится.

Сжимая левой рукой револьвер, а правой испачканный кровью фотоснимок, двинулся навстречу неизвестности. Только сейчас, когда холодная деревянная накладка на рукояти револьвера плотно легла в ладонь, до меня дошло, что я знаю мраку оружия и как с ним обращаться. Боюсь представить, как и для чего я использовал его в своей прошлой жизни. Хочется думать, что из его ствола не вылетел ни один патрон. Но у меня есть сомнения.

Гримаса боли легла на лицо, когда нога ступила на порожек, приподняв тело. Боль от живота распространилась уже по всему телу, огонь полыхал в паху и в области груди. Ещё немного, и всё внутри будет сожжено, поэтому надо спешить. Стараясь не обращать внимания на сильную боль, я подошёл к двери, зажал револьвер под мышкой и, приложив все усилия, ещё оставшиеся при мне, повернул вентиль против часовой стрелки. Как же я был рад, что особого сопротивления не встретил и уже через несколько секунд почувствовал, что дверь открыта. Путь свободен. Появилась маленькая щёлочка света, исходящего изнутри. Взглянув последний раз на кровавую надпись на двери «НЕ ВХОДИ, ЭТО

ТЕБЯ УБЬЁТ», я потащил дверную створку на себя, и она как послушный щенок потянулась ко мне.

Раздавшийся жуткий скрип резанул уши. Из распахнувшейся двери меня обдало странным запахом. Что это за запах, я сначала не смог разобрать, лишь какое-то мгновение спустя до ослабевшего мозга дошло, что это такое. Так пахнет в больнице. Запах из больничной палаты. Ароматы медицинских препаратов и тому подобное. В любой больнице мира, в любой палате, где лежит больной, пахнет одинаково. Пахнет именно так, как здесь. Неужели я оказался в больничном отделении? Некий фокус: вот я был в подвале, где и запахов нет никаких, а вот я уже в самой что ни на есть настоящей больничной палате. Или это фокусы в исполнении моего разума? Подмена понятий или что-то наподобие такой фигни. А может, это всё какой-то научный эксперимент, где роль белой маленькой мышки отведена мне? Нет, меня несёт куда-то явно не туда. Всему должно быть логическое объяснение. Вот его я, надеюсь, сейчас и получу.

Всего несколько шагов понадобилось мне, чтобы оказаться в очередной локации квеста. Из холодного лабиринта я попал в больничную палату. Она весьма небольшая, но из-за того, что здесь преобладает белый цвет, я бы даже сказал – белоснежный, помещение кажется в разы больше.

Первые секунды пребывания дезориентируют меня. Ещё минуту назад моему взору предоставлялся скучный коридор с желтоватым освещением, а теперь всё ровно наоборот.

Современная больничная палата. Здесь находится куча разных медицинских приборов, название большинства которых я даже и не знаю, но многие всё-таки известны. Белый свет просто ослепляет меня, что невольно вызывает небольшой ручеек слёз, стекающих по щекам, исчезающих на губах. Солоноватый вкус будоражит моё спящее сознание, ведь я ожидал увидеть за дверью что угодно, но только не это.

Я почти не двигаюсь, так как делать это уже практически невозможно. Огонь, полыхающий внутри меня, распространяется с невероятной скоростью, даже лесной пожар движется не так рьяно, как боль внутри меня. Соображать становится всё труднее, не удивлюсь, если в скором времени я начну бредить. А может, уже. Может, всё, что сейчас со мной происходит, – сон. Кошмарный сон. Будет забавно, если я возьми да и проснись в тёмной камере возле ведёрка с дерьмом. Вот будет хохма. Нет, лучше сдохнуть, чем вернуться туда.

Вращаясь вокруг своей оси, при этом едва держась на ногах, я пытаюсь всячески изучить комнату. Надо это сделать прежде, чем ноги окончательно перестанут меня слушаться.

Помимо имеющегося здесь оборудования, я вижу в дальнем от меня углу синюю шторку. Но это не просто шторка, а, правильной будет сказать, ширма или балдахин. Синяя ткань во всю высоту отгораживает часть комнаты, тем самым делит её две половины. На ту, где сейчас нахожусь я, и на ту, которая полностью скрыта от меня. Что она скрывает? Любопытство внутри меня возросло до максимума. Неужели за

этой синей материей прячутся ответы на все мои вопросы? При других обстоятельствах я бы незамедлительно кинулся туда и выяснил, какого чёрта здесь происходит, но сейчас мне приходится томить себя.

Мой взгляд устремлён исключительно на синюю ткань, которая висит здесь неспроста. Её цель отгородить что-то. И скоро я это выясню, но прежде надо дождаться, пока огненная волна сбавит свои обороты и позволит мне хотя бы на минутку расслабиться. Но ждать у моря погоды можно вечность, поэтому, не дождавшись послаблений, я мелкими шажками направился навстречу ответам. Когда до импровизированной комнаты оставалось не больше пары метров, я услышал доносившиеся оттуда непонятные звуки. Сделал ещё пару шажков, и до ушей донёсся писк.

Стоя как столб, не издавая никаких звуков, внимательно прислушивался к шуму. Да, это писк, точно он. На ум сразу пришла мысль, что такой писк издаёт машина, подключённая к человеку, следящая за его пульсом и сердцебиением. Мгновение спустя, осознав свою мысль полностью, я испугался. Страх накатил такой мощной волной, что сжигаемая изнутри боль резко стихла. Неужели там, за синей шторкой, находится живой человек?

когда подумал о такой перспективе, у меня мгновенно закружилась голова. Одновременно я был этому рад и не рад. Рад – потому что наконец-то могу узнать правду, а не рад – потому что боюсь, что эта самая правда может причинить

такую боль, которая убьёт одним махом.

Стоя прямиком перед синим занавесом, за которым прячется некто, я долго собираюсь с духом, чтобы сделать одно лишь простое движение. Один взмах руки, и моему взору предстанет картина, благодаря которой я смогу получить ответы. Но какие ответы я хочу получить от человека, прикованного к больничной койке? На что я рассчитываю? Всё, хватит бесполезных вопросов.

Положив револьвер на ближайшую тумбочку, я дрожащей рукой – непонятно, дрожит она от страха или это уже предсмертные конвульсии – отдёргнул синюю шторку.

Этот миг, продлившийся менее одной секунды, показался вечностью. Все пережитые здесь несчастья и испытания пронеслись перед глазами, будто намекая на то, что вот он, конец, ну или очень близок.

Да я был прав. Больничная койка скрывалась за непрозрачной синей ширмой. На ней был человек.

Женщина?!

Я сам не понял, утверждение это или вопрос. Трудно судить, кто занимает место на белом покрывале. По внешнему виду определить пол сложно. Незнакомый человек лежал ко мне боком, мне практически не было видно лица. Бледная кожа и впалые щёки с глазами. Кто это? Раз за разом мысленно повторял один и тот же вопрос.

Как замороженный смотрел на неизвестное мне тело. Именно что тело, такое тощее, что даже через простыню были видны худенькие ножки и кости таза.

Господи, что здесь творится? Я был уверен, что узник в этой игре здесь один – я. Но я сильно ошибался. Нас как минимум двое. Только второй участник игры, а это был именно он – точно не наш кукловод, выглядел ещё хуже, чем я. Он тут уже давно? Если судить по его внешнему виду, то очень давно.

Я сделал шаг в сторону кровати, где мирно лежал человек.

Сперва можно было подумать, что он мёртв, но равномерно вздымавшаяся грудная клетка говорила об обратном. Помимо койки, в импровизированной палате находилось медицинское оборудование, от которого тянулись многочисленные провода и трубки. Последние были подключены к телу человека. Это было похоже на трубопровод, а человек напоминал существо, над которым проводят различные эксперименты. Такое ощущение, что я попал в самый настоящий нацистский научный центр, где, по слухам, ставили опыты над живыми людьми. К рукам шло несколько трубок разного диаметра, каждая из которых содержала жидкость. Но самой устрашающей выглядела голова. Она была вся перебинтована, множество трубок исходило из неё. Они торчали отовсюду: из носа, рта и прямиком из черепа, где в месте присоединения трубки виднелось красное пятнышко. Кровь. Но самое пугающее зрелище – глаза. Они были открыты и шевелились. Зрачки двигались, они блуждали, пытаюсь то ли увидеть, что происходит вокруг, то ли просто хотели выскочить из орбит.

– Да что здесь, вашу мать, происходит? Какого чёрта? Кто мне объяснит? – выругался я, проклиная всё на свете, с трудом подбирая нужные слова.

После моих слов, а вернее – дикого крика, я заметил, как вздрогнуло тело. Это была реакция на меня.

Мозг готов был взорваться. Необъяснимого дерьма стало ещё больше, в разы больше – целый грузовик отменно-

го дерьма. Необходимо успокоиться и мыслить рационально. Всё это не случайность, это часть игры, сценарий. Но где главный режиссёр?

Я боялся двинуться, хотел провалиться под землю, страх полностью парализовал тело. Я не знаю, что делать. Помочь человеку на кровати или нет. Если помочь, то как? Что я могу сделать, когда и сам нахожусь практически в таком же состоянии. Я живой мертвец, голый, с окровавленной рукой и со вспоротым брюхом. Я едва держусь на ногах, в любой момент готов рухнуть на пол.

Чтобы хоть как-то прийти в себя от всего увиденного, я попытался перевести взгляд на что-нибудь ещё. Повертев головой по сторонам, я заметил чёрный предмет, находившийся непосредственно перед койкой.

Телевизор.

А рядом ещё один. А главное, они были включены и там были картинки.

Только сейчас до меня дошло, что человек в сознании, всё прекрасно видит и телевизоры перед ним стоят неспроста. Он смотрит, наблюдает. За мной. Я узнал картинки на мониторах. На одном из них чётко виднелся чёрный мешок, а на другом моё место заключения. Узнал я его по чёртовому ведру, раковине, холодильнику и по другим предметам, которые я уже вряд ли когда-нибудь забуду.

Тут же врезался в сознание красный огонёк, непрерывно наблюдавший за мной на протяжении всего моего заключе-

ния.

Так вот, кто находился по ту сторону экрана. Я всё гадал, кто же тот нелюдь, получающий удовольствие от человеческого страдания. Признаюсь честно, я был разочарован. Я был уверен, что онлайн-фильм смотрит настоящий псих, потирающий потные ладони, при этом смеясь нездоровым хохотом. Но что я вижу здесь? Человек, прикованный к больничной койке, весь утыканный трубками, и единственное, чем он может пошевелить, так это глазами. Ноги подкосились, и я почти плюхнулся на пол, но перед этим успел схватиться за стоявшую поблизости тумбочку.

Выпрямившись, я медленно обошёл кровать. Сперва зашёл за спину, но ничего интересного там не обнаружил. Побрёл в обратном направлении, и вот уже стою под телевизорами, глядя на тело, лежавшее прямо передо мной, прикрывая раненой рукой болтающийся хрен.

Женщина!

Теперь я в этом уверен. Большая часть лица перебинтована, но несмотря на это, я узнал её. Фотоснимок по-прежнему был зажат в здоровой руке, я посмотрел на него, а затем на живые глаза, смотрящие на меня.

Один и тот же взгляд. Глаза, которые трудно спутать, они такие же грустные, как и на снимке. На меня смотрит человек таким взглядом, что я понимаю всё без слов.

Она плачет.

Это мольба о помощи и одновременно сострадание.

Но чем я могу помочь? Мне самому нужна помощь.

По её щекам текут слёзы. Губы слегка дрожат. Это все движения, которые она совершает, словно только ими она вольна управлять. Тело неподвластно ей. Что с ней произошло?

Я мог бы подумать, что передо мной лежит девушка, которая сидела за рулём чёрного внедорожника. Но нет, это не она. Тогда, что с ней произошло, ведь она не попадала в аварию? Все эти многочисленные вопросы высасывают из меня последние жизненные соки. Я уже готов воспользоваться одним-единственным патроном в револьвере, дабы избавить себя от мучений.

– Нет, нет, нет, пошёл ты на хер, не дождёшься! – Я юлой кручусь вокруг своей оси, выпаливая одно ругательство за другим, сжимая при этом голову с такой силой, что она вот-вот лопнет как воздушный шарик.

Выдыхаю, что тут же отдаётся резкой болью в груди, животе, пахе. Боль адская, но пока терпима.

Покрасневшие от слёз глаза всё так же смотрят не меня. Мозг функционирует, а всё остальное нет. Это единственное, что живёт в физической оболочке. Как я понимаю, она лежит здесь давно, а эти трубки, подключённые к ней, питают её организм жизненной энергией. Я не знаю, как это называется в научном мире, но такому имеет место. Искусственное питание, мать её.

Но кто, кто, кто? Кто тот человек, который управляет всем

этим шоу? Кто-то же нас сюда притащил, установил камеры, медицинское оборудование и другое многочисленное дерьмо. Не само же всё это сделалось? Я сам готов был уже расплакаться, но вдруг заметил, что зрачки её глаз дёргаются в сторону. Что происходит? Ей плохо? Какой же я дебил. Она на что-то показывает. Слева от меня. Я поворачиваюсь и вижу тумбочку на колесиках. На ней белое покрывало. Сдёргиваю его и вижу полку, на которой стоит ещё один телевизор, а на нём DVD-проигрыватель с пультом дистанционного управления. На экране слой пыли, на котором отчётливо проглядывается надпись «ВКЛЮЧИ».

Перевожу взгляд с него на женщину, по её лицу трудно что-то понять. Но, видимо, она хочет, чтобы я включил телевизор. Он подключён и готов к работе. Выкатываю его из угла и располагаю так, чтобы и она могла видеть.

Выпрямляюсь и замечаю в углу, где стояла тумбочка, зеркало. Подхожу к нему и смотрю в него. Что я вижу там? Оживший кошмар любого ребёнка. На моём фоне Фредди Крюгер выглядит красавчиком. Ощупываю лицо. Кожа на лице такая же грубая, как и на руках. Широкий шрам на лбу. Относительно свежий. Аккуратно притрагиваюсь к нему, но боли не ощущаю. Возможно, он появился после аварии, если она была на самом деле. Вдруг это всё плод моих буйных и нездоровых фантазий. Чёрная борода с редкими седыми волосками свидетельствует о том, что я здесь давно, ну либо просто я редко бреюсь. Впалые глаза и худые щёки также

говорят о длительном пребывании в заточении. Пытаюсь сообразить, сколько времени я уже нахожусь здесь. Но я понятия не имею. День, два, неделю, месяц? В это трудно поверить, но это так. Когда ты лишён всего, не имеешь ориентира, предмета или явления, способного отсчитывать время, секунды превращаются в часы, а годы в минуты. Поэтому ответить на вопрос, сколько я нахожусь здесь, просто невозможно без посторонней помощи.

Отхожу от зеркала, с которого на меня смотрел незнакомый мужчина средних лет в ужасной физической форме, и возвращаюсь к телевизору и DVD-проигрывателю. На пульте ДУ нажимаю красную кнопку, и экран оживает. На нём застывшая картинка. Можно различить человека, прикованного к больничной койке. И этот человек сейчас смотрит на меня. Эта видеозапись сделана отсюда, но задолго до произошедших событий.

Нажимаю кнопку «воспроизведение» и картинка приходит в движение. Меня с невиданной силой охватывает волнение, тело бьёт пульсирующая дрожь, биение сердца способно пробить бетонные стены насквозь. Неужели сейчас я получу все ответы на свои вопросы. Страшно ли мне? Не придумали ещё такого слова, способного описать то, что я чувствую сейчас. Чёрный ящик начинает трансляцию.

Камера, фиксирующая происходящее комнате, расположена на уровне головы того, кто снимает. Оператора пока не видно, он не спешит попасть в кадр, да и звуков пока не из-

даёт, слышно лишь его тяжёлое дыхание. Так дышит человек в предвкушении грандиозного события, в момент, когда тайна вот-вот станет раскрыта.

Мне самому не терпится узнать, кто находится по ту сторону объектива. Но сначала я наблюдаю, точнее мы наблюдаем, как некто подходит к кровати и показывает женщину крупным планом. Её лицо, его выражение ни капельки не изменилось. Всё такой же грустный и напуганный взгляд, непонимающий, что здесь происходит.

Молчаливый оператор переводит камеру с женщины на стены, снимает всё имеющееся оборудование, словно пытается показать, благодаря чему эта бедняжка до сих пор ещё жива. Стоит отдать должное, импровизированная больничная палата выглядит очень солидно, по-современному. Здесь очень много медтехники для поддержания жизни, даже в условиях автономного режима. Как я полагаю, на это и был расчёт. Цель игры заключалась в том, что я должен был выбраться из запертой комнаты, прийти сюда и застать прикованную пациентку живой.

В следующий момент камера приобрела устойчивое положение, скорее всего, её установили на штатив. Камера передавала картинку с того места, где сейчас стоят два телевизора, прямо напротив женщины.

Неужели сейчас ОН из оператора превратится в актёра? Сердце, работающее на максимуме, стало биться ещё сильнее и громче, в любой момент оно могло разорваться. В кадр

попадает плечо, левая рука и часть спины.

Это мужчина.

Он не спешит рассекретить себя. Подходит к женщине, становится сбоку от неё и берёт её руку в свою. Всё выглядит как человек, пришедший навестить тяжелобольного родственника. Нежно гладит её руку, наклоняется и целует в лоб. Мужчину по-прежнему не видно полностью, но, судя по всему, можно сказать, что это ничем не выделяющийся человек, каких миллиард на планете. Он до сих пор не произнёс ни слова.

На мгновение он исчезает из кадра, а затем со стулом в руке вновь возвращается. Ставит стул у изголовья кровати и становится перед ним. Теперь его полностью видно, но только со спины. Несмотря на хорошее качество картинки, узнать в этой мужской фигуре кого-либо невозможно. Лично мне он пока незнаком. В моих снах его точно не было, там были только женщины, дети, собака и я.

Какое-то время он продолжает стоять спиной к объективу, словно не решаясь повернуться. Но вот плечи приходят в движение, и корпус поворачивается на сто восемьдесят градусов. На всё про всё ушло несколько секунд, и вот он с опущенной головой садится на стул. Ещё мгновение, и его голова поднимается, взгляд устремляется прямо на меня. Я незаметно для себя приближаюсь к экрану, пытаюсь понять, кто этот мужчина. Расстояние между мной и телевизором сокращается до минимума, и только тогда я понимаю, кого я вижу.

Этого не может быть.

Холодок проносится по всему телу, внутри всё обваливается, оставляя бездонную пустоту. Дыхание сбивчивое, мне нечего сказать, мысли спутались в один большой ком. С экрана телевизора на меня смотрит мужчина, как две капли похожий на меня. Нет, не похожий на меня, это и есть я.

– Что происходит? – Сейчас это единственный вопрос, обитающий в моей голове.

Я посмотрел на кровать, в ожидании того, что прикованная к постели женщина вдруг встанет и объяснит мне всё. Что здесь происходит? А происходит здесь какая-то непонятная штука. Возможно, шутка, розыгрыш или эксперимент. Мозговой штурм, царивший в голове, был прерван чужим голосом, который донёсся из телевизора. Для меня это стало полной неожиданностью. Я ожидал здесь найти всё что угодно, но только не это. Не себя. Как бы абсурдно ни звучало, но на деле выглядело всё именно так. Надеюсь, теперь я сам же всё себе и объясню, иначе голова лопнет от происходящего хаоса.

– Привет, красавчик! – Эта фраза была сказана с ухмылкой, как будто ОН, то есть я, или всё-таки ОН, ждал меня. Знал, что я доберусь до этого места и внешний вид мой будет, мягко говоря, далёк от изящного.

– Если ты смотришь эту видеозапись, то ты ещё жив, прими мои поздравления. Я понимаю, в твоей чугунной голове происходит настоящий бардак. Ты сидишь такой на стуле

возле кровати с полумёртвой женщиной, при этом глаза лезут из орбит от непонимания происходящего, и ты задаёшься одним и тем же вопросом: что здесь происходит? Не беспокойся, через некоторое время ты получишь ответы на все свои вопросы. Не спеши, малыш, всё будет.

Человек с экрана был настоящим хозяином положения, а я всего лишь его слуга, от которого ничего не зависит и который ничего не решает и ни на что не может повлиять. Человек, похожий на меня как две капли воды, продолжал свой монолог.

– Скажу сразу – ты не бредишь. Успокойся, дыши глубоко, тебя не терзает белая горячка, хотя такой вариант был бы тоже неплох. Итак, позволь представиться. Я – это ты, а ты – это ты, потому что меня уже нет. Я понимаю, что твой мозг сейчас пытается проанализировать всю полученную информацию и извлечь из неё полезное, но без моей помощи тебе этого не достичь. Да-да, ты не ослышался, я – это ты, а ты – это не я. Я уже мёртв. Как ты заметил, в твоей голове не осталось ничего. Говоря другими словами, ты потерял память, абсолютно всю, ну, по крайней мере, это должно быть так. И потерял ты память неспроста. Как думаешь, кто этому поспособствовал? – он выдержал небольшую паузу, во время которой я пытался переварить полученные сведения. – Правильно думаешь, я. С твоего позволения, я не буду тебе называть своего имени, так как в этом нет никакого смысла, да и незачем. Всё, что здесь происходит, не случайность. Вся

та мерзость и жуть, через которую тебе пришлось пройти, чтобы добраться сюда, – моё наказание. Отчасти это и твоё, но об этом чуть-чуть попозже.

Начну с того, что место, в котором я, ты и эта бедняжка застряли, – он посмотрел вправо от себя, где всё так же неподвижно лежала женщина, – находится глубоко под землёй. Но, думаю, что эта новость для тебя не стала сюрпризом. Уверен, ты уже пришёл к этому выводу. Но вот о чём ты вряд ли смог догадаться, так это о выходе – его нет. – Человек на экране зашёлся нездоровым смехом, каким обычно смеются злодеи в фильме. – Выхода нет, есть только вход, но через него мы уже прошли, а выбраться отсюда нельзя. Забавно, правда? Ладно, можешь не отвечать, я продолжу. Итак, сюда вошли я и моя любимая супруга. – Он снова посмотрел на женщину в кровати и аккуратным движением руки погладил её по щеке и поцеловал в лоб.

– Не знаю, удивил ли тебя этот факт, так как не могу утверждать на всё сто процентов, что с момента твоего пробуждения тебя не посещали фантомы в виде воспоминаний. Предполагаю, что посещали, и возможно, когда ты её здесь увидел, ты её узнал. Так вот – это моя жена. Её имени тоже не буду называть, можешь сам ей дать имя, поверь, ей уже всё равно.

Почему она прикована к кровати? Об этом тоже чуть позже. Теперь следует рассказать, как вышло так, что ты ни хрена не помнишь. – Он встал, вышел из кадра на пару секунд

и снова вернулся.

В руках он крутил какой-то предмет, то и дело переключая его из одной руки в другую.

– Та-дам! – торжествующим голосом сказал он и продемонстрировал мне этот самый предмет. Это был шприц.

– Шприц, но не обычный шприц, а волшебный. – Он снова заулыбался, но в этот раз уже без смеха. – Я думаю, ты нашёл на своём теле, а точнее на руке, след от укола. Так вот, содержимое шприца было введено тебе в кровь, как ты уже понял, сделал это я сам. – Он показал, как вставляет сам себе шприц в локтевой сгиб.

– Сделал я это, разумеется, не здесь, а непосредственно в твоей комнате отдыха. – Опять эта дурацкая ухмылка появилась на его лице. – Ну а дальше я стал ждать, пока препарат подействует и сделает своё дело. Уверен, тебе интересно, что это за препарат и что он делает? Отвечаю на твой вопрос. – Снова дурацкая улыбка, он играет со мной, даже сейчас, когда его уже нет. – Вещество, попавшее тебе и мне в кровь, – научная разработка, созданная при военном министерстве. О да, вся подобная фигня создаётся исключительно при их участии.

Наступает мимолётная пауза, во время которой его взгляд сверлит экран, пытаясь дать мне переварить полученную информацию.

– Я учёный, причём чертовски талантливый. Я не хвастаюсь, а излагаю факты, иначе бы ты здесь не оказался. – Иро-

нический смешок переходит в дикий хохот. – Да и ты тоже, милая. – Его рука бережно гладит женщину по голове, и он снова становится серьёзным.

– Да, я работал на военных, которые не жалели денег на науку. В итоге после долгих лет упорной работы моя команда под моим чутким руководством сотворила настоящий прорыв не только в медицине, но и в военной разведке. Это самое вещество, которое я сначала создал, а затем выкрал небольшую его часть для личных целей, является амнезиаком. Но это не простой амнезиак, как те, что известны миру на сегодняшний день. Мой амнезиак – это нечто большее, препарат, не имеющий аналогов. Так вот, когда он проникает в кровь, он не просто стирает память, не оставляя при этом ничего, а меняет сознание человека. По сути дела, создаёт человека с новым взглядом на мир, стирая его прошлое.

Он двумя руками чешет голову, словно он умный учитель, пытающийся доказать глупому школьнику элементарную задачку. Признаюсь честно, из того, что он сказал, я мало чего понял. Какой-то препарат, стирающий не только память, но и само сознание. Что за бред несёт этот сумасшедший?

– Возможно, ты не понял, что именно я имею в виду. Попытаюсь рассказать более просто. Вот есть я, умный и талантливый человек, но в то же время не самый хороший и порядочный. А мой волшебный амнезиак способен изменить человека, создать новую личность в старом теле. Понимаешь, о чём я? Это настоящий прорыв. Был я, а вот теперь

уже ты. Одно тело, но два разных человека. Похожие снаружи, но абсолютно разные внутри. По крайней мере, я на это сильно надеюсь, потому что, если он работает именно так, как я думаю, то я уже никогда не вернусь. Соглашусь, что всё это звучит невероятно бредово, но уверен, что ты сейчас сидишь на стуле и подтверждаешь мою теорию.

Я с трудом верю во всё то, что говорит мой двойник или моя предыдущая версия самого себя, но это действительно так. И в самом деле я абсолютно ничего не помню из прошлой жизни, не считая тех снов и видений. Неужели моё старое сознание стёрлось и на свет появилось совершенно новое, непохожее на предыдущее? Это сюжет какого-то фантастического фильма, а не суровые реалии обычной жизни. Моей жизни.

– Правительство давно хотело получить в своё распоряжение подобное оружие. Да, ты не ослышался, именно оружие. Эти больные фанатики в форме спят и видят, как промывают мозги шпиону и засылают в тыл вражеского государства. Я не совсем понимаю, как они хотят его использовать, дабы получить выгоду, но теперь меня это вообще не касается. Что же меня касается, задаёшь ты вопрос? – Очередной смешок, брошенный мне в лицо, вызывает мурашки по телу. – Ты! – Заканчивает он фразу громким и яростным местоимением.

Проходит секунд двадцать или тридцать, пока он снова не начинает говорить.

– Не знаю, догадался ли ты, по какой именно причине на-

ходишься здесь, но предполагаю, что на данный момент обладаешь некой информацией. Наши клинические исследования показали, что память стирается всё-таки не полностью, остаются фантомные образы и воспоминания, которые могут приходить к подопытному во сне. Сон – это такая штука, которая пока неподвластна науке. Сновидениями нельзя управлять или удалить их навсегда, но без памяти они превращаются в малопонятные картинки.

Всё, что он говорит, – чистейшая правда. Не знаю, что он был за человек, раз решился провести такой эксперимент сам над собой, но вот учёный он отличный. Он как будто всё знал. Знал, что его ждёт после инъекции, точнее, что будет ждать меня – другого человека в старом теле.

– Господи, это всё один большой сон, – страдальческим голосом вымолвил я, непрерывно глядя на экран, где мой двойник продолжал монолог.

– А оказался ты здесь по одной очень простой причине. Хотя нет, это неправда, причин много, и они непростые. – Опять повисла пауза, видимо, он подбирает верные слова. – Я конченный мудака, – эти три слова прозвучали как приговор. – Не просто мудака, а последняя сволочь, место которой в аду, в бурлящем котле. У меня было всё. – Его голос вдруг потерял уверенность и звонкость, теперь с экрана говорит человек без веры в себя. – Отличная работа, высокий заработок, большой дом с хорошим ремонтом и мебелью, дорогая тачка, модные костюмы, часы, гаджеты и другая подоб-

ная ерунда, придающая жизни шик и блеск. Ну и, разумеется, женщины, любые женщины. Я трахался сутками напролёт, одну ночь проводил с блондинкой, другую с брюнеткой, третью с рыжей, а бывало, сразу со всеми. Что за жизнь! – Его взгляд устремился куда-то вверх, словно он прокручивал всех этих женщин сейчас в голове, вспоминая каждую из них. – Один сплошной кайф. Деньги текли рекой, никаких забот и тому подобного, одним словом – РАЙ. Но, как и в Библии, в моей жизни наступил момент, когда я понял, что всё это было запретным плодом, на который я повёлся как мальчишка, поддался соблазну, забыв о святом – о своей семье.

Он опустил голову, плечи поникли, руки повисли вдоль тела. Мне казалось, что он сейчас сползёт на пол как растаившее желе и так и останется там лежать. Но вместо этого он медленно встал со стула, сделал несколько шагов по комнате и снова сел. Только сейчас я обратил внимание, что он уже был одет в мою одежду, если это вообще можно было назвать одеждой. Он встал около кровати, где так же, как и сейчас, лежала женщина с перебинтованной головой, и взял её руки в свои.

– Эту прекрасную женщину я полюбил ещё в молодости, когда только начинал делать первые шаги в мире науки. Возможно, если бы не она, не её вера в меня, то я никогда не стал бы тем, кем стал. Эта прелестная женщина, мать моих детей, дышала мной, жила моими успехами, моими взлёта-

ми и падениями, изо дня в день была со мной, несмотря ни на что. Мой оплот, мой щит и меч, моя крепость, моё всё. – Он громко сглотнул, потёр рукой глаз и продолжил. – Но со временем я стал всё это забывать, стал глядеть вперёд, не оборачиваясь назад, стал эгоистом. Настолько увлёкся своей работой и успехом, что незаметно для себя отдалился от семьи. Если раньше я спешил домой, хотел поделиться с женой новостями, а затем тискать своих любимых дочурок до самой ночи, целуя их с ног до головы, то спустя годы отошёл от семейной жизни и всего, что с этим связано. Работа, похоть и развлечения овладели моим разумом и сознанием. Первое время я изменял жене украдкой, придумывал кучу различных отмазок, чтобы не ехать домой, чтобы отправиться в кабак, а затем в отель, где меня ждали горячие, молодые женские тела. Шли годы, и я уже перестал скрывать свои измены, дело дошло до того, что я заваливался с девицами прямо домой, в место, где семейный очаг горел до сих пор. А не гас он по одной простой причине – жена любила меня настолько сильно, что закрывала на всё это глаза. Мои измены стали для неё нормой, обыденными вещами, она просто перестала замечать их. По прошествии нескольких лет у неё уже не осталось слёз, если она раньше плакала ежедневно, то со временем стала чёрствым сухарём.

Даже сидя здесь я прекрасно увидел слёзы на его глазах, он плакал. Он искренне сожалел о том, что натворил. Ему было стыдно за своё поведение, за своё отношение к детям и

прежде всего к своей жене. У меня в груди всё сжалось, ведь этим человеком был и я, хотя я этого ничего не помню, но всё же этот человек я, а женщина, которая неподвижно лежит возле меня, и есть та самая жена. Но что с ней произошло? Не успел я об этом подумать, как человек на экране снова заговорил, словно прочёл мои мысли.

– Наверное, думаешь, что с ней произошло? Наверняка, всё то время, что ты находишься около неё, раз за разом задаёшь себе один и тот же вопрос? О, мой друг, здесь всё просто и сложно одновременно. К такому состоянию привело моё отношение к ней и к семье в целом. Ты уже понял, что я был хреновым мужем, да и отцом был далеко не идеальным. Ты не подумай, это не я её так отделал, нет, здесь всё намного сложнее. Думаю, тебе вряд ли удастся угадать, что приковало её к больничной койке. Прежде чем поведаю тебе эту историю, хочу сказать, что до конца своих дней, а сколько этих дней будет, решать уже тебе, но об этом чуть позже. – В этот момент я не придал значения сказанным словам, лишь потом я пойму, что это значило на самом деле. – Она не оклемается. Да-да, ты не ослышался, некогда красивая женщина и неунывающая мать двоих замечательных детей порхала по жизни энергичной бабочкой, но теперь эта бабочка превратилась в гербарий. Она уже никогда не сможет встать, заговорить, почесать себе голову, да и просто сходить в туалет. Овощ – вот кто она! Самый обыкновенный овощ с глазами. Глаза – это единственная часть тела, кото-

рая ей подвластна. Даже мычать она не в состоянии. А причиной тому стала пуля, выпущенная мной ей в голову. – Когда услышал это, мои глаза полезли из орбит, ладони взмокли, а дышать стало практически невозможно. Мне понадобилось сверхусилие, чтобы воздух попал в лёгкие. Неужели это я пытался её убить? Я повернул голову в сторону, где всё так же безмолвно и неподвижно лежала женщина, чьи глаза были устремлены на экран телевизора.

– Расслабься, малыш. – Его губы изогнулись в улыбке, хотя выражала она определённо не радость. – Это не ты, точнее, не я стрелял в неё. Она сама пустила пулю себе в голову. Smith & Wesson 36-го калибра. Я оставил тебе его перед дверью. Я знаю, что ты его нашёл. Это моё любимое оружие. Не знаю, как она его достала, ведь он всегда находился в сейфе, но каким-то образом ей это удалось.

Мой мозг начал плавиться, я ничего не понимаю. Зачем она стреляла в себя? Зачем?

– Банальное самоубийство матери двух детей, которых она больше никогда не увидит. А не увидит она их по той причине, что их больше нет в живых.

Эти слова пронзили моё сердце и голову, разнесли их в пух и прах. Что он только что сказал? Их нет больше в живых. Нет-нет, только не это. Я, всё это время находясь в этом аду, убегал от подобных мыслей, заставлял себя поверить, что авария на заснеженной дороге – это не более чем сон, плод моих фантазий, больных фантазий. А вот теперь вы-

ясняется, что два ангелочка, запечатлённых на фотографии, действительно погибли, и виной этому я и только я.

Мои ноги, в которых уже не отсталость ни капельки силы и энергии, вдруг налились внутренним жизненным соком и подняли меня со стула. Я начал ходить туда-сюда, пытаюсь избегать женского взгляда. Мне необходимо успокоиться и продолжить слушать этот кошмар.

– Автомобильная авария в тяжёлых погодных условиях разделила нашу жизнь на до и после. Это произошло воскресным днём, не сулившим ничего плохого, да и хорошего тоже, учитывая, какая стояла погода за окном: снег, ветер и нулевая видимость. – Он тяжело вздохнул, опустив голову, как будто не хотел глядеть мне в глаза, несмотря на то что нас разделяло время и экран. – Одним словом, мрак. В такую погоду не то что ехать никуда не захочешь, сделать пару шагов нет никакого желания. Но тот день был роковым, сама судьба распорядилась, чтобы каждый из нас оказался на своём месте. В тот день меня не должно было быть дома, но обстоятельства изменились. Но об этом, позволь, чуть позже, необходимо, чтобы ты не запутался во всей этой паутине.

Небольшая пауза, и резкий рык слетает с его уст. – Чёртова сучка, – выругался он и сплюнул на пол. – Будь она проклята. Ведь всё это из-за неё.

Он сделал паузу, видимо, обдумывая, чем ещё меня шокировать.

– Кстати, насчёт чёртовой сучки. По пути сюда ты её на-

шёл? – Повисла пауза. – Разумеется, нашёл. Надеюсь, ты заглянул в чёрный мешок, а не прошёл в сонном бреду мимо него. Этот мир погубит не оружие, не войны, не болезни, а большие сиськи. Когда-нибудь кто-нибудь не поделит красивую тёлку с громадными титьками и устроит пальбу, которая перерастёт в гораздо большее, чем просто заварушка. Но сейчас не об этом.

Он встал и заходил по комнате, затем подошёл обратно к кровати и взял женщину за руки. Не поворачивая голову к объективу камеры, заговорил.

– Врачи сказали, что её мозг всё понимает, работа слухового и зрительного аппаратов не нарушена, поэтому внутри неё находится самый обыкновенный человек. Это только снаружи она выглядит как неподвижный мешок с картошкой. Она всё чувствует, видит и слышит. Именно по этой причине я, находясь здесь, хочу покаяться и принести жертву, в искупление своих грехов.

В этот миг мне показалось, что на экране телевизора сейчас произойдёт что-то нехорошее, уж как-то больно пугающе прозвучали его последние слова – грехи, жертва, искупление. Но ничего такого не произошло, он снова опустился на стул и поднял глаза, наши взгляды встретились.

– На чём я остановился? Ах да, на больших сиськах. Повторюсь ещё раз, в тот день меня не должно было быть дома. Я должен был трахать свою секретаршу у неё на квартире. У нас с ней была годовщина. – Лёгкий смешок разрезал навис-

шую тишину, и говоривший встал и заходил по комнате. – В тот день исполнялся ровно год моей измене. Нет, измены начались намного раньше, но эта была самая затяжная. Ровно год моя супруга терпела весь ад, созданный моим образом жизни: постоянные задержки на работе, отсутствие дома в выходные и праздничные дни. Однажды я пропустил день рождения дочек, из-за того, что в этот день была запланирована поездка в Париж – туда и обратно, посетить модный показ и прикупить шмотья. Я просто забыл про день рождения. Но это было не самое страшное. Незадолго до аварии, наверное где-то за две недели, мы так напились, что вместо того, чтобы поехать к ней домой, поехали ко мне. Дело успело дойти только до прелюдий, как в комнату зашла жена и закатила такой скандал, что мама не горюй. Моё лицо никогда в жизни не получало такого количества пощёчин и ударов кулаком.

Он снова замолчал. Вновь сел на стул, взял в руки женскую кисть и нежно поцеловал. В этом поцелуе были заложены все чувства, которые возможно испытывать к любимому человеку. Это не было показухой или игрой, всё искренне и честно, без притворства и вранья. Я видел перед собой человека, который сожалеет о содеянном. Если бы он мог вернуться в прошлое, то приложил бы максимум усилий, чтобы всего этого не произошло.

– Если бы я мог, – он прервал мои мысли, разыгравшиеся в голове, резким всхлипом, – мог вернуться назад, во време-

на, когда был примерным семьянином, когда на первом месте стояла семья, то я отдал бы всё, все успехи в работе и карьерные взлёты, всё отдал, только бы вернуть всё как было. – Он вновь прервался, провёл рукой по мокрым глазам и продолжил: – Они были бы живы, а она, – он повернул лицо к женщине, – не лежала бы прикованная к больничной койке, а я не находился бы здесь. Ну а тебя бы не было на свете.

Последняя фраза, сказанная им, показалась грубой по отношению ко мне. Я до сих пор не мог поверить, что я и он – это один человек, одно тело. Если всё, что он говорит, правда, а, скорее всего, это так, то я как личность родился не так уж и давно. Я абсолютно новый человек, появившийся на свет в зрелом возрасте. Как же всё это бредово звучит, но это так. С человеком на экране у нас общее только тело, но вот душа и сознание – разные.

– Душа и сознание, – тихо произнёс я, пытаюсь понять суть сказанного.

Душа и сознание созданы человеком, а не Богом. Вот куда он замахнулся. Не знаю, осознаёт он, или осознавал, что сделал. Решил встать на одну ступень с Господом Богом и потягаться с ним. Чем я дольше об этом думаю, тем больше пугаюсь.

– Позволь, я всё-таки завершу рассказ, чтобы ты смог получить ответы на все свои вопросы. Уверен сейчас у тебя их миллион, а может и больше.

– Вот больной ублюдок, – вырвалось у меня. – Он читает

МОИ МЫСЛИ.

– Итак, после того неприятного инцидента, назовём его так, я на некоторое время ушёл из дома и переехал к той секретарше. Она уговаривала меня уйти от жены и жениться на ней. Но внутри меня жило огромное сомнение по поводу такой перспективы. И чувства меня не подвели. Теперь пришло время рассказать про маленькую сучку.

За два дня до аварии на её столе я случайно нашёл бумажку, на которой были записаны дата, время и адрес. Я сверил дату по календарю и выяснил, что это день нашей годовщины. Именно в этот день в город приезжала популярная музыкальная группа, дающая один-два концерта в год. У них поменялись гастрольные планы, и они решили провести заветное шоу в нашем городе. Я помню, как незадолго до этого предложил ей сходить на него, а потом поехать к ней и бурно отметить. Но она сказала, что не может. Якобы на этот день у неё запланирована встреча с давней подругой, которая на сутки приезжает в город, и предложила перенести запланированное торжество на следующий день. Тогда я не придал этому факту никакого значения. Но когда обнаружил записку на столе, в душу закрались сомнения, потому что на обратной стороне был указан номер телефона. Все подозрения вызывало не то, что там было написано, а сердечко.

Я слушал с замиранием сердца, мне было ужасно интересно узнать, что такого произошло в жизни этого славного учёного, что мы все сейчас находимся в военном бункере.

Даже огненная боль внутри не могла отвлечь меня от экрана телевизора.

– Вокруг номера телефона было нарисовано красное сердечко. Ты понимаешь что-нибудь уже? Наверное, да, но я в тот момент не мог понять, что именно я вижу – милую записку от старинной подруги или любовную записку от чужого мужчины. Я решил позвонить по указанному номеру, дабы раз и навсегда развеять свои страхи. Да, я боялся, боялся её потерять. Любовь, спросишь ты. Не знаю, возможно. А возможно, просто наличие хорошего секса, не знаю. Короче, я позвонил, и на том конце провода прозвучал мужской голос. У меня всё опустилось, словно чан холодной воды вылили на голову. Через несколько секунд я повесил трубку. Ей, разумеется, ничего не стал говорить, а исполнил роль дурачка. Сказал, что схожу на концерт один, а она пускай проводит время с подружкой. Но, разумеется, ни на какой концерт я не пошёл, а приехал по адресу, указанному в записке.

Он глубоко вздохнул и выдохнул. Собирался с мыслями, тем самым давая мне время усвоить всё им сказанное.

– Её подружка детства выглядела очень эффектно и сексуально. Рост около метра девяносто, чёрные короткие волосы, накаченное тело, готовое порвать надетую на него белую рубашку. Молодой человек лет двадцати пяти, не больше, обнимал её за талию, ласкал её за задницу и страстно целовал. Это всё происходило перед входом в дешёвое кафе, а затем они зашли внутрь и уселись у окна, откуда мне откры-

вался отличный вид. Я пристально наблюдал за ними с противоположной стороны. Они выглядели счастливой парой, любящей друг друга. Целовались чуть ли не каждые пять минут. Происходившая на моих глазах любовная сцена терзала меня изнутри, мне хотелось ворваться туда и убить их, разорвать на мелкие клочки и закопать в землю. Но вместо этого я позвонил ей и спросил, как у неё дела, как проходит встреча и тому подобное. В ответ она сказала, что всё хорошо, что подружка передаёт ей пламенный привет, и в этот самый момент он начал страстно целовать её в шею. Пони-маешь, это всё было специально, и ей это нравилось, полу-чала удовольствие от обмана. Я изменял жене, а любовница изменяла мне с мужчиной её возраста. Ирония судьбы. И в тот самый миг я решил, что всё делаю и делаю неправильно. У меня есть семья, жена, которая в своё время готова была за меня жизнь отдать, и две прекрасные дочери. Вме-сто того чтобы быть вместе с ними, я трачу своё время на шлюшку двадцати лет, и при этом убиваюсь, что жизнь ко мне якобы несправедлива. Какой же я дурак! И мне захоте-лось вернуться домой, к жене, к детям, к семейной идиллии и прошлым временам, когда мы все вчетвером собирались у большого телевизора и смотрели фильмы, хрустя попкорном и чипсами. Боже мой, как это было давно. На меня словно снизошло озарение, чары заклятия спали и мой разум осво-бодился. Не думая больше ни секунды, я сел в автомобиль и помчался к себе домой, ожидая увидеть всех их. Погода

тогда уже начала портиться, но ехать ещё можно было. Когда я открыл дверь ключом, то никого не застал, кроме собаки, которую особо-то и не любил. Я не стал расстраиваться и решил приготовить их любимые вкусняшки – сырники и нагетсы. Открыл вино и стал придумывать, как вымолить прощение. Спустя некоторое время дверь открылась и вместе со снегом в дом вошла женщина. Это была не моя жена, я сначала не узнал её, но затем понял, кто это. Лучшая подруга моей супруги, которая была у нас свидетельницей на свадьбе. Я спросил, где они, но она ничего не ответила, явно была удивлена моему пребыванию в доме. Она прошла в комнату девочек взяла чемодан, подошла к входной двери. Надела на пса поводок и вышла обратно на улицу. Снаружи стояла дикая метель, видимость практически нулевая. Погрузила вещи в багажник внедорожника и села за руль. Я бросился к ней и увидел своих дочек на заднем сидении. Они махали мне ручками и улыбались. Затем машина резко дёрнулась и тронулась с места. Это был последний раз, когда я видел ангелочков живыми.

После последних слов у меня внутри всё сжалось, что усилило жгучую боль. «Последний раз», – это была не просто фраза, не звук, сорвавшийся с губ, это пылающая огнём стрела, пронизывающая всё на своём пути. Значит, то, что я видел в своём сне, было правдой. Как же мне хотелось, чтобы всё увиденное мной было вымыслом, игрой воображения, да просто кошмаром.

– Я сначала оторопел, не понимал, что, чёрт возьми, происходит. Куда она увозит моих детей? Вот единственный вопрос, волновавший меня в тот момент. – Он продолжал говорить так, словно находился под гипнозом, его лицо мало что выражало, руки лежали на коленях, а голова была слегка откинута назад. Это было похоже на исповедь, предсмертную.

– Я быстро пришёл в себя и быстро сообразил, что должен поехать за ними. Погода была ужасная, настоящий белый мрак царил на улице. Валил такой снег, что с трудом можно было разглядеть вытянутую перед собой руку. В такой снегопад не то что ехать никуда нельзя, даже выходить из дому настоящее безумие. Но эта набитая дура исполняла просьбу лучшей подруги и заехала к нам домой, будучи уверена, что меня там нет, а меня там и не должно было быть, напомним тебе ещё раз. – Он пристально посмотрел в камеру и горько улыбнулся. – Забрать кое-какие вещи и вернуться назад. Но назад они так и не вернулись, так же, как и я. Я кинулся за ними вслед, пытаюсь догнать и остановить. Я был слегка пьян, алкоголь дал о себе знать. Не знаю, стало ли это главной причиной аварии или нет, но какая разница. В итоге мою машину занесло, задело их машину, которая ехала впереди, и мы оба закружились. Помню, как меня мотало по салону автомобиля, то и дело стучался о потолок и двери. Не знаю, как я остался жив, учитывая тот факт, что ремень безопасности не был пристёгнут, но суть уже не в этом. Суть в том, что в другой машине погибли все. Об этом я узнал уже

позже, когда очнулся и понял, что нахожусь в больничной палате, перевязанный с ног до головы. Врачи сказали, что я счастливчик, ни одного перелома, только ссадины по всему телу и небольшое сотрясение мозга.

По его щекам потекли слёзы, даже отсюда, через экран телевизора, можно было увидеть, как прозрачные виноградинки берут начало в глазах и разбиваются о колени. Признаюсь, я тоже не смог сдержать эмоции, несмотря на то что эти девочки были для меня чужими, лишь невидимая нить прошлого связывала нас, вызывая чувство горечи глубоко внутри.

Я вытер глаза тыльной стороной ладони и продолжил внимательно слушать рассказ-исповедь самого себя. Многое из сказанного мне было известно, ну или по крайней мере я догадывался об этом, но вот некоторые вещи сразили меня наповал.

– Помню, как меня практически без чувств погружали в карету «скорой помощи» и в тот момент мои глаза увидели нечто. Тело моей маленькой принцессы лежало в чёрном мешке, а молния шла вверх, погружая моего ребёнка во тьму. Передать ту гамму чувств и эмоций, что я испытал, просто невозможно. Я тебе даже немножко завидую, так как ты вряд ли это вспомнишь.

А вот здесь он ошибается. Даже сейчас я раз за разом прокручиваю в голове тот момент с трупным мешком на заснеженной дороге. Лишь его монотонный голос не позволил мне

утонуть в мрачных воспоминаниях.

– Когда я пришёл в сознание и ко мне допустили гостей, то первым вошёл близкий друг семьи. На нём просто не было лица, я не знал, что и думать, боялся представить, с какими вестями он явился ко мне. Помню, как он положил руку мне на плечо, отвёл глаза в сторону и тяжело вздохнул. Следующая его фраза по сей момент сидит у меня в мозгу и никак не хочет оттуда уходить.

Он громко сглотнул и скрипя зубами выжал всего три слова:

– Они все мертвы.

Снова пауза, он боролся с самим собой, сдерживая слёзы.

– Он сказал, что они все мертвы. Я даже сначала не уяснил, о чём это он, понимаешь? Когда я очнулся, то не сразу вспомнил, что произошло. В голове летали какие-то непонятные картинки, снег, машины и много мигалок, но досконально вспомнить не мог. А тут он выдаёт такое, словно удар под дых. У меня сбилось дыхание, стало трудно дышать, тут же прибежали врачи, сделали мне укол, и я снова уснул. Потом спустя некоторое время я снова пришёл в сознание и лишь тогда понял, что произошло. Мои девочки погибли. Врач сказал, что после такой аварии выжить нет шансов. И на этом всё, больше он ничего не сообщил.

С каждым произнесённым словом мне было всё труднее смотреть на него, то есть на самого себя, на другую версию себя. Видно, что ему действительно больно. Да и не толь-

ко ему. У меня внутри всё сжималось и горело, но это была не физическая боль, вызванная хирургическим вмешательством. Боль от того, что мои дети мертвы. Пускай память стёрта, а вместе с ней и сознание, но я всё же чувствовал горечь утраты и потери родной плоти и крови. Я хотел умереть прямо здесь и сейчас, не желаю больше слушать этот ужас – ужас, который сотворил я.

– Но это ещё не всё. Спустя пару часов мне сообщили, что в эту же больницу доставили мою жену с огнестрельным ранением. Я не мог понять, что вообще происходит – сначала мои дети, а теперь и жена. Я всячески пытался выяснить, что с ней случилось, но не сумел, я был так взбудоражен, что не мог нормально воспринимать полученную информацию. Мне что-то говорили, но у меня не выходило связать всё воедино. Лишь после очередного укола успокоительного, когда я засыпал, мой мозг разложил всё по своим местам. Жена, любившая меня и детей всей душой, пыталась застрелиться. Но её попытка не удалась, умудрилась выстрелить себе в голову так, что пуля непонятным образом задела край мозга, но при этом не убила его. Результат этого выстрела ты можешь лицезреть прямо сейчас.

Он повернул голову и пристально взгляделся в женское тело на кровати. Мгновение спустя я сделал то же самое. Женщина с перебинтованной головой, к которой подключено множество проводов, хотела убить себя, но каким-то образом превратила себя вместо мертвеца в растение. Голос на

экране снова ожил.

– Врачи говорят, что она уже никогда не выйдет из этого состояния. Говорят, что пуля не задела участки мозга, отвечающие за жизнедеятельность организма, но задеты те участки, благодаря которым мы являемся людьми. Она даже есть сама не может, всё необходимое поступает через трубки жизнедеятельности. Но об этом я тебе уже говорил.

Он замолчал, встал со стула и вышел из зоны видимости. Благодаря этой возникшей паузе я попытался собрать пазл в единое целое. Получается, что я намеревался уйти от семьи к молодой любовнице, но вместо этого ушли они, все одним махом.

– В один день я потерял всё и всех. Ты даже не представляешь, насколько это тяжело. Ничто не бьёт так тяжело, как жизнь. Вот ты твёрдо стоишь на двух ногах и думаешь, что так будет всегда, но секунду спустя ты падаешь и просто не находишь сил подняться. Я не нашёл.

Человек с револьвером в руках появился в кадре и смотрел прямо на меня.

– Именно при помощи этого пистолета моя жена пыталась отправиться к нашим девочкам. Я надеюсь, он сейчас у тебя. Как ты мог заметить, там всего один патрон. Как с ним поступить, решай сам. Выбраться отсюда просто невозможно. Ты спрашиваешь, зачем всё это надо было? Так я тебе отвечу. Вот эта женщина, – он указал на кровать, где неподвижно лежало тело, – всей душой ненавидела меня, нена-

видела мои измены с этой сучкой, которая, кстати, запустила весь этот смертельный механизм. Я её тоже решил захватить с собой, а то, думаю, будет как-то несправедливо. Эта дрянь не заслуживает жить, пусть сгниёт и накормит червей своим поганым телом. Так о чём я? Вспомнил. Она ненавидела меня и эту сучку и желала нам сдохнуть. Когда меня грузили в машину «скорой помощи», она так и сказала: «Чтобы вы сдохли, они погибли из-за вас». Эта фраза так въелась мне в голову, что после её неудачной попытки самоубийства стала неким наваждением, настоящим призывом. Мне хотелось сделать для неё хоть что-то приятное. Понимаешь, о чём я?

– Конечно, я понимаю о чём ты, больной ублюдок!

– Я думаю, понимаешь. Эту сисятую тварь я убил сразу, просто ввёл ей воздух в вену, и конец. Привёз сюда и уже тут отрезал язык, как символ нашей любви, если это вообще была любовь. Затем привёз сюда её, – он снова ткнул пальцем в практически безжизненное тело женщины, – подключил всё необходимое оборудование, чтобы она прожила некоторое время и могла наблюдать за тем, как я мучаюсь и медленно подыхаю. Я хотел просто застрелиться или что-то в этом роде, но не хватило духа. Да и подумал, что так будет интереснее, и ей не будет скучно умирать. И вдобавок ко всему хотелось проверить на деле своё научное достижение. Надеюсь, она получила настоящее удовольствие от всего того, через что ты прошёл. Уверен, сейчас ты выглядишь очень хреново, а возможно, уже умер, пока слушал мою длиннющую

историю. Поэтому пора прощаться. Ты ни в чём не виноват, просто так вышло. Не сердись.

Он подошёл к женщине, наклонился и поцеловал её в лоб. Затем встал перед объективом, продемонстрировал шприц, улыбнулся в последний раз и выключил камеру.

Обыкновенный акт мести и ничего больше. Бесспорно, месть немного странная, даже необычная, ведь не каждый же день больной учёный мстит сам себе таким изощрённым способом.

С каждой минутой, а может и секундой, боль внутри меня становилась сильнее. Всё горело адским пламенем. Не было уже сил ни стоять, ни держать ничего в руках. Собираю всю волю в кулак. Я взял пистолет с тумбочки, сейчас он казался мне невероятно тяжёлым, и встал напротив женщины. Мы смотрели друг на друга. Находясь прикованной к постели, она смотрела на меня тяжёлым взглядом, там не было ни капельки сострадания. Что же ты сделал с этой женщиной – подумал я, вспоминая весь его рассказ. Но сейчас было уже слишком поздно прокручивать в голове услышанное. Вместо этого я поднёс револьвер к своему виску. Тяжело ли это сделать, нажать на курок? Что и говорить, даже в нынешних обстоятельствах убить себя нелегко. Я восхищаюсь женщиной, взгляд которой уже просто сверлит меня насквозь, с лёгкостью нажавшей на спусковой крючок, в отличие от него и от меня. Но есть ли у меня выбор, когда шансов на спасение нет? Убить себя – будет проявлением слабости. Оставлять её

умирать долго и мучительно – будет проявлением слабости. Силы меня покидают, поэтому я, как джентльмен, пропущу вперёд даму.

В маленькой комнате раздался грохот, запахло порохом. Белая подушка окрасилась в красные цвета. В этот раз промаха не произошло. Я считаю, что поступил правильно. Жить с чувством вины – самая большая кара, которая может постигнуть человека. Это моё наказание и только моё. Я люблю вас, мои ангелочки, связь отца и детей неразрывна, ничто не может её разорвать. Скоро мы будем вместе, все – я, ваша мама и вы. И у нас всё будет хорошо.

Револьвер выпал из рук, ударился об пол, на который скоро рухну и я. Надеюсь, смерть наступит быстро, устал уже терпеть жгучую боль, хочу к ним.

Темнота. Ох, как же я ненавижу темноту. Но наконец-то пробивается небольшой лучик света. Спасибо тебе, Господи. Там стоят они – моя любимая жена и ангелочки, машущие мне и кричащие задорными голосами, чтобы я поторапливался. Мы вместе, пусть мы и не стали счастливой семьёй там, то хотя бы здесь обретём счастье. Любовь не умирает, она живёт всегда.

Эпилог

За большим окном кружились последние зимние снежинки. Весна с каждым часом проявляла свою настойчивость, прогоняя короткие дни на заслуженный отдых. Мартовское солнышко ещё не обрело должной мощи, но всё равно уже дарило тепло. Тонкий лучик света, пробивавшийся через плотную ткань шторы, аккуратно лёг на беленькую ручку. Солнечный зайчик застыл на месте и лишь спустя несколько секунд был прогнан хмурым и серым облаком. Этого времени было достаточно для того, чтобы на кукольном личике открылись глазки. словно две маленькие бабочки одновременно взлетели вверх, оставляя после себя лёгкое дуновение. Широко раскрытые глаза были устремлены вверх, на белый потолок, где назойливо жужжала небольшая мушка. Тут же на смену непониманию пришло чувство страха, отчего куколка приняла перпендикулярное положение.

– Мама, папа! Вы где?

Голова крутилась влево-вправо и так несколько раз, пока в комнату не вбежала женщина в белом халате.

– Успокойся, милая, всё хорошо! Не бойся! – нежным голосом прошептала медсестра. – Ты знаешь, где находишься?

– Нет! – еле слышно ответила девочка, которая всё так же сидела на кровати, не понимая, что происходит.

– Ты в больнице. Ты очень долго спала, но вот наконец-то проснулась. Это очень хорошо. Сейчас придёт доктор и всё тебе расскажет. Пока доктор не пришёл, ты лучше полежи. Хорошо, милая?

– Хорошо, – ещё тише произнесла девочка.

Медсестра вышла. Там уже стоял высокий мужчина в таком же белом халате, но гораздо старше. Он пристально смотрел через стекло, на только что ожившего маленького человечка.

– Я уже и не надеялся на такой исход, – произнёс он с радостными нотками в голосе. – Это не что иное, как настоящее чудо. Божья воля.

– Это точно! – поддержала молоденькая медсестра начальника. – Почти год прошёл, как её привезли к нам. Кто бы мог подумать, что этот день настанет.

– И не говорите, милочка, даже я почти потерял надежду. – Доктор поправил головной убор и приблизился к двери палаты.

В три больших шага он переступил порог и закрыл дверь с обратной стороны. Медсестра не могла уйти и поэтому продолжала стоять, наблюдая через стекло за происходящим в палате.

– Она пришла в себя?! – Сзади неожиданно раздался женский голос.

– Не кричи так громко!

– Извини. – Молодая девушка со стопкой медицинских

масок приблизилась к палате.

– Да, буквально только что.

– Не может быть!

– Мало кто верил, что после такой автомобильной аварии можно остаться в живых.

– Говорят, она осталась жива благодаря собаке?

– Да, – задумчиво ответила первая медсестра. – Незадолго до столкновения она перебралась в багажное отделение, где находился пёс. При ударе он сыграл роль подушки безопасности, ослабив ударную волну. Толком никто ничего не знает, но следователи пришли к такому выводу.

– Собака погибла?

– К сожалению, да, как и все остальные, кто находился в машине.

– Сколько раз машина перевернулась?

– Около пяти.

– Ужас какой!

– А что её отец? – не успокаивалась медсестра с масками в руках, которая жаждала новостей.

– Следствие пришло к выводу, что именно он спровоцировал аварию, преследуя их.

– Преследуя?

– Да. Подробности я не знаю.

– И что с ним случилось? Где он сейчас?

– Тогда его доставили в нашу больницу, но в соседнее отделение. Когда он пришёл в себя, ему сказали, что все, кто

ехал в чёрном внедорожнике, погибли.

– То есть? Я не понимаю. Она же не погибла, – вторая медсестра махнула свободной рукой в сторону обитательницы палаты.

– На месте аварии их всех посчитали мёртвыми. Никто из них не дышал. Всех упаковали в трупные мешки, и только в морге выяснилось, что одна из девочек жива.

– Мамочки мои! Как такое может быть?

– Клиническая смерть или что-то типа этого, точно не знаю. Да и неважно это, а важно то, что отцу не успели об этом сообщить.

– Как это, не успели?

– Через несколько часов после дорожной аварии к нам в отделение доставили мать девочек, которая так и не дождалась своих детей. – Рассказчица задумалась на несколько секунд и продолжила: – Она пыталась покончить с собой.

– Обалдеть!

– Хотела застрелиться, но произвела крайне неудачный выстрел в голову. После чего превратилась в овощ.

– А отцу девочек почему не сообщили, что одна из его дочек жива и находится в коме?

– Он сбежал в этот же день и исчез, будто растворился в воздухе. Его пытались найти, но он словно под землю провалился. А спустя несколько дней его жена таинственно исчезла из палаты. Вот такой сюжетец!

– И никто не видел, как она пропала?

– В ночь, когда она исчезла, сработала пожарная тревога.

Кто-то намеренно поджѐг склад со старым оборудованием...

– Ты на что-то намекаешь?

– Я ни на что не намекаю. Говорю как есть. Всё это очень странно.

– И что, за год о них нет никаких известий?

– Нет. Говорю же, как под землю провалились.

Две женщины в белых халатах замолчали и пристально посмотрели на маленького ангелочка, мирно лежавшего в палате.

Ровно неделю назад в центральное управление полиции поступил анонимный звонок. Звонивший сообщил географические координаты, указывающие на заброшенный секретный бункер. А также он сказал, что внутри скрытого под землёй бункера находятся человеческие тела. Не сообщив больше ничего, он бросил трубку.

Оперативная группа следователей незамедлительно выехала на предположительное место преступления. По прибытии следователи центрального управления полиции почти час пытались найти вход в подземный бункер. Уже собрались уезжать, решив, что эта чья-то неудачная шутка, но один из оперативников наткнулся на хорошо замаскированную дверь под слоем земли.

После многодневных работ внутри подземного помещения следственная группа сообщила, что и в самом деле обнаружила бункер, состоящий из множества длинных лаби-

ринтов. Среди этих лабиринтов было найдены два тела. Как показала криминалистическая экспертиза, два тела являются женскими, пролежавшими там не меньше одного года. Обе жертвы имеют следы насильственной смерти. У одной из убитых отсутствует язык, а другая находилась в больничной койке, подключённая к медицинским аппаратам. Как и кем были убиты женщины, следствие пока не разглашает, но можно сказать одно — это преступление оставляет больше вопросов, чем ответов.

Мы будем следить за происходящим и держать вас в курсе всех событий, связанных с этим загадочным делом. Оставайтесь с нами.

В оформлении обложки использованы фотографии <https://www.canva.com/>